

КОСТРОМА

*литературный
альманах*

2023

КОСТРОМА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 8

*К 200-летию со дня рождения великого русского драматурга
Александра Николаевича Островского*

Кострома
2023

УДК 821(470.317)-2
ББК 84(2Рос-4Кос)-6+83.3(2)5
К 725

Издание альманаха осуществляется при поддержке
департамента культуры Костромской области

Кострома : литературный альманах. Выпуск № 8 / гл. ред.
К 725 Н. Мушинова. – Кострома : Областная писательская организация
Общероссийской общественной организации «Союз писателей
России», 2023. – 244 с.

Выпуск № 8 альманаха «Кострома» посвящён 200-летию со дня рождения великого русского драматурга А.Н. Островского, чья жизнь и творчество тесно связаны с Костромским краем. В нём представлены литературоведческие исследования известных костромских учёных и театральных деятелей, посвящённые творчеству А.Н. Островского и русскому театру, а также пьесы современных костромских драматургов.

Содержание альманаха соответствует целям Всероссийского образовательного проекта по использованию регионального компонента на уроках русского языка и литературы в школах и вузах по специальности «литературное творчество», по направлениям подготовки «филология» и «регионоведение России».

Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821(470.317)-2
ББК 84(2Рос-4Кос)-6+83.3(2)5

© Костромская областная писательская
организация Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России», 2023
© Мушинова Н.Е., гл. ред., 2023
© Коллектив авторов, 2023

КОСТРОМА А.Н. ОСТРОВСКОГО

К 200-летию со дня рождения великого русского драматурга

Имя Александра Николаевича Островского занимает особое место в истории нашего города и всего Костромского края. Он для всех нас – свой. Хотя родился Александр Николаевич в Москве и сформировался в среде замоскворецкого купечества, но те эмоции, которые он пережил в свой первый приезд в Кострому весной 1848 года, степень пережитого им восторга можно сравнить, пожалуй, только с любовью с первого взгляда: *«Я стою на крутейшей горе, под ногами у меня Волга, и по ней взад и вперёд идут суда. С правой стороны у меня собор и главный город, всё это вместе с устьем Костромы облито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у самых наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника... Измученный воротился я домой и долго, долго не мог уснуть».*

В дальнейшем впечатления от города, новоприобретённой усадьбы Щельково и местной природы только крепили. Постепенно костромская земля стала для драматурга местом, питающим его вдохновение, дающим творческие силы. Не удивительно, что об Островском в Костроме напоминает многое. Давайте в юбилейный год 200-летия со дня рождения Александра Николаевича Островского пройдем по улицам нашего города, вспоминая великого драматурга, запечатлевшего костромские виды и характеры в своих произведениях.

Хочется начать со здания бывшей гостиницы «Россия», где в апреле 1848 года драматург останавливался по дороге в усадьбу Щельково, впервые направляясь туда. Это дом № 1 по проспекту Мира (бывш. Павловская улица). Сегодня на здании установлена мемориальная доска, зафиксировавшая это памятное событие.

Рис.1

КОСТРОМА

Вот какие воспоминания, в которых любой костромич легко узнает Сусанинскую площадь, ряды и улицу Молочная гора, писатель оставил в своём дневнике: *«Мы с Николаем [брат А.Н. Островского] ходили смотреть город; площадь, на которой находится та гостиница, где мы остановились, великолепна. Посреди – памятник Сусанину, ещё закрытый, прямо – широкий съезд на Волгу, по сторонам площади прекрасно устроенный гостинный двор и потом во все направления прямые улицы. Таких площадей в Москве нет ни одной».*

Стоя в центре площади, мы сможем увидеть ещё два здания, связанных с именем великого драматурга.

Слева, если стоять лицом к бывшей гостинице «Россия», между гауптвахтой и Пожарной каланчой, берёт своё начало улица Симановского (бывш. Костромская). Там, в доме номер 10 сегодня размещается Музей театрального костюма (рис.2).

Рис.2

В экспозиции музея установлены декорации к наиболее известным пьесам А.Н. Островского: интерьер купеческого дома (спектакль «Гроза»); интерьер гостинной в небогатом дворянском доме (спектакль «Бесприданница»); интерьер театральной гримёрки конца XIX века (спектакль «Без вины виноватые») и т.д.

Рис.3

Напротив бывшей гостиницы «Россия» на правой стороне проспекта Мира стоит представительный особняк, построенный генералом Борщовым, это единственное здание дворцового типа в Костроме (рис.3). Став сенатором, Борщов бывает в Костроме всё реже, а спустя какое-то время продаёт дом купцу Полушкину, который, в свою очередь, устраивает здесь гостиницу «Лондон». Именно она появляется в пьесе «Бесприданница», правда с названием «Париж».

На улице Свердлова (бывш. Никольская), что проходит справа от дома Борщова, между улицами Шагова (бывш. Марьянская) и Советской (бывш. Русина), ныне восстановлена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (рис. 4, 5).

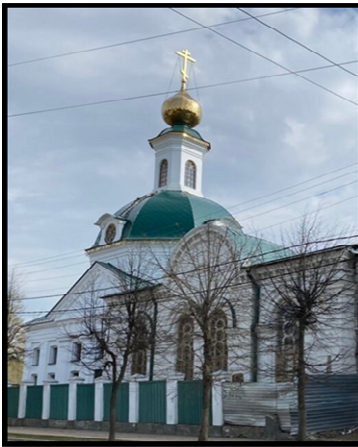

Рис.4

Рис.5

Здесь служил протоиереем дед Александра Николаевича по отцу Фёдор Иванович (1770 – 1842 (43)). Рядом с церковью находился и дом Фёдора Ивановича Островского, в котором родился отец будущего драматурга Николай Фёдорович. К сожалению, дом сгорел, и Николай Фёдорович не стал его восстанавливать, поскольку к тому времени уже обосновался в Москве.

Однако в Костроме остался родной дядя драматурга, Павел Фёдорович Островский, протоиерей Костромского Успенского кафедрального собора (рис. 6), краевед, автор ряда книг о костромских историко-архитектурных памятниках. В том числе он оставил детальное описание кафедрального собора, что очень помогло при разработке проекта воссоздания архитектурного ансамбля, взорванного в 1934 году.

А ещё, по отзывам современников, проповеди Павла Фёдоровича производили большое впечатление на прихожан и всегда находили отклик в их душах.

Рис.6

А.Н. Островский очень любил и ценил своего дядюшку и, бывая в Костроме, останавливался в его доме на улице Горной (бывш. Богословская), дом 8А (рис.7).

Рис.7

Об этих тёплых родственных отношениях свидетельствуют такие слова Александра Николаевича: *«Любезнейший дядюшка Павел Фёдорович, от всей души благодарим Вас за ваше приветствие, полученное нами в самый день моих именин. Окончания дела о завещании Белиховой, вероятно, мне не дожидаться в Щельковке, и, несмотря на моё желание побывать в Костроме, я должен буду отказать себе в этом удовольствии... Просим Вас засвидетельствовать почтеннейшей тётушке наше глубокое уважение. Дети все кланяются. Глубоко уважающие и искренне любящие Вас А. и М. Островские».*

На той же улице стоит дом № 7/2, в котором жил видный костромской писатель Алексей Феофилактович Писемский (рис.8), с которым А.Н. Островский долгие годы поддерживал близкие отношения.

Рис.8

Прямо перед нами – начало проспекта Мира (бывш. Павловская улица), где мы найдём целую россыпь объектов, связанных с личностью и творчеством великого драматурга.

По правой стороне проспекта в доме № 4 Б (рис. 9) находится новый четырёхзвёздочный отель «Островский» с рестораном русской кухни «Гроза», а также с полным комплексом современных услуг для работы и отдыха. По отзывам отдыхающих, это один из самых лучших отелей Костромы.

Рис.9

КОСТРОМА

Далее, по левой стороне в доме № 9 с 60-х годов XIX века располагается один из старейших драматических театров России (рис. 10).

Рис.10

Основание Костромского драматического театра состоялось в 1808 году, и первое время труппе приходилось выступать на разных площадках, пока в 1863 году не было построено это здание в классическом стиле.

Большое влияние на развитие театральной жизни города оказало то, что во время войны с Наполеоном, в 1812 году, в Кострому был эвакуирован Московский императорский театр.

В 1854 году в костромском театре впервые в провинции поставили пьесу Александра Николаевича Островского, и далее здесь ставились все пьесы знаменитого драматурга (за исключением «Пучины»).

Костромской драматический театр носит имя Александра Николаевича Островского с 1923 года, когда наша страна отмечала 100-летие со дня рождения драматурга. В 1973 году, на 150-летие драматурга, в Костроме учреждается международный фестиваль «Дни Островского в Костроме».

Это фестиваль профессиональных драматических театров всей России и стран СНГ, в рамках которого театральные коллективы показывают свои постановки пьес Островского.

Костромской драматический театр – участник всероссийских и международных фестивалей, постоянный участник Международного Волковского фестиваля в Ярославле.

Рис.11

В 1967 году напротив здания театра был установлен бюст Александра Островского работы скульптора Саркисова, подарок, сделанный городу Государственным мемориальным и природным музеем-заповедником А.Н. Островского «Щельково» (рис. 11).

*Костромские писатели
встречают гостей.*

*В. Латынин, Ю. Щербаков,
И. Горина, М. Парамонова,
Г. Иванов, Н. Мусинова,
О. Запольских, В. Проскуряков
на Международной конференции
«Дни литературы в Костроме»,
посвящённой 60-летию
Костромской областной
писательской организации
Союза писателей России.
10.09.2021 г. Кострома.*

КОСТРОМА

Костромичи с большой благодарностью относятся к памяти Александра Николаевича Островского. Так, в год смерти писателя начался, благодаря энергии костромского учителя и неутомимого общественника Евгения Милюевича Микифорова, сбор средств на строительство народной читальни в память А.Н. Островского.

Первый взнос на постройку сделал писатель А.А. Потехин, с которым сотрудничал и которому помогал Александр Николаевич, треть сборов отчислил московский театр Корша.

Двухэтажное кирпичное здание на подвалах построено в 1896 г. по проекту инженера И.В. Брюханова (рис.12). В то время в читальнях проводились лекции просветительского характера с демонстрацией диапозитивов («туманных картин», как их тогда называли). С большими сложностями деньги были собраны, в том числе при участии Фёдора Шаляпина и Леонида Собинова, Марии Ермоловой и Марии Савиной и других актеров Малого театра. 5 мая 1895 г. в присутствии главных лиц города в переднем углу строящегося здания была заложена доска: «В царствование Императора Николая II мая 5-го дня 1895 года заложено сие здание для народных чтений в память писателя-костромича Александра Николаевича Островского», а 22 сентября следующего, 1896 года здание было освящено. Первая лекция была посвящена самому А.Н. Островскому и так же сопровождалась показом иллюстраций к его произведениям. На этой лекции присутствовали вдова писателя, Мария Васильевна, и его дети Сергей и Александр.

Рис.12

С появлением кинематографа популярность «туманных картин» упала, но к тому времени при читальне на средства фабрикантов Зотовых открыли библиотеку. В 1899 году при читальне Островского открылся народный театр, в 1918-м – Театр студийных постановок под руководством выдающегося режиссера А. Д. Попова, позднее ставший профессиональным театром юного зрителя.

С 1940-х годов в здании находится Костромской кукольный театр. Так читальный дом имени драматурга А.Н. Островского, построенный с помощью пожертвований легендарных актёров Малого театра, навсегда становится театральным домом. В 1970-х годах была выполнена реконструкция кукольного театра, которая придала ему более «сказочный» вид (рис.13).

Рис.13

Сегодня Костромской областной театр кукол принимает участие в многочисленных фестивалях и одерживает победы. Лауреатами премии «Золотая Маска» стали спектакли «Медведь» и «Снегурочка».

Да и сама улица, на которой стоит театр, в 1948 году в связи с 125-летием великого русского драматурга, москвича по рождению, но костромича по духу, была переименована в честь Островского.

Пристальное внимание к жизни во всех её проявлениях, любовь к ней, высочайшее мастерство при создании речевых характеристик героев, глубокое знание человеческой природы – вот причины сценического долголетия пьес Александра Николаевича Островского. До сих пор они нужны, их ставят на сцене театров и снимают фильмы.

В Костроме прошли съёмки нескольких фильмов по произведениям А.Н. Островского. В 1936 году режиссёр Яков Протазанов снял фильм «Бесприданница» по одноимённой пьесе А.Н. Островского – этот фильм получил Золотую медаль на Международной выставке в Париже в 1937 году.

В 1968 году актёр и режиссёр Павел Кадочников снял фильм-сказку «Снегурочка». Для съёмок построили целую деревню берендеев в окрестностях Щельково, а после съёмок подарили декорации городу. Домикам и терему царя-Берендея определили место в городском парке имени

КОСТРОМА

50-летия Октября, на окраине у Посадского леса. Вскоре и парк, и прилегающую местность стали называть Берендеевка. С течением времени декорации, построенные на сезон, обветшали, часть домов развалилась и всё пришлось убрать. Но в той же стилистике на этом месте был построен парк-отель «Берендеевка» (рис.14), где гости города с удовольствием проводят время. Недавно, был построен и Терем Берендея, где устроена музейная экспозиция и проходят интерактивные программы.

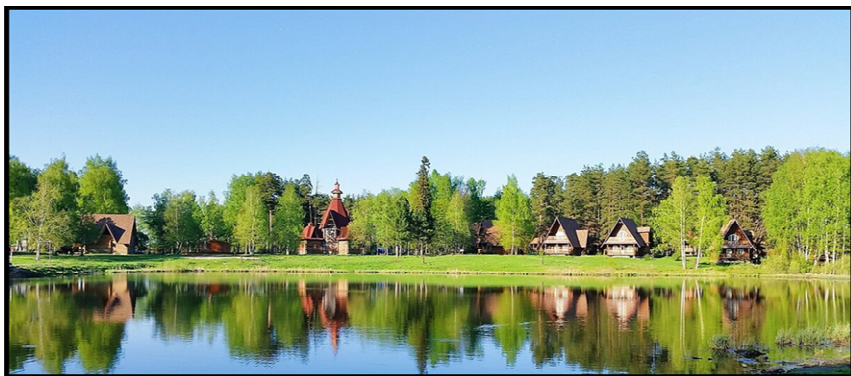

Рис.14

В 1984 году в Костроме по мотивам пьесы «Бесприданница» снимал двухсерийный фильм «Жестокий романс» выдающийся режиссёр Эльдар Рязанов. Этот фильм, в котором режиссёр собрал ведущих актёров тех лет, по праву считается одной из самых удачных экранизаций. Однако, сам Эльдар Александрович главными «действующими лицами» в своём фильме считал Кострому, Волгу и теплоход «Ласточка» (рис.15).

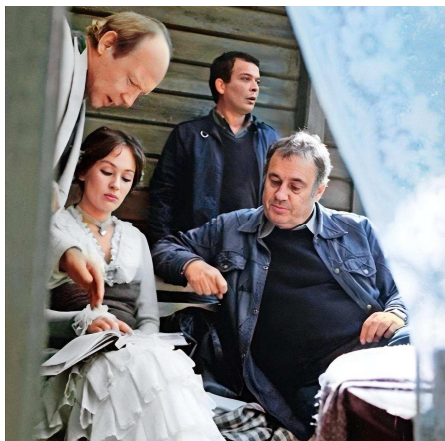

Рис.15

Рис.16

И, когда на закате стоишь в беседке, которая носит имя Островского (рис.16), и смотришь на Волгу и на бездонное небо над ней, поневоле соглашаешься с этим мнением, и на память приходят слова самого Александра Николаевича: *«Тут небо от самого яркого блеску солнечного заката перешло через все оттенки до самой загадочной синевы, тут Волга отразила всё это небо, да ещё прибавила своих красок, своих блёсток, да ещё как ловкий купец ухватит за конец какой-нибудь фиолетовое облако и растянет его версты на две и опять свернёт в тучку и ухватит какую-нибудь синеву с золотыми блёстками. Облака, растрёпанные самым изящным образом, столпились на запад посмотреть, как заходит солнце, и оно уделило им на прощанье часть своего блеску. А диким гусям стало завидно, и они самым правильным строем, вытянувшись поодиночке углом, с вожжаком в голове, потянулись на запад; вот они порвнялись с солнцем, их крылья блеснули ослепительным светом, и они с радостным криком полетели на север. Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперёд идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо».*

Елена Смоленцева
член Союза писателей России

I. А. Н. ОСТРОВСКИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ЮРИЙ ЛЕБЕДЕВ родился в 1940 году в селе Светлое Островского района Костромской области. В 1962 году окончил историко-филологический факультет Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова, в 1966 г. – аспирантуру при кафедре истории русской литературы Ленинградского государственного университета им. А.И. Герцена, в 1979 г. – докторантуру при Институте русской литературы АН СССР. Доктор филологических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: статей, монографий, учебников, учебных пособий. Одна из известнейших книг – «Тургенев», изданная в Москве в 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Член Союза писателей России. Член Правления Костромской областной писательской организации. Лауреат премий им. И.Дедкова и им. Д. Лихачёва. Лауреат памятного знака «180 лет со дня рождения А.Н. Островского». Лауреат Национальной премии «Имперская культура» 2021 г.

РОССИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

1

Александр Николаевич Островский родился 31 марта (12 апреля) 1823 года в Замоскворечье, в самом центре Москвы, в колыбели славной российской истории, о которой вокруг говорило всё, даже названия замоскворецких улиц. Вот главная из них, Большая Ордынка, одна из самых старых. Название своё получила потому, что несколько веков назад по ней проходили татары за данью к великим московским князьям. Примыкающие к ней Большой Толмачёвский и Малый Толмачёвский переулки напоминали о том, что в те давние годы здесь жили толмачи – переводчики с восточных языков на русский и обратно. А на месте Спас-Болвановского переулка русские князья встречали ордынцев, которые всегда несли с собой на носилках скульптуру татарского идола Болвана. Иван III первым сбросил Болвана с носилок в этом месте, десять послов татарских казнил, а одного отправил в Орду с известием, что Москва больше платить дани не будет. Впоследствии Островский скажет о Москве: «Там древняя святыня, там исторические памятники... там, в виду торговых рядов, на высоком пьедестале, как образец русского патриотизма, стоит великий русский купец Минин».

Сюда, на Красную площадь, приводила мальчика няня, Авдотья Ивановна Кутузова, женщина, щедро одарённая от природы. Она чувствовала красоту русского языка, знала многоголосый говор московских базаров, на которые съезжалась едва ли не вся Россия. Няня искусно вплетала в разговор притчи, прибаутки, шутки, пословицы, поговорки и очень любила рассказывать русские народные сказки.

Островский окончил Первую московскую гимназию и в 1840 году, по желанию отца, поступил на юридический факультет Московского университета. Но учёба в университете у него не заладилась, возник конфликт с одним из профессоров, и в конце второго курса Островский уволился «по домашним обстоятельствам».

В 1843 году отец определил его на службу писцом в Московский совестный суд. Для будущего драматурга это был неожиданный подарок судьбы. Даже помещение этого суда обставлялось так, чтобы придать ему характер, располагающий к мысли о вреде вражды, о святости тишины и мира. Икона Христа с благословляющею десницей и Евангелием, на развёрнутой странице которого читалось: «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой». В суде рассматривались жалобы отцов на непутёвых сыновей, имущественные и другие домашние споры. Судья глубоко вникал в дело, внимательно выслушивал спорящие стороны, а Островский вёл записи дел. Истцы и ответчики в ходе следствия выговаривали такое, что обычно прячется и скрывается от посторонних глаз. Это была настоящая школа познания драматических сторон купеческой жизни.

В 1845 году Островский перешёл в Московский коммерческий суд канцелярским чиновником стола «для дел словесной расправы». Здесь он сталкивался с промышленявшими торговлей крестьянами, городскими мещанами, купцами, мелким дворянством. Судили «по совести» братьев и сестёр, спорящих о наследстве, несостоятельных должников. Раскрывался целый мир драматических конфликтов, звучало всё разноголосое богатство живого великорусского языка. Приходилось угадывать характер человека по его речевому складу, по особенностям интонации. Воспитывался и оттачивался талант будущего «реалиста-слуховика».

«Колумб Замоскворечья»! Эта формула не без помощи русской критики приросла к драматургии Островского. Повод к её появлению как будто бы дал сам драматург ещё в начале творческого пути. В юношеских «Записках замоскворецкого жителя» он представил себя первооткрывателем загадочной и неведомой читателям страны. Никто не заметил тут скрытой иронии. А между тем будущий драматург явно подшутил над многочисленной категорией читателей и критиков, которые, будучи весьма далёкими от коренных основ русской жизни, и впрямь полагали, что за Москвой-рекой существует неведомый им экзотический мир, где, если воспользоваться языком Феклуши, живут люди «с пёсьими головами». «Мир Островского – не наш мир, и до известной степени мы, люди другой культуры, посещаем его как чужестранцы» [1], – так писал об Островском в начале XX века критик либерально-западнической ориентации Юлий Айхенвальд.

КОСПРОМА

Налёт экзотичности в восприятии драматургии Островского с годами не только не исчезал, но разрастался, затеняя то общерусское содержание, которое выносило творчество Островского к вершинам русской классической и мировой драмы. Известный исследователь творчества Островского уже в советский период называл мир национального драматурга «страной, далёкой от шума быстро бегущей жизни» [2]. Согласимся, что и в современных интерпретациях купеческий мир Островского нередко представляется каким-то отсталым и захолустным, отгороженным высокими заборами от большого и многوشумного мира национальной жизни. За темами сугубо купеческими мы и сейчас теряем порой ощущение масштабности поставленных в пьесах Островского проблем. А всякие попытки «осовременить» Островского своеобразным профильтровыванием, очищением его пьес от «бытовой экзотики» неумолимо приводят к упрощению художественного мира его драм, ибо купеческий быт в изображении Островского оказывается гораздо сложнее наших сегодняшних расхожих представлений о нём.

Сам «Колумб», открывший «русским иностранцам» замоскворецкую страну, ощущал её границы и жизненные ритмы совершенно иначе, чем современная ему, да и последующая плеяда безнадежно «европеизированных» критиков, литературоведов и театроведов. Замоскворечье в представлении Островского «не ограничивается Камер-коллежским валом, за ним идут непрерывной цепью, от московских застав вплоть до Волги, промышленные фабричные сёла, посады, города и составляют продолжение Москвы. Две железные дороги от Москвы, одна на Нижний Новгород, другая на Ярославль, охватывают самую бойкую, самую промышленную местность Великороссии... Там на наших глазах из сёл образуются города, а из крестьян богатые фабриканты; там бывшие крепостные графа Шереметева и других помещиков превратились и превращаются в миллионщиков; там ткачи в 15-20 лет успевают сделаться фабрикантами-хозяевами и начинают ездить в каретах... Всё это пространство в 60 тысяч с лишком квадратных вёрст и составляет как бы посады и предместья Москвы и тяготеет к ней всеми своими торговыми и житейскими интересами... Москва – город вечно обновляющийся, вечно юный; через Москву волнами вливается в Россию великорусская народная сила, которая через Москву создала государство российское. Всё, что сильно в Великороссии умом, характером, всё, что сбросило лапти и зипун, всё это стремится в Москву...» [3]. Вот такая она, страна Островского, вот такой у его Замоскворечья всероссийский размах и охват!

Когда в 1870-е годы критика стала поговаривать об увядании таланта Островского, о том, что драматург «исписался», И. А. Гончаров сказал: «Не “исписался” Островский, а исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства... Тысячу лет прожила старая Россия – и Островский воздвигнул ей тысячелетний памятник». Созданная им картина русской жизни «одним концом упирается в доисторическое время (“Снегурочка”), а другим – останавливается у первой станции железной дороги...» [4].

Купец тоже интересовал Островского не только как представитель торгового сословия, но и как центральная русская натура, средоточие народной жизни в её росте и становлении, в её движущемся драматическом существе. Сквозь купеческие характеры Островский-драматург получил возможность наблюдать всё многообразие коренной русской жизни – от торгующего крестьянина до столичного дельца, напоминающего иностранного негодянта. Торговля заставляла купцов общаться с самыми разными людьми из разных общественных слоёв. Поэтому в купеческой среде было представлено и всё разнообразие народной жизни. За купеческим миром открывался весь русский народ в наиболее характерных его типах. Московский купеческий мирок у Островского отнюдь не замкнут в своих сословных границах. Уже Н.А. Добролюбов с типичной для демократов-шестидесятников социальной остротой показал, что мир богатой купеческой семьи с его деспотизмом и самодурством – прообраз худших сторон российской государственности с отсутствием в ней прочных законов, с неуважением прав и достоинства человеческой личности. Купеческая семья под пером Островского превращалась в клеточку большого всероссийского мира, а купец-самодур становился образом-символом, выдерживая конкуренцию с «обломовщиной» Гончарова и «карамазовщиной» Ф. М. Достоевского.

Близкий друг Островского С. В. Максимов замечал, напротив, что только купечество, причём не в высших слоях, потянувшихся за дворянством и подражающих чиновничьему быту, а именно в низших слоях своих представляет для познания русской жизни и русского национального характера особенный интерес. «Тут вера в предания и в обычаи отцов свято соблюдается и почитается. Наше купечество, не обладающее крупными капиталами, – единственный класс, в котором... сохраняется всецело русский человек, со всеми его доблестями и слабостями. Наше купечество уже дало возможность А. Н. Островскому наследить склад русского ума и сердца... Здесь Русь настоящая, та Русь, до которой не коснулась немецкая бритва, на которую не надели французского кафтана, не окормили ещё английским столом» [5].

Поэтому драматург имел все основания не отделять глухой стеной русское купечество от основной силы нации – русского крестьянства. Свои «купеческие» пьесы он приносил другу-приятелю, щельковскому крестьянину Ивану Викторовичу Соболеву: «Вынет тетрадку, станет читать. На суд, говорит, тебе выношу, верно ли, так ли изобразил? Нет ли фальши какой в простонародном выговоре» [6].

Именно на почве купеческого быта Островский-драматург получил возможность показать, как под натиском новых буржуазных отношений расшатывается и умирает народно-крестьянская, православно-христианская нравственность, как коренной народный тип домохозяина перерождается в своевольного, потерявшего нравственные опоры деспота-самодура и как, с другой стороны, народная жизнь, пытаясь удержать, сохранить нравственные устои, пробивается к новым формам национальной жизни и культуры. По характеристике демократа-шестидесятника А. П. Щапова, русское купечество, «по преимуществу сродное крестьянству», представляло собою силу,

КОСТРОМА

«посредствующую между сельским крестьянством и городским дворянством... Тут есть жизнь, движение, поддерживается и воспитывается дух народного саморазвития» [7]. Освоение быта и нравов купечества не случайно явилось для национального драматурга событием, определившим его творческую судьбу. Он почувствовал, что в жизни русского купечества, теряющей национальные устои, развёртывается изнутри эпохальная драматическая коллизия. В апогее 1860-х годов она настолько обостряется, что на почве купеческого быта вырастает «Гроза» – русская трагедия, вершина зрелого творчества Островского, пришедшего к художественному синтезу тёмных и светлых сторон русской жизни в их напряжённом противостоянии и грозном, очищающем существе.

2

Первое ощущение глубинных связей Замоскворечья с Россией народной, первое осознание того, что Москва не ограничивается Камер-коллежским валом, пришло к Островскому ещё в юности, когда в 1848 году он отправился с домочадцами в увлекательное путешествие на родину отца, в древний город Кострому и далее – в приобретённую отцом в заволжских лесах усадьбу Щельково. Итогом этой поездки явился дневник Островского, многое приоткрывающий в его восприятии провинциальной, поволжской России, многое проясняющий в замысле таких шедевров его творчества, как «русская трагедия» «Гроза», «весенняя сказка» «Снегурочка» и, наконец, драма «Бесприданница». Дружеское общение с Аполлоном Григорьевым и Тertiем Филипповым, возникшее незадолго до этой поездки, уже пробудило у Островского интерес к народным песням, легендам, преданиям, к особенностям русского национального характера. Непосредственные путевые впечатления ещё более укрепили и как бы навсегда укоренили этот интерес.

Путь Островских лежал через древние русские города с их историческими памятниками и святынями – Сергиев Посад, Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль и Кострому. Ехали «на долгих», в течение целой недели. Тронулись в путь 22 апреля, накануне Егорьева дня. «Время весеннее, праздники частые», – говорит Купава царю Берендею в «Снегурочке». Путешествие совпало с самым поэтическим временем года в жизни русского крестьянина. В обрядовых песнях, звучавших по вечерам за околицей, в рощах и долинах, обращались крестьяне к птицам, кудрявым вербам, белым берёзам, шёлковой зелёной траве, ходили вокруг полей, пели «окликание Егория», просили его спасти скотину от хищных зверей. Вслед за Егорьевым днём шли праздники «зелёных святок» (русальная неделя), когда водили в сёлах хороводы, устраивали игру в горелки, жгли костры, прыгали через огонь.

Путевой дневник Островского – своеобразная прелюдия к «Грозе», «Снегурочке», «Воеводе, или Сон на Волге». Из уст самого писателя здесь узнаешь, каким неистощимым источником поэтического творчества открывался перед ним Ярославско-Костромской край. Настроение в дневнике идёт по нарастающей от Переяславля-Залесского до Костромы. «С Переяславля начинается земля, обильная горами и водами, и народ и рослый, и

красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку. Это земляки мои возлюбленные, с которыми я, кажется, сойду хорошо. Здесь уже не увидишь маленького согнутого мужика или бабу в костюме совы, которая поминутно кланяется и приговаривает: “а батюшка, а батюшка”... Что ни мужчина, особенно из содержателей постоянных дворов, то “Галиап”, как говорит Николай Николаевич... И всё идет крещендо – и города, и виды, и погода, и деревенские постройки, и девки. Вот уж 8 красавиц попались нам по дороге».

По вечерам Островские останавливались на ночлег в провинциальных гостиницах и на постоялых дворах. Записи свидетельствуют о том, что драматург присматривался и чутко прислушивался ко всему, что его окружало. «Дорога обогащала драматурга картинами народной жизни, труда, обилием интересных разговоров, красочностью народной речи, многообразием характеров. Бесценный бытовой материал сам плыл в руки художника. Историей веяло от этой дороги, проходившей по старинному тракту, через древнерусские города. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на битву, сыгравшую решающую роль в освобождении Руси от татарского ига. Монастырь оказал твёрдое сопротивление польско-литовским интервентам, выдержав длительную осаду в течение 1608–1610 годов и вынудив отряды захватчиков отступить. Сюда, в Троице-Сергиеву Лавру, пришли Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский с ополчением по дороге в Москву, прежде чем вступить в сражение с неприятелем» [8].

В Переяславле-Залесском путешественники отдыхали в гостинице, вели разговоры с местными жителями, наблюдали народный праздник. Здесь Островский впервые услышал местную легенду о берендеях. Невдалеке от Переяславля-Залесского находилось знаменитое Берендеево болото, в центре которого, на острове, сохранялись остатки какого-то древнего городища. В народной легенде рассказывалось о том, что в далёкие времена здесь существовало царство счастливых берендеев, которым управлял умный и добрый царь Берендей.

«Что за сёла, что за строения, – восклицает Островский на пути из Ярославля в Кострому, – точно едешь не по России, а по какой-нибудь обетованной земле!» Читая дневник, совершая вместе с писателем это необыкновенно поэтическое путешествие, невольно погружаешься в атмосферу творимой легенды про «страну обетованную», про «красивый, рослый и умный народ», живущий в ней.

Все предки Островского принадлежали к духовному сословию и жили в Костроме. В Москве первым оказался дед писателя Фёдор Иванович. Он был костромским протоиереем, но по смерти жены принял схиму под именем Феодота в Донском монастыре. «Это был великий аскет, и о его строгой жизни сложились целые легенды». Он скончался, когда внуку исполнилось 20 лет. Трудно поверить, чтобы духовный облик подвижника-деда никак не повлиял на мироощущение Островского-внука. Не из этих ли православных глубин выросло миролюбивое чувство Островского-драматурга, его стремление смягчить в людях дух вражды и злобы?

КОСТРОМА

Дедушка Архип в его драме «Грех да беда на кого не живёт» говорит внуку, которому в этой жизни ничего не мило: «Оттого тебе и не мило, что ты сердцем непокоен. А ты гляди чаще да больше на Божий мир, а на людей-то меньше смотри: вот тебе на сердце и легче станет. И ночи будешь спать, и сны тебе хорошие будут сниться... Красен, Афоня, красен Божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цветку дух пойдёт; а там звёздочки зажгутся; а над звёздами, Афоня, наш Творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что Он милосерд, сами бы были милосерднее!»

В Костроме посетили дядюшку, Павла Фёдоровича Островского, ключаря кафедрального собора, известного книгочея и историка, знатока костромских древностей. Вместе с ним ходили в Ипатьевский монастырь, осматривали комнаты Михаила Фёдоровича, первого царя из Дома Романовых. Сюда, после разгрома поляков народным ополчением Минина и Пожарского, прибыли московские послы с целью объявить Михаилу решение Земского собора и венчать его на царство. Ходили смотреть город, останавливались на главной площади, в центре которой уже стоял памятник Сусанину, правда, ещё закрытый. «Подле собора общественный сад, продолжение которого составляет узенький бульвар, далеко протянутый к Волге по нарочно устроенной для того насыпи. На конце этого бульвара сделана беседка. Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы не видали до сих пор. Мимо нас бурлаки тянули барку и пели такую восхитительную песню, такую оригинальную, что я не слыхивал ничего подобного из русских песен».

Апрельское путешествие Островского в Щельково явилось по-своему решающим событием в жизни национального драматурга. Первую любовь к Костромскому краю, к русской природе и истории, к быту и нравам народа Верхнего Поволжья драматург пронёс через всю жизнь. «Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперёд идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; всё ближе и ближе, песнь растёт и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива и раздаётся та же песня. И так нет конца этой песне. С правой стороны у нас собор и главный город, всё это вместе с устьем Костромы облито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника. По берегу, который гора обогнула полукружием, расположен квартал, называемый Дебря, застроенный разнообразными деревянными строениями с великолепной церковью посередине в старом стиле... А на той стороне Волги, прямо против города, два села; и особенно живописно одно, от которого вплоть до Волги тянется самая кудрявая рощица, солнце при закате забралось в неё как-то чудно, с корня, и наделало много чудес. Я измучился, глядя на это».

Блуждая по улицам Костромы в течение трёх дней, Островский как заворожённый постоянно возвращается на крутой волжский берег. Колдовская сила волжской природы пленит его. Как Снегурочка под палящими лучами солнца, светоносного Ярилы, он боится сгореть от такой красоты, такая

красота — «казнь и мука для человека». Измученный, возвращается он домой, долго не может уснуть. Какое-то отчаяние овладевает им: «Неужели мучительные впечатления этих дней будут бесплодны для меня?» А впереди — Щельково! «В этих обетованных местах» «каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки — очаровательны, каждая мужицкая физиономия значительна». Разговоры с крестьянами, наблюдения над народным праздником окрашивают все щельковские впечатления колоритом былинным, сказочным, песенным. Мир открывается в крупных эпических образах — реки, горы, овраги, леса... «У нас все реки текут в оврагах — так высоко это место. Наш дом стоит на высокой горе, побольше нашей Воробинской, а есть места, например наша деревня Сергеево, откуда наш дом кажется в яме, а эта деревня в четырёх верстах от нас на север. На юг от нас есть, верстах в пяти, деревня Высоково, из той виден почти весь Кинешемский уезд. Под этой деревней течёт Мера — что за удивительная река. Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он давно бы превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии. А какой народ здесь!..»

От московских застав вплоть до Волги раскидываются могучие крылья, дающие вольный полёт поэтическому воображению национального драматурга, которого эстетически глуховатая к России и русским критика ухитрилась зачислить в разряд реалиста-бытовика: «Он дал некоторое отражение известной среды, определённых кварталов русского города; но он не поднялся над уровнем специфического быта, и человека заслонило для него купец», — чеканил от лица такой критики свой приговор Островскому «утончённый» Ю. Айхенвальд. А ведь этот талантливый по-своему эссеист довёл до логического конца тот «уклон» в критическом осмыслении Островского, который тревожил ещё Аполлона Григорьева и который наметился в творчестве Добролюбова. «Попробуйте, — говорил Ап. Григорьев, — без теории в голове и в сердце, а, руководствуясь простым здравым смыслом и простым же здравым чувством, приложить добролюбовский масштаб к “Бедности не порок” — ахинея выйдет ужаснейшая! “Тёмное царство” выйдет весь этот старый, весёлый, добрый быт, который царствует в драме, которого так жаль доброй старухе-матери, которого извечным и святым понятиям долга подчиняется светлая личность Любви Гордеевны и даровито-страстная личность Мити, — к миру с которым, а потом и к восстановлению мира и лада в котором стремится великая душа Любима Торцова... “Тёмное царство” выйдет всё, что составляет поэзию драмы... поэзию, рассыпанную по ней наивно, безрасчётно, даже, пожалуй, в виде сырых материалов святочных забав, целиком, без переработки внесённых художником в его искреннее создание... Да что об этом и говорить в настоящую минуту?.. Островский — столь же мало обличитель, как он мало идеализатор. Оставим его быть тем, что он есть, — великим народным поэтом, первым и единственным выразителем нашей народной сущности в её многообразных проявлениях» [9].

Расширению поэтического кругозора, подводящего драматурга к созданию шедевров его творчества, немало способствовало участие Островского в знаменитой «литературной экспедиции», предпринятой

КОСТРОМА

русскими литераторами по заданию Морского министерства в 1856-1857 годах. На долю Островского выпало тогда обследование городов, сёл и деревень, расположенных по берегам Волги от её истоков до Нижнего Новгорода. О решающем влиянии «литературной экспедиции» на последующее творчество Островского хорошо сказал близкий ему по духу писатель-костромич С. В. Максимов: «Сильный талантом художник не в состоянии был упустить благоприятный случай... Он продолжал наблюдения над характерами и мирозозерцанием коренных русских людей, сотнями выходявших к нему навстречу... Волга дала Островскому обильную пищу, указала ему новые темы для драм и комедий и вдохновила его на те из них, которые составляют честь и гордость отечественной литературы. С вечевых, некогда вольных, новгородских пригородов повеяло тем переходным временем, когда тяжёлая рука Москвы сковала старую волю и наслала воевод в ежовых рукавицах на длинных загрёбистых лапах. Приснился поэтический “Сон на Волге”, и восстали из гроба живыми и действующими “воевода” Нечай Шалыгин с противником своим, вольным человеком, беглым удальцом, посадским Романом Дубровиным, во всей той правдивой обстановке старой Руси, которую может представить одна лишь Волга, в одно и то же время и богомольная, и разбойная, сытая и малохлебная... Наружно красивый Торжок, ревниво оберегавший свою новгородскую старину до странных обычаев девичьей свободы и строгого затворничества замужних, вдохновил Островского на глубоко поэтическую “Грозу” с шаловливою Варварой и художественно-изящною Катериной» [10]. Сам Островский называл своё участие в «литературной экспедиции» «приятным и полезным» «для будущих литературных трудов».

3

«Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид». Такой ремаркой Островский открывает «Грозу». Как Москва в его представлении не ограничивается Камер-коллегским валом, так и провинциальный городок Калинов – общественным садом. Внутреннее пространство сцены обставлено скупо: «две скамейки и несколько кустов» на «гладкой высоте». Действие трагедии возносится над ширью Волги, распаивается во всероссийский сельский простор. Ему сразу же придаётся общенациональный масштаб и песенная поэтическая окрылённость. «Не может укрыться град, в верху горы стоя» (Мф. 5:14).

В устах Кулигина звучит песня «Среди долины ровные» – эпитафия, поэтическое «зерно» «Грозы». В песне, которая у зрителя буквально на слуху, уже предвосхищается судьба героини с её человеческой неприкаянностью («Где ж сердцем отдохнуть могу, когда гроза взойдёт?»), с её тщетным стремлением найти поддержку и опору в окружающем мире: «Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться?»

Песня с первых страниц входит в «Грозу» и сразу же выносит конфликты и характеры трагедии на общенародный песенный простор. За судьбою Катерины – судьба героини народной песни, непокорной молодой снохи,

отданной за немилую «чуж-чуженина» в «чужедальную сторонущу», что «не сахаром посыпана, не мёдом полита». Сгущая общенациональное содержание, Островский прибегает к поэтической условности, убирает излишние социально-бытовые мотивировки. Отсутствие их в «Грозе» нередко ставили в упрёк драматургу. «Почему родные, так, по-видимому, любившие Катерину, выдали её в семью Кабановых? Поэт, к сожалению, оставил это в драме неясным» [11]. Сожаление напрасное: перед нами поэтический ход, типичный для народной песни. Характеры «Грозы», не теряя своей социальной конкретности, поднимаются на необходимую в трагедии общенародную поэтическую волну.

Песенная основа ощутима не только в характере Катерины, Кудряша и Варвары. Речь всех персонажей «Грозы» эстетически приподнята, очищена от купеческого жаргона, от бытовой приземлённости языка «Своих людей» или трилогии о Бальзамине [12]. Даже в брани Дикого: «Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом». «Что ты, татарин, что ли?» – слышится комически сниженная тема русского богатырства, вековой борьбы с «неверными», «латинцами» или татарами. В бытовой тип самодура-купца вплетаются иронически обыгранные Островским общенациональные мотивы. То же и с Кабанихой: сквозь облик суровой и деспотичной купчихи проглядывает ещё и национальный тип злой, сварливой свекрови, героини народной песни. Поэтична и фигура механика-самоучки Кулигина, органически усвоившего просветительскую культуру XVIII века от Ломоносова до Державина.

В «Грозе» жизнь схвачена на высоком взлёте и в острой конфликтной ситуации, герои её находятся под высоким поэтическим напряжением, чувства и страсти достигают максимального накала, читатель и зритель проникаются ощущением чрезмерной полноты жизни. Вспоминаются стихи Ф. И. Тютчева: «Жизни некий преизбыток в знойном воздухе разлит». «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и всё наглядеться не могу». В захлёбывающихся от восторга словах Кулигина настораживает туго натянутая поэтическая струна.

Люди «Грозы» живут в особом состоянии мира – кризисном, катастрофическом, когда все чувства предельно напряжены, а все конфликты предельно обострены. Пошатнулись опоры, сдерживающие старый порядок, и взбудораженный быт заходил ходуном. Первое действие вводит нас в предгрозовую атмосферу. Внешне пока всё обстоит благополучно, всё ещё на своих местах, но сдерживающие силы слишком непрочны: их временное торжество лишь усиливает напряжённость. Она сгущается к концу первого действия; даже природа, как в народной песне, откликается на это надвигающуюся на Калинов грозой.

Кабаниха – человек кризисной эпохи, как и другие герои русской трагедии. Это односторонний ревнитель далеко не лучших сторон старой морали. Полагая, что везде и во всём Кабаниха блюдёт правила «Домостроя», что она рыцарски верна его формальным регламентациям, мы поддаёмся обману, внушаемому силой её характера. На деле она легко отступает не

КОСЛПРОМА

только от духа, но и от буквы домостроевских предписаний. «Если обидят – не мсти, если хулят – молись, не воздавай злом за зло, согрешающих не осуждай, равняйся на живущих по правде, их деяния запиши в сердце своём и сам поступай так же» [13], – гласит старый нравственный закон. «Врагам-то прощать надо, сударь!» – увещевает Тихона Кулигин. А что слышит он в ответ? «Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет». Деталь многозначительная! Кабаниха страшна не верностью старине, а самодурством «под видом благочестия». Старая нравственность здесь во многом отрицается или бездушно формализуется. Из «Домостроя» извлекаются формулы наиболее жёсткие, оправдывающие мертвящий живую жизнь деспотизм.

Своеволие Дикого, в отличие от самодурства Кабанихи, уже ни на чём не укреплено, никакими правилами не оправдано. Нравственные устои в его душе основательно расшатаны. Этот «воин» сам себе не рад, жертва собственного своеволия. Он самый богатый и знатный человек в городе Калинове. Капитал развязывает ему руки, дает возможность беспрепятственно куражиться над бедными и материально зависимыми от него людьми. Чем более Дикой богатеет, тем бесцеремоннее он становится. «Что же ты, судиться, что ли, со мной будешь? – заявляет он Кулигину. – Так знай, что ты червяк. Захочу – помилую, захочу – раздавлю!» Бабушка Бориса, оставляя завещание, в согласии с обычаем поставила главным условием получения наследства *почтительность* племянника к дядюшке. Пока нравственный закон стоял незыблемо, всё было в пользу Бориса. Но вот законы обычного права пошатнулись, появилась возможность вертеть ими так и сяк, по известной поговорке: «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». «Что ж делать-то, сударь! – говорит Кулигин Борису. – Надо стараться угождать как-нибудь». «Кто ж ему угодит, – резонно возражает знающий душу Дикого Кудряш, – коли у него вся жизнь основана на ругательстве?.. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?»

Но сильный материально, Савёл Прокофьевич Дикой слаб духовно. Он может иногда и спасовать перед тем, кто в законе сильнее его, потому что тусклый свет нравственной истины всё же мерцает в его помрачённой душе: «О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелёгкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришёл, дрова возил. И принесло же его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги ему кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся... при всех ему кланялся».

Конечно, это «прозрение» Дикого – всего лишь каприз, сродни его самодурским причудам. Это не покаяние Катерины, рождённое чувством вины и мучительными нравственными терзаниями. И всё же в поведении Дикого этот поступок кое-что проясняет. «Наш народ хоть и объят развратом, а теперь даже больше, чем когда-либо, – писал Достоевский, – но никогда ещё... даже самый подлец в народе не говорил: “Так и надо делать, как я делаю”, а, напротив, всегда верил и воздыхал, что делает он скверно, а что есть нечто гораздо лучшее, чем он и дела его» [14]. Дикой своевольничает с тайным

сознанием незаконности своих действий. И потому он пасует перед человеком, опирающимся на нравственный закон, или перед сильной личностью, дерзко сокрушающей его авторитет. Его невозможно «просветить», «вразумить», но можно довольно легко «прекратить» или «укротить». Марфе Игнатьевне Кабановой, например, это легко удаётся: она, равно как и Кудряш, прекрасно чувствует внутреннюю слабость самодурства Дикого: «А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами, вот что!»

Против отцов города восстают молодые силы жизни – это «дети», Тихон и Варвара, Кудряш и Катерина. Бедою Тихона является рождённое «тёмным царством» безволие и страх перед маменькой. По существу, он не разделяет её деспотических притязаний и уже ни в чём ей не верит. В глубине души Тихона свернулся комочком добрый и великодушный человек, любящий Катерину, способный простить ей любую обиду и даже стерпеть её неверность. Он старается поддержать жену в момент покаяния и хочет обнять, пожалеть её. Тихон гораздо тоньше и нравственно пронизательнее Бориса, который в момент покаяния, руководствуясь слабодушным «шито-крыто», выходит из толпы и раскланивается с Кабановым, обостряя тем самым страдания Катерины и провоцируя катастрофу. Но и человечность Тихона слишком робка и бездейственна. Только в финале трагедии просыпается в нём что-то похожее на протест: «Маменька, вы её погубили! вы, вы, вы...». От гнетущего самодурства Тихон увёртывается временами, но в этих увёртках нет свободы: его разгул сродни самозабвению. Как верно замечает Катерина, «и на воле-то он словно связанный».

Варвара – прямая противоположность Тихону: в ней есть и воля, и смелость. Но и она всё-таки – дитя Диких и Кабаних, не свободное от бездуховности «отцов». Варвара почти лишена чувства ответственности за свои поступки, ей попросту непонятны нравственные терзания Катерины: «А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было», – вот нехитрый жизненный кодекс Варвары, оправдывающий любой обман, любую сделку с совестью.

Гораздо выше и нравственно пронизательнее Варвары Ваня Кудряш. В нём сильнее, чем в ком-либо из героев «Грозы», исключая, разумеется, Катерину, торжествует народное начало. Это песенная натура, одарённая и талантливая, разудалая и бесшабашная внешне, но добрая и чуткая в глубине. Но и Кудряш сживается с калиновскими нравами, его натура вольна, но подчас своевольна. Миру «отцов» Кудряш противостоит своею удалью, озорством, но не нравственной силой. Если для Кулигина самодур Дикой страшен, то для калиновского «лихача-кудрявича» он всего лишь «озорник». «Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею». Кудряш «слов рассыпать», подобно Кулигину, не будет, он готов при случае выучить Дикого «делом»: «Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шёлковый сделался... Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет... Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!»

Мир тёмного царства гораздо более сложен и многоцветен, чем это кажется «одетому не по-русски» Борису или просвещённому механику-

КОСЛПРОМЯ

самоучке Кулигину. Он ещё не растратил полностью душевную открытость и простодушие. Вопреки знаменитому монологу Кулигина о «жестоких нравах» здесь никто не склонен к тайным интригам, добро и зло не прячется, не маскируется, все центральные события трагедии свершаются «на миру». Всенародно валяется в грязи кающийся в грехах Дикой, всенародно принимает он позор и посмеяние от проезжего гусара («Смеху-то было!» – вспоминает об этом Кудряш). Несмотря на высокие заборы и крепкие засовы, всё, что творится в семейном мирке калиновцев, немедленно становится всеобщим достоянием. Калинов ещё не утратил свою связь с народной культурой. Эта связь подвергается в «Грозе» трагическим испытаниям, но полностью она не порвалась. В среде купечества ещё возможно появление открытого и совестливого характера Катерины с её удивительным на фоне принятого и узаконенного лицемерия и обмана признанием: «Обманывать-то я не умею, скрыть-то ничего не могу». Именно эта христианская совестливость отличает Катерину от Тихона и Кудряша, Бориса и Варвары. Дух мира ещё носится над темнеющими водами калиновского царства, выходя из недр его и собираясь отлететь. Высшей носительницей этой отлетающей народной культуры является в «Грозе» Катерина, на глазах теряющая в этом царстве опору, тщетно ждущая от него сначала достойного признания, а потом и достойного наказания. Её смерть – осуждение мира, загубившего свой цвет, свою красоту, свою мудрость, общинный склад и лад народной души. Но калиновский мирок ещё не замкнут наглухо от народных сил и стихий жизни. Живое их дыхание ещё приносит в Калинов запахи цветов с заволжских лугов, напоминает о сельском приволье. К этой встречной волне освежающего простора тянется Катерина в трудную минуту жизни, пытаясь поднять руки, раскинуть их, как крылья, разбежаться и полететь.

В мироощущении Катерины славянская языческая древность, уходящая своими корнями в доисторические времена, одухотворяется, нравственно преобразуется живыми токами православной веры, христианской духовности. Религиозность Катерины вбирает в себя всю красоту мира Божия: солнечные восходы и закаты, росистые травы на цветущих лугах, полёты птиц, порхание бабочек. С нею заодно и красота сельского храма, и ширь Волги, и заволжский луговой простор. А как молится героиня, «какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится». И во время молитвы в храме она видит ангельские хоры в столпе солнечного света, льющегося из купола. «Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится». В Катерине торжествуют жизнелюбивые начала православной религиозности. «О, дарования Христовы! – восклицает святитель Иоанн Златоуст – На небе славословят ангельские воинства; на земле люди, в церквах составляя лики, подражают таковому их славословию; на небе серафимы взывают трисвятую песнь, на земле собратия людей возносят ту же песнь; составляется общее торжество небесных и земных существ, одна благодарность, один восторг, одно радостное ликование» [15].

Как отмечал о. Сергей Булгаков, православное богослужение «представляет собою нечто единственное во всем христианском мире по своей

красоте и многообразию. В нём соединяется с высшим христианским вдохновением драгоценнейшее наследство античности, воспринятое через Византию, видение красоты духовной сплетается с видением красоты этого мира». К тому же в священное наследие Византии «влилась ещё и свежая волна от русской одарённости в искусстве». Наша литургия есть «небо на земле», явленная красота духовного мира. Заслуживает внимания и космизм православного богослужения. «Оно обращено не только к человеческой душе, но ко всему творению, и оно освящает и это последнее. Это освящение стихий природы и разных её предметов выражает собою ту общую мысль, что освящающее действие Святого Духа через Церковь распространяется и на всю природу» [16].

Радость переживает Катерина в храме. Восходящему солнцу кладёт она земные поклоны в своём саду, среди деревьев, трав, цветов, птиц, утренней свежести просыпающейся природы. «Или рано утром в сад уйду, ещё только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чём молюсь и о чём плачу; так меня и найдут». И здесь Катерина верна основам православия, сущность которого не исчерпывается проповедью смысла, запредельного миру. Оно предполагает соляризацию, духовное просветление всего земного бытия: «И не напрасно горят в небе бесчисленные огни, освещающие вселенную. Они говорят о подлинном возгорании жизни, которая вокруг них носится и ими согревается, – говорит русский религиозный мыслитель Е. Трубецкой. – Жизнь нашей планеты и населяющих её существ не будет до конца только вращением *вокруг солнца*. Отношение к солнцу из внешнего когда-нибудь станет внутренним, – жизнь сама станет насквозь солнечной, как ризы Христа на Фаворе. И этим оправдывается повседневно наблюдаемая нами радость живой твари о солнце, наполняющая поля и леса. Оправдан и подъём жаворонка, и многообразная симфония птичьих голосов, и световая гамма человеческой поэзии. Оправданы бесконечно яркие краски жизни, и радостные, потому что они предвосхищают краски новой земли, и скорбные, потому что они готовят нас к этой радости! Оправдана и всеобщая радость о свете, ибо она – действительный предвестник грядущего всеобщего воскресения и преображения» [17].

Сад, в котором молится Катерина, несёт в себе все признаки райских селений, какими они открывались святым подвижникам отечественного благочестия. Преподобный Симеон Дивногорец увидел там «многие сады, с высокими деревьями... Птиц в этих садах было бесчисленное множество: иные из них были с златовидными крылами, другие – белые как снег, а иные – разнообразно испещрённые; они сидели на ветках райских деревьев и пели прекрасно; от сладкого пения их я не помнил себя – так усладились моё сердце; и казалось мне, что глас пения их досягал даже до высоты небесной» [18].

Излучающая духовный свет Катерина Островского далека от сурового аскетизма домостроевских правил, согласно которым на молитве церковной надлежало «телеснии очи долу имети». Именно богатые слои купечества, с недоверием относившиеся к любым переменам, усугубили, довели до крайности ту мироотречную традицию, которая находилась под влиянием

КОСПРОМА

формального, внешнего законничества. «Согласно этому воззрению, Царство Божие не только не от мира сего, но и не для мира сего. Мир внешний и вещественный есть лишь временный и томительный плен для христианской души; ей нечего делать с этим миром, в котором она не имеет ни призвания, ни творческих задач. Мир и Бог противоположны. Законы мира и законы духа непримиримы. Двум господам служить нельзя, а господин мира есть дьявол. “Этот” век и “грядущий” век – два врага. И смысл христианства состоит в бегстве от мира и из мира, то есть в неуклонном угашении всего земного человеческого естества... И когда окидываешь взором историю культурного человечества за последние века и видишь этот процесс отхода масс от церкви и христианства, то иногда невольно спрашиваешь себя, не объясняется ли этот процесс, помимо массового духовного кризиса, ещё и тем, что христианство доселе не побороло в себе этого *мироотречного уклона*, который учит покаянно уходить от мира и из мира и не учит ответственно входить в мир и радостно творить в нём во славу Божию» [19], – утверждает русский религиозный мыслитель Иван Александрович Ильин.

Говоря о том, как «понят и выражен сильный русский характер в «Грозе», Добролюбов в статье «Луч света в тёмном царстве» справедливо подметил «сосредоточенную решительность» Катерины. Однако в определении её истоков он полностью ушёл от духа и буквы трагедии Островского. Разве можно согласиться, что «воспитание и молодая жизнь ничего не дали ей»? Без монологов-воспоминаний Катерины о юности в доме матушки разве можно понять основу её вольнолюбивого характера, тот дух, который этот характер питает? Не почувствовав ничего светлого и жизнеутверждающего в религиозных воспоминаниях Катерины, не удостоив её верующую душу своего просвещённого внимания, Добролюбов рассуждал: «Натура заменяет здесь и соображения рассудка, и требования чувства и воображения». Там, где у Островского торжествует верующая душа, у Добролюбова торчит абстрактно понятая натура. Юность Катерины по Островскому – утро природы, торжественная красота солнечного восхода, светлые надежды и радостные молитвы. Юность Катерины по Добролюбову, – «бесмысленные бредни странниц», «сухая и однообразная жизнь».

Подменив культуру натурой, Добролюбов не почувствовал в трагедии Островского главного – принципиального различия между религиозностью Катерины и религиозностью Кабановых. Критик, конечно, обратил внимание, что у Кабановых «всё веет холодом и какою-то неотразимой угрозой: и лики святых так строги, и церковные чтения так грозны, и рассказы странниц так чудовищны». Но с чем он связал эту перемену? С умонастроением Катерины. «Они всё те же» (то есть и в юности героини тот же холодный религиозный формализм), «они нимало не изменились, но изменилась она сама: в ней уже нет охоты строить воздушные видения» [20].

Но ведь в «Грозе» всё наоборот! «Воздушные видения» как раз и вспыхнули у Катерины под гнётом Кабановых: «Отчего люди не летают!» И конечно, в доме Кабановых Катерина встречает решительно иное: «Да здесь всё как будто из-под неволи», здесь выветрилась, здесь умерла жизнелюбивая

щедрость христианского мироощущения. Даже странницы в доме Кабановой другие, из числа тех ханжей, что «по немощи своей далеко не ходили, а слышать много слышали». И рассуждают они самоуверенно и самоупоенно о «последних временах», о близкой кончине мира. А полусумасшедшая барыня пророчествует: «Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? весело? Красота-то ваша вас радует? Вот куда красота-то ведёт. (*Показывает на Волгу.*) Вот, вот, в самый омут... Что смеётесь? Не радуйтесь! (*Стучит палкой.*) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой! <...> Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтобы отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша!»

Здесь царит недоверчивая к жизни религиозность, которая на руку столпам общества, злым ворчанием встречающим прорвавшую мироотречные плотины и угрожающую их властолюбию живую жизнь. Эта мироотречная стихия, по замечанию И.А. Ильина, «никогда не выражала последнего и глубочайшего отношения христианства к Божьему миру». Рядом с ней существовала вера, которая питалась «христианским учением о благодатной устроенности мира и его божественной ведомости, о всеприсутствии Божиим». Она благословляла человека в мире и учила его «не только христианскому умиранию, но и христианской жизни, и творческому труду». Она принимала «и полевые лилии, и птиц небесных, и пастушество, и плотничество». Она жила «в отшельнике, примиряющем князей, и в епископе, наставляющем и укоряющем своего государя, и в хозяйствующем монастыре, и в монастырском осадном сидении... и в нашем искусстве от Дионисия до Нестерова, от сладкогласия киевских распевов до “Жизни за царя” Глинки, от древнего малого храма-крепости Иван-Город до храма Христа Спасителя в Москве» [21].

Именно потому, что симпатии Островского склоняются к мироприемлющему православию, отцы города предстают у него в освещении, лишенном какого бы то ни было авторского сочувствия. Ведь мироотречные крайности органичны для столпов города Калинова именно в той мере, в какой они, сидя на миллионах и беззастенчиво обирая малого и слабого, пытаются остановить ропот и возмущение, затормозить и даже «прекратить» живую жизнь. Цепляясь за букву, за обряд, они передают сам дух православия, столь ярко выраженный, например, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Они-то в первую очередь и несут ответственность за «грозу», за трагическое возмущение молодых жизненных сил. Это они провоцируют трагедию Катерины, ибо, отталкиваясь от бездуховного обрядоверия всей силой своей поэтически щедрой души, она впадает в противоположную крайность, именуемую на церковном языке «прелестью».

4

Определяя сущность трагического характера, Белинский сказал: «Что такое коллизия? – безусловное требование судьбою жертвы себе. Победи герой трагедии естественные влечения сердца – простите радости и обаяние жизни!.. Последуй герой трагедии естественному влечению своего сердца – он преступник в собственных глазах, он жертва собственной совести...» [22]

КОСПРОМА

В душе Катерины сталкиваются друг с другом два этих равновеликих и равнозаконных побуждения. В кабановском царстве, где вянет и иссыхает всё живое, Катерину одолевает тоска по утраченной гармонии. Её любовь к Борису сродни желанию поднять руки и полететь. От неё героине нужно слишком многое. Любовь к Борису, конечно, её тоску не утолит. И нельзя не заметить, что Катерина любит не реального Бориса, а скорее прельщается своей мечтой о некоем избавителе, подобно тому, как Лариса Огудалова в «Бесприданнице» будет воображать в Паратове героя высокого романа, «идеал мужчины». Реальный же Борис, и тут Добролюбов во многом прав, весьма далёк не только от православной святости, но и от нравственных идеалов Катерины. Не случайно же Островский специально указывает в примечании к списку действующих лиц, что Борис – единственный герой в «Грозе», одетый не порусски. Да и сам Борис в разговоре с Кудряшом признаётся: «Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев». Судьба сводит друг с другом людей, несоизмеримых по душевной глубине и нравственной чуткости. Подлинный Борис мелковат, он живёт настоящим днём и едва ли задумывается о катастрофических последствиях любовного увлечения для правдивой и совестливой Катерины. Борису сейчас хорошо, весело – этого ему и достаточно: «Надолго ль муж-то уехал?... О, так мы погуляем! Время-то довольно... Никто и не узнает про нашу любовь!» Всё это перекликается с рецептами другого просвещённого человека, нигилистического критика «Грозы» Д. И. Писарева: «...А между тем Борис живёт в том же городе, всё идёт по-старому и, прибегая к маленьким хитростям и предосторожностям, можно было бы кое-когда видеться и наслаждаться жизнью» [23].

Заражённый нравственной глуховатостью, типичной для молодого поколения «мыслящих реалистов» 1860-х годов, Борис, «прибегая к маленьким хитростям», в самом кульминационном моменте «выходит из толпы и раскланивается с Кабановым», не чувствуя, что доводит до последнего предела нравственные терзания Катерины, открыто заявляющей: «Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю!» И потом, в сцене последнего свидания, что тревожит Бориса в первую очередь? «Не застали б нас здесь!.. Время мне, Катя!» Тут не христианская кротость и смирение, а душевная слабость и бескрылость, обнажающая всю глубину обольстительного заблуждения Катерины.

Тщетность своих обольщений она начинает сознавать после этого: «Ещё кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела». «Кабы», «может быть», «какую-нибудь»... Слабое утешение! Но и тут Катерина находит силы думать не о себе. Это она просит у Бориса прощения за причинённые ему тревоги. Борису же и в голову такое прийти не может. Где уж там спасти, даже пожалеть Катерину он толком так и не сумеет. «Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше бы бежать мне тогда!» Но разве не напоминала Борису о расплате за любовь к замужней женщине народная песня, исполняемая не без умысла Кудряшом, разве не предупреждал его об этом же открытым текстом Кудряш: «Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!.. Ведь это, значит, вы её совсем загубить

хотите...»? А сама Катерина во время поэтических ночей на Волге разве об этом Борису не говорила? Увы! герой ничего этого просто не услышал, и глухота его весьма примечательна. Дело в том, что душевная культура просвещённого Бориса совершенно лишена национального нравственного приданого. Калинов для него – трущоба, здесь он чужой человек. У него не хватает смелости и терпения даже выслушать последнее признание Катерины.

Добролюбов справедливо увидел в конфликте «Грозы» эпохальный смысл, а в характере Катерины – «новую фазу нашей народной жизни». Но, идеализируя в духе модных тогда идей женской эмансипации свободную любовь, он обеднил нравственную глубину характера Катерины. Терзания героини, полюбившей Бориса, огненное горение её совести Добролюбов посчитал «невежеством бедной женщины, не получившей теоретического образования». Долг, верность, совестливость со свойственным революционной демократии максимализмом были объявлены «предрассудками», «искусственными комбинациями», «условными наставлениями старой морали», «старой ветошью». Получалось, что Добролюбов смотрел на любовь Катерины так же не по-русски легковесно, как и Борис.

Объясняя причины всенародного покаяния Катерины, не будем повторять вслед за Добролюбовым слова о «суеверии», «невежестве», «религиозных предрассудках». Не увидим в «страхе» Катерины трусость и боязнь внешнего наказания. Ведь такой взгляд превращает героиню в жертву и вступает в противоречие со следующими утверждениями того же Добролюбова о силе характера Катерины, о её вызове «самодурной силе»: «В Катерине мы видим протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина» [24]. Подлинный же источник покаяния Катерины в её чуткой совестливости: «Не то страшно, что убьёт тебя, а то страшно, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вдруг явлюсь перед Богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то; вот что страшно». «У меня уж очень сердце болит», – говорит Катерина в минуту покаяния. «В ком есть страх, в том есть и Бог», – вторит ей народная мудрость. «Страх» искони понимался русским народом как обострённое нравственное самосознание, как «Царство Божие внутри нас». В «Толковом словаре» В. И. Даля «страх» трактуется как «сознание нравственной ответственности». Такое определение соответствует душевному состоянию героини. В отличие от Кабанихи, Феклуши и других героев «Грозы» «страх» Катерины – внутренний голос её совести. Грозу Катерина воспринимает как избранница: совершающееся в её душе покаяние сродни тому, что творится в грозовых небесах. Тут не рабство, тут равенство. Катерина равно героична как в безоглядном любовном увлечении, так и в глубоко совестливом всенародном покаянии. «Какая совесть!.. Какая могучая славянская совесть!.. Какая нравственная сила!.. Какие огромные, возвышенные стремления, полные могущества и красоты» [25], – писал о Катерине-Стрепетовой в сцене покаяния В. М. Дорошевич. А С. В. Максимов

рассказывал, как ему довелось сидеть рядом с Островским во время первого представления «Грозы» с Никулиной-Косицкой в роли Катерины. Островский смотрел драму молча, углублённый в себя. Но в той «патетической» сцене, когда Катерина, терзаемая угрызениями совести, бросается в ноги мужу и свекрови, каясь в своём грехе, Островский, весь бледный, шептал: «Это не я, не я: это Бог!» Очевидно, он сам не верил, что смог написать такую потрясающую сцену» [26]. Пора и нам по достоинству оценить не столько любовный, сколько покаянный порыв Катерины.

Пройдя через грозные испытания, героиня нравственно очищается и покидает этот греховный мир с сознанием своей правоты: «Кто любит, тот будет молиться». «Смерть по грехам страшна», – говорят в народе. И если Катерина теперь смерти не боится, то, значит, её грехи искуплены. Что же касается самоубийства, которое, по христианским понятиям, страшный грех, то Островский ведь показывает, что в финале трагедии происходит как бы добровольное слияние героини с миром природы. По тонкому наблюдению Н.Н.Скатова, «великие народные женские характеры, созданные русским искусством середины века, в трагических своих судьбах и концах не просто умирают. Они как бы приобщаются к силам самой природы» [27].

В трудную минуту жизни Катерина сетует: «Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василёк по ветру, как бабочка». «Отчего люди не летают!.. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела».

Как понять эти фантазии Катерины? Что это? Плод болезненного воображения? Каприз утончённой натуры? Нет! В сознании Катерины оживают древние языческие мифы, глубинные пласты славянской культуры. В народных песнях тоскующая на чужой стороне в нелюбимой семье женщина часто оборачивается кукушкой, прилетает в сад к любимой матушке, жалуется ей на лихую долю:

Я вскинусь пташечкой-кукушечкой,
Полечу я к матушке во зелёный сад [28].

Вспомним плач Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «Полечу я кукушкой по Дунаю...» Катерина молится утреннему солнцу, так как славяне считали Восток страной всемогущих плодоносных сил. Задолго до прихода на Русь христианства они представляли рай чудесным садом во владениях бога света. Туда, на Восток, улетали все праведные души, обращаясь после смерти в бабочек или легкокрылых птиц. Из языческой мифологии эти верования, в одухотворённом и преображённом виде, перешли в христианство. В жизнеописании св. Марфы, например, христианской праведнице снится сон, как она, окрылённая, улетает в синеву поднебесную.

Вольнолюбивые порывы Катерины даже в детских её воспоминаниях не стихийны: «Такая уж я зародилась горячая! Я ещё лет шести была, не больше,

так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку да и отпихнула её от берега». Ведь этот поступок Катерины вполне согласуется с народной её душой. В русских сказках девочка обращается к речке с просьбой спасти её от злых гусей-лебедей, её преследователей, и речка укрывает её в своих берегах. В одной из орловских легенд преследуемая разбойником Кудеяром девушка подбегает к Десне-реке и молится: «Матушка, Пречистая Богородица! Матушка, Десна-река! Не сама я тому виною, – пропадаю от злого человека!» Помолившись, бросается в Десну-реку, и река в этом месте тотчас пересыхает, Лукой даёт, так что девушка остается на одном берегу, а Кудеяр-разбойник – на другом.

Издrevле славяне поклонялись рекам, верили, что все они текут в конец света белого, где солнце из моря поднимается, – в страну правды и добра. Вдоль по Волге в долблёной лодочке пускали костромичи солнечного бога Ярилу, провожали в обетованную страну тёплых вод. Бросали стружки от гроба в проточную воду. Пускали по реке вышедшие из употребления иконы. Так что порыв Катерины искать защиты у Волги – это уход от неправды и зла в страну света и добра, это неприятие напраслины с самого детства, это готовность оставить мир, если всё в нём ей «опостынет».

Реки, леса, травы, цветы, птицы, животные, деревья, люди в народном сознании Катерины – органы живого одухотворённого существа, Господа Вселенной, соболезнующего о грехах людских. Ощущение божественных сил неотделимо у Катерины от сил природы. В народной «Голубиной книге»

Солнце красное – от лица Божьего,
Звёзды частые – от риз Божиих,
Ночи тёмные – от дум Божиих,
Зори утренни – от очей Господних,
Ветры буйные – от Святого Духа [29].

Вот и молится Катерина заре утренней, солнцу красному, видя в них и очи Божии. А в минуту отчаяния обращается к «ветрам буйным», чтобы донесли они до любимого её «грусть тоску-печаль». В народном мирозерцании вся природа принимала эстетически высокий и этически активный смысл. Человек ощущал себя сыном одушевлённой природы. Народ верил, что добрый человек может укрощать силы природы, а злой, напротив, навлекать на себя её немилость и гнев. Почитаемые народом праведники возвращали в свои берега разбушевавшиеся при наводнении реки, укрощали диких зверей, повелевали громами. Не почувствовав первозданной свежести внутреннего мира Катерины, не поймёшь жизненной силы и мощи её характера, образной тайны её народного языка. «Какая я была резвая! – обращается героиня к Варваре, но тут же, сникая, добавляет: – Я у вас завяла совсем». Цветущая заодно с природой, душа Катерины действительно увядает во враждебном ей мире Диких и Кабаних. В народной песне поётся:

Ах, да я у матушки жила, как цветок цвела,
Как цветок цвела

Ах, да я у батюшки жила, как веноч плела,
Как веноч плела [30].

В душе Катерины бьётся родник исконно русской песенной культуры и обретают новую жизнь христианские верования.

Смерть Катерины наступает в момент, когда умереть для неё святее, чем жить, когда смерть оказывается единственным достойным исходом, единственным спасением того высшего, что в ней есть. Эта смерть напоминает молитву юной героини в храме природы, возвращая нас к началу трагедии. Смерть освящается той же полнокровной и жизнелюбивой религиозностью, которая с детских лет вошла в сознание Катерины, религиозностью типично народной, которая в стихотворении Н. А. Некрасова «Похороны», например, тоже оправдывает и прощает заезжего интеллигента-самоубийцу, заступника народного:

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

«Отпевание» совершается не в храме, а в поле, под солнцем вместо свечей, под птичий гомон, заменяющий церковное пение, среди колыхающейся ржи и пестреющих цветов. И «упокоился бедный стрелок» «под густыми плакучими ивами» со всеми признаками народной веры в его бессмертие:

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать... [31]

Не то же ли самое проносится в сознании расстающейся с калиновским миром Катерины? «Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко её греет, дождичком её мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: жёлтенькие, красненькие, голубенькие... всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется». Жизнь в Калинове превращается для неё в прозябание и увядание, в смерти же видится полнота утверждения истинной жизни, которая окрыляла героиню в юности и которой не нашлось места в мире Диких и Кабановых, в кризисной, буржуазной России.

Катерина умирает удивительно, её смерть – это последняя вспышка любви к божественной основе мира, к деревьям, птицам, цветам, к красоте и гармонии. Смерть преодолевается верой в неиссякаемую силу божественной благодати. Не геенну огненную, а лучистый солнечный свет, весеннее обновление ждёт Катерина за гробом. Монолог её о могилушке – пробуждающиеся к жизни, застывшие фольклорные метафоры, хранящие энергию древних верований. Народные песни о смерти девушки или женщины, пострадавшей от злого ненавистника или от лютой свекрови, овеяны верой народа в вечную жизнь и бессмертие. Человек после смерти

превращается в дерево, растущее на его могиле, или в птицу, вьющую гнездо в его ветвях, или в цветок, дарящий улыбку прохожим. В русской народной сказке о Снежинке есть любопытное предание о переходе души в камышовую тростинку и розовый цветок. В украинской народной песне поётся о превращении утонувшей девушки в плачущую берёзу, которая, обращаясь к брату, говорит:

Белая берёзонька – это я молода,
Шелковая трава – моя русая коса,
Чёрный терн – мои чёрные очи... [32]

Вот почему после смерти своей, напоминающей скорее не самоубийство, а добровольный уход в мир природы, Катерина сохраняет все признаки, которые, согласно народному поверью, отличали святого человека от простого смертного: она и мёртвая, как живая. «А точно, ребята, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна капелька крови». Гибель Катерины в народном восприятии – это смерть праведницы. «Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело её здесь, возьмите его: а душа теперь не ваша: она теперь перед тем судьёй, который милосерднее вас».

О том, что «народное православие» прощало людям при особых обстоятельствах даже грех самоубийства, а порой даже причисляло таких людей к числу святых великомучеников, свидетельствуют не только факты массового самосожжения старообрядцев, но и то, что один из вологодских страдальцев XVI века Кирилл Вельский, утопившийся в реке, был причислен к лику святых и попал в православные святцы. Он был слугой у жестокого новгородского наместника. Однажды, спасаясь от его гнева, Кирилл утопился в реке Ваге. Его, сочтя самоубийцей, предали земле не на православном кладбище, а на берегу реки. Но вскоре на могиле Кирилла стали совершаться чудеса. Тело его нашли нетленным, перенесли в специально выстроенную часовню и установили местное празднование 9 июня [33].

В течение многих и многих десятилетий смысл трагической коллизии в «Грозе» Островского сводился к обыкновенному социальному конфликту. Однако в действительности национальный драматург уловил в «Грозе» тревожные симптомы глубочайшего мировоззренческого кризиса, эпохальный смысл которого мы только ещё начинаем постигать, пройдя через сложные исторические изломы, потрясавшие национальный организм России в XX столетии. Конфликт «Грозы» вбирает в себя противоречия, исподволь назревавшие в процессе тысячелетнего исторического развития. Мудрый Островский раскрывает в «Грозе» глубинные истоки великой религиозной трагедии русского народа, разыгравшейся в начале XX века, когда он, отталкиваясь от мироотречного уклона и формального «обрядовения», в прельщении своём впал в языческое заблуждение. В этом качестве «Гроза» Островского имеет пророческий смысл, который не был понят ни современниками, ни потомками национального драматурга. Катастрофические последствия этого непонимания, этой духовной слепоты мы пожинаем сейчас в безобразиях и бесстыдствах смутного времени.

Нельзя не заметить, что отголоски двух противоположно заряженных полюсов русской жизни, породивших грозовой разряд в «русской трагедии» Островского, пробегают тревожными всполохами по всему полю нашей художественной и общественной мысли второй половины XIX столетия. Мы чувствуем их в столкновении «болконского» и «каратаевского» начал в «Войне и мире», в конфликте отца Ферапонта со старцем Зосимой в «Братьях Карамазовых», в споре с Достоевским религиозного философа Константина Леонтьева, в конфликте Веры с бабушкой и Марком Волоховым в «Обрыве» Гончарова, в христианских мотивах поэзии Некрасова, в «Господах Головлёвых» и «Сказках» Салтыкова-Щедрина, в диспутах русского религиозно-философского общества начала XX века.

Порывая с миром Кабановых, Катерина находит спасение в духовно-нравственной атмосфере, которая возникла на Руси ещё до принятия христианства и которая укрепилась в фольклорном мироощущении. Известно, что язычество древних славян, мощные пласты которого сохранило устное народное творчество и живой великорусский язык, являло собою довольно развитую систему духовно-нравственных представлений, органически связанных с культом воссоздающих, созидующих сил природы. Нравственное ядро этих древних верований было усвоено христианством. Народное мирозерцание оказалось во многом созвучно ему и даже способствовало развитию нравственных начал православия. И. А. Ильин замечал, что «греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его “греческости” можно говорить лишь в условном, историческом смысле» [34]. «Главное состояло в том, – поясняет его мысль О. А. Платонов, – что новоиспечённые русские христиане внесли в новую веру глубокие нравственные начала, рождённые ещё в дохристианский период, и прежде всего мысль о приоритете добра в жизни, о неизбежности победы добра в борьбе со злом. На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро.

Крещение Руси соединило два родственных мироощущения. Так, русские внесли в православие жизнеутверждающий оптимизм победы добра и усилили его нравственные начала, придав им более конкретный характер практического добротолубия. Этим русское православие отличалось от византийского, которое абсолютизировало идею зла, его неотвратимости, преодолеть которое можно только через строгий аскетизм и мистические искания» [35].

Вместе с тем живущая в русском фольклорном сознании система духовных ценностей, связанная с язычеством и уходящая в доисторические времена, была постоянным источником соблазна и «прельщения». Этот соблазн возникал тогда, когда православие уклонялось к формальному законничеству, глубоко враждебному русскому народному сознанию. Отталкиваясь от него, оно соскальзывало в этом случае к глубинным и как бы «запасным» мифологическим первоосновам. По замечанию русского историка Н. И. Костомарова, «христианские пастыри, распространяя веру кротко, обращали в христианские те из языческих обрядов, которые не заключали

ничего противного идее христианства» [36]. Но полного тождества между древним язычеством и христианством быть не могло, а потому отталкивание от несовершенных проявлений христианства исторического порождало всегда опасность выхода народного сознания из круга догматических православно-христианских представлений и уклона в сектантство или в поэтизацию древних фольклорных формул, в обольщение поэтической стороной славянской мифологии. Художественно одаренная натура Катерины как раз и впадает в финале «русской трагедии» в этот «русский соблазн». В то же время Островский не мыслит русского характера без этой мощной и плодотворной поэтической первоосновы, являющейся неисчерпаемым источником художественной образности и хранящей в первозданной чистоте инстинкт русского добротолубия. От «Грозы», таким образом, тянутся нити к «Снегурочке», действие которой отнесено к «доисторическим» языческим временам.

5

Замысел «Снегурочки» возник у Островского в начале 1873 года. Сказка создавалась в счастливые минуты творческого вдохновения. Работу над нею драматург завершил 4 апреля 1873 года в 10 часов вечера. На одном из белых автографов «весенней сказки» стоит другая дата – 31 марта. Примечательно, что это день рождения писателя, которому в 1873 году исполнилось 50 лет. Возможно, что Островский хотел специально приурочить завершение «весенней сказки» ко дню своего рождения. В «Снегурочке», очень дорогое для драматурга детище, очень многое сошлось и очень многое раскрылось. Островский считал, что с этим произведением он выходит на новую дорогу в русской драматургии. Поэтому он высоко ценил свою «весеннюю сказку» и ревниво относился к отзывам о ней.

Какие впечатления питали поэтическую фантазию Островского во время работы над «Снегурочкой»? Какими источниками пользовался драматург, обрабатывая драгоценный замысел? Ответить на эти вопросы нелегко: стихии «весенней сказки» слишком долго бродили в душе писателя, заявляя о себе даже в самых острых социально-бытовых драмах. В «Снегурочке» они лишь отлились в чистом, отрешённом от быта существе. «Весеннюю сказку», истоки которой открылись в одном из первых путешествий в Щельково, драматург вынашивал в своей душе более двадцати лет. Сестра Островского Мария Николаевна вспоминала, что драматург был особенно влюблён в щельковскую весну. Лучшие замыслы писателя создавались во время деревенского отдыха, среди русской природы, в тесном общении с народом.

«Колорит поэтической «Снегурочки», – писал В. Маслих, – это колорит Щелькова и его ближайших окрестностей. Там до сих пор сохранилось название места, которое драматург перенёс в свою пьесу, это – “Ярилиная долина”, небольшая лесная поляна близ Куекши. Здесь исстари местное население справляло свои весенние праздники, на которых неизменно присутствовал Островский, наблюдая обычаи и обряды крестьян... Голубой ключ, бьющий в одном из уголков Ярилиной долины, творческая фантазия

КОСТРОМА

художника превратила в озеро. А прототип слободы Берендеевки нетрудно угадать в селе Бережки, расположенном на крутом, заросшем густым лесом берегу Куекши» [37]. Не исключено, что, создавая образ сказочного царя Берендея, мудрого правителя и художника, Островский привнёс в его облик черты знакомых щельковских крестьян. Другом Островского был Иван Викторович Соболев, безземельный крестьянин, художник-самоучка, резчик по дереву. Он жил в «заречном» селе Бережки, всё отдавая своей любимой страсти. Под влиянием искусного народного мастера пристрастился к занятиям резьбой по дереву и сам Островский. Одарённость Соболева проявлялась и в особенном чутье этого крестьянина к живому великорусскому языку. Как легендарному Берендею, ему была «любезна игра ума и слова». Потому-то Островский и приносил другу приятно на проверку свои художественные произведения.

Первоотличком к возникновению замысла «Снегурочки» послужило пребывание Островского в Щелькове весной и летом 1872 года. Весна задалась тогда на редкость ранней и дружной, а лето жарким и щедрым. В письме к Н.А. Дубровскому от 20 июня 1872 Островский сообщал: «...у нас теперь необыкновенно хорошо и был бы совершенный рай, если б не засуха, которая нас несколько печалит: травы совсем нет, вся сторела». Но в конце июня палящие лучи Ярилы-солнца помиловали щельковскую природу, прошли дожди, и наступило доброе лето, сулившее богатый урожай. 13 июля Островский писал Ф. А. Бурдину: «Погода у нас хорошая, дни стоят жаркие, а вечера прохладные. Урожай превосходный...». Наконец, в августе, подводя своеобразный итог своему любимому времени года, Островский сообщал тому же Бурдину: «В деревне я пробуду до октября, родилось очень много хлеба, надо его убрать... Жаль, что ты не приехал, лето было превосходное, – охота и рыбная ловля на редкость... Теперь езжу по вечерам на лодке с острогой».

Весь летний период Островский провёл в Щелькове один. По разным причинам многочисленные друзья не приехали тогда под гостеприимный кров его дома. Рыбная ловля под Высоковым – любимое развлечение Островского – проходила, очевидно, в кругу деревенских друзей. Жаркое солнце, изгоняющее «последней стужи след» из сердца весёлых и беспечных берендеев, творческие силы могучей природы, опозитизированные в сказке Островского, – во всём этом есть отзвук весенне-летних впечатлений 1872 года.

Не без воздействия Щелькова возникла в «Снегурочке» поэтическая картина народного праздника, Ярилина дня. В XIX веке этот праздник ещё бытовал на территории Костромского края, в том числе и в окрестностях Щелькова. В дневнике Островского за 1867 год сохранилась лаконичная запись: «июня 11. *Воскр[есенье]*. (Ярилин день)». На эту дату в 1867 году приходился день Святой Троицы. Очевидно, местные крестьяне приурочивали старый языческий обряд к христианскому празднику, Троицыну дню.

Но смысл этого праздника был иным, совершенно не похожим на тот, который реставрирует Островский в «Снегурочке». В Ярилин день крестьяне XIX века уже *не встречали* бога Солнца, а *хоронили* его. По свидетельству современных Островскому фольклористов, в Костроме во Всесвятское

заговенье совершался обряд *погребения* Ярилы. Куклу Ярилы в обрядном шествии нёс в гробике старик, а по сторонам шли женщины и оплакивали в песнях Ярилу как умершего. В Галиче и Кинешме представителем Ярилы выбирали старика, специально одетого в лохмотья, и забавлялись над ним. Гуляния в честь Ярилы совершались под Кинешмой в Яриловой роще, возле Чухломы на Яриловом поле и на Поклонной горе близ села Туровского в Галиче. На Ярилин день существовал обычай «поневеститься»: крестьянские девушки и парни собирались по вечерам в рощах и долинах у прудов и озёр на пляски и игры.

Смысл этого древнего языческого праздника академик Б. А. Рыбаков определяет так: «Календарно обряд уничтожения кукол падает на два периода: во-первых, на раннюю весну (сожжение Масленицы), а во-вторых, на разгар лета, завершаясь Троицыным днём, днём Ивана Купалы (24 июня) или Петровым днём (29 июня).

Первая, ранневесенняя группа обрядов ясна по своему смыслу: правы те этнографы, которые расценивают весёлое сожжение Масленицы и катание горящих колёс с горы в реку как символическое сожжение зимы, как встречу весны в день весеннего равноденствия, когда день начинает побеждать ночь, тепло побеждает холод. Христианский пасхально-великопостный цикл сдвинул разгульную Масленицу со своего исконного места – 24 марта, в силу чего она утратила свою первоначальную связь с весенней солнечной фазой, но целый ряд этнографических фактов говорит о существовавшей ранее связи...

Второй календарный срок ритуального уничтожения или погребения кукол-чучел, названный народом Зелёными святками, заполнен обрядами совершенно иного значения. Они проводились в то время, когда хлебные злаки уже созревали, когда первичное зерно, посеянное в землю, уже отдало всю свою силу новым росткам, начавшим колоситься... Это не праздник урожая, не торжество земледельцев, собравших спелые колосья (до жатвы остаётся ещё более месяца), а моление о том, чтобы старая вегетативная сила весеннего ярового посева перешла в новые, созревающие, но ещё не созревшие растения, передала бы им свою ярь» [38].

Очевидно, что обряд встречи солнечного бога Ярилы в эпоху Островского ушёл в историю: народная жизнь его потеряла. На какие же источники опирался драматург, показывая эту встречу в «Снегурочке»?

Работа над «весенней сказкой» началась не позднее февраля 1873 года, так как 20 февраля в письме к Островскому Н.А. Дубровский присылает драматургу описание праздника солнца, нужное ему для работы над сказкой: «Я нашёл в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси, крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались на возвышенный холм и там ожидали восхождения солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и любовались, как оно играет и переливается разными цветами» [39].

КОСПРОМА

Сохранились два наброска (сценария) «Девушки-Снегурочки» (первоначальное заглавие), сделанные на черновой рукописи сказки.

Первый вариант – своеобразное продолжение начатой в 1868 году сказки «Иван Царевич». Здесь встречаются прежние сказочные персонажи (Иван Царевич, дурак) и отсутствует центральный конфликт «Снегурочки», связанный с праздником Ярилы, не разработана тема Берендеева царства (есть лишь упоминание о нём).

Второй вариант сценария «Девушки-Снегурочки» приближается к окончательному тексту. Появляется описание Ярилина дня, разрабатывается психологический конфликт драмы.

Когда же наметился перелом в её сюжете?

Толчком к обогащению и усложнению замысла сказки могло послужить знакомство Островского с романом П. И. Мельникова-Печерского «В лесах». В мартовском номере «Русского вестника» за 1872 год, в главе седьмой и восьмой второй части романа, Мельников-Печерский дал одну из первых в нашей литературе художественных обработок древнеславянского мифа о встрече бога солнца: «Ходит тогда Ярило ночью порой в белом объяринном балахоне, на головушке у него венки из алого мака, в руках спелые колосья всякой яри. Где ступит Яр-Хмель – там несаянный яровой хлеб вырастает, глянет Ярило на чистое поле – лазоревы цветочки на нём запестреют, глянет на тёмный лес – птички защечечут и песнями громко зальются, на воду глянет – белые рыбки весело в ней заиграют. Только ступит Ярило на землю – соловьи прилетят, помрёт Ярило в Иванов день – соловьи смолкнут... Тронет Яр-Хмель алым цветком сонную девицу, заночует у неё ретивое, не спится молодой, не ложится, про милого, желанного гребтится... А Ярило стоит над ней да улыбается, сам красну девицу утешает: “Не горюй, красавица, не печалься, не муди своего ретивого сердечка – выходи вечерней зарёй на моё на Ярилино поле: хороводы водить, плетень заплетать, с дружкой миловаться, под ельничком, березничком сладко целоваться”. <...> Перелески чернеют, пушистыми волнами серебряный туман кроет Мать Сыру Землю... Дохнёт Яр-Хмель своим жарким, разымчивым дыханьем – кровь у молодёжи огнём горит, ключом кипит... Пары редеют, забегают в перелески. Слышится и страстный лепет, и звуки поцелуев. Гуляет Яр-Хмель...» [40].

Возможно, что Островский, увлечённый поэтическими страницами этой главы, изменил первоначальный замысел сказки и ввёл в неё в качестве центральной темы драматургическую разработку мифа о встрече Ярилы, «бога жизни, весны и любви», сменяющем гнев на милость и возвращающемся в царство берендеев. Находясь весну, лето и даже начало осени 1872 года в Щелькове, драматург мог прочесть мартовский номер «Русского вестника» лишь в октябре. Чтение совпало, по всей вероятности, с тем моментом работы над «Снегурочкой», когда первый вариант её сценария был разработан, но перестал удовлетворять драматурга.

Обратим ещё раз внимание на то, что Островский изображает в «Снегурочке» не похороны, а встречу божества солнечной силы, относящуюся не ко второму, а к первому календарному циклу, когда сжигалось чучело зимы

(Масленицы) и праздновалось рождение Ярилы, молодого бога плодородия и жизнотворящей силы. Драматург производит реконструкцию существовавшего в далёком прошлом, но уже забытого современным ему крестьянством языческого обряда, опираясь на роман Мельникова-Печерского и на труды русских фольклористов мифологической школы.

На основании лингвистических, этнографических и фольклорных изысканий А. Н. Афанасьев пытался восстановить в живых поэтических подробностях языческое мироощущение древних славян: «С умалением светил славяне соединяли веру в предвестие несчастий и бедствий; наоборот, с возрастанием светил они связывали понятия счастья, добра, изобилия и урожая» [41]. Царь Берендей в «Снегурочке» Островского ставит народное благополучие в зависимость от милостей солнечного бога Ярилы. Душевную остуду, распад единства и падение нравов в мире берендеев он объясняет гневом палящего бога:

Благополучие – велико слово!
 Не вижу я его давно в народе.
 Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
 Короткое, год от году короче
 Становится, а вёсны холодней <...>
 Не всё у нас благополучно, друг.
 Пятнадцать лет не кажется Ярило
 На наш призыв....

«Солнце у западных славян, – отмечал А. Н. Афанасьев, – представлялось юношею сильным и красивым... Светлые божества хранили плодотворную силу в своём жилище – в стране вечного лета, которая лежит на восходе солнца... Чувство любви для язычника являлось делом богов света. Любовь в народной песне названа *горючею*: “горюча любовь на свете”. В другой песне поётся: “Не огонь горит, не смола кипит, / А горит, кипит ретиво сердце по красной девице”. “Любовь – не пожар, – говорит народная пословица, – а загорится – не затушишь”» [42]. «Славяне, – утверждал он, – признавали в душе человеческой проявление той же творческой силы, без которой невозможна на земле никакая жизнь: это сила *света и теплоты*, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа – собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту. Различные душевные движения народ обозначает уподоблением огню: чувству он дает эпитеты *горячее, тёплое, пылкое*; о любви, вражде и злобе выражается, что они *возгорелись* или погасли. <...> Если душа понималась как огонь, то жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя: погасало оно – и жизнь прекращалась. У нас уцелело выражение: *погасла жизнь*; выражение это в народной песне заменено сравнением смерти человека с погасшею свечою...» [43].

Персонификация бога Солнца в человеческом образе, в белой светоносной одежде, жертвенная гибель Снегурочки под его лучами приближали языческое мирозерцание народа к осмысленному принятию истин христианской

КОСТОМАРОВА

религии. Для Островского это было важно и значимо. Здесь он смыкался с другом своим, историком и этнографом Н. И. Костомаровым, который писал: «Эта идея воплощения, страдания и торжества божественного существа на земле была чудесным предчувствием пришествия Сына Божия, солнца правды, света истины, и служила величайшим историческим подтверждением истины нашего Священного Писания. Это была идея, вложенная Творцом в род человеческий: человек, какую бы религию ни создал себе, непременно должен был проявить в ней то начало, с которым сам произошёл на свет; оторвать от него мысль о вочеловечении Божества было столь же трудно, как истребить веру в свою душу» [44].

Язычество древних славян являло собою довольно развитую систему духовно-нравственных представлений, органически связанных с культом воссоздающих, созидающих сил природы, утверждающих веру в существование души природы, веру в единение природного и человеческого. И нравственное ядро этих древних верований, хранившихся не только в устном народном творчестве, но и в живом великорусском языке, было органически усвоено и переосмыслено православием. Народное миросозерцание оказалось во многом созвучно ему и даже способствовало развитию нравственных начал православия.

П. С. Ефименко, например, убедительно доказал, что культ Ярилы в христианскую эпоху органично перерос в культ Святого Георгия. Существенные черты, характеризующие старого древлеславянского бога, обнаруживаются в народных представлениях «о Егории храбром», в честь которого 23 апреля совершается в деревнях выгон скота, а крестьянки умываются Егорьевской росой, охраняющей их от всех болезней.

Островский был знаком с работой Ефименко, вышедшей в свет в «Записках Императорского Русского географического общества» в 1868 году, а в 1869-м опубликованной отдельным изданием. Из неё драматург взял описание внешности солнечного бога славян: «Ярило, прекрасный юноша, даёт растительную силу хлебам, травам и деревьям и чадородие людям и животным. На голове у него венок из свежих весенних полевых цветов, в левой руке горсть колосьев – знак того, что Ярило есть произраститель цветов и хлебов; в правой руке у него человеческая голова, по всей вероятности, голова побеждённой им зимы и ночи» [45]. Примечательно, что Островский придал этой голове совсем иную, «светоносную» силу [46]: в правую руку Ярилы он вложил «*светящуюся* голову человечью». Драматург знал, что мёртвая голова трактовалась в древние времена как символ бессмертия и божественной мудрости [47].

Труды П. С. Ефименко, Н. И. Костомарова, А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева повлияли на замысел «весенней сказки» не только прямо, но и косвенно, самым методом поиска древнего миросозерцания народа через развёртывание образной энергии, скрытой в корневых глубинах русского языка. А. Н. Афанасьев утверждал: «Анализируя слова, возводя их к начальным корням и восстанавливая забытый смысл этих последних», филология «открыла нам мир доисторический, дала средства разгадать

тогдашние нравы, обычаи, верования, и свидетельства её тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» [48].

Это была очень поэтичная лингвистика, требующая художественной интуиции, с помощью которой в словах раскрывался «спящий» в них смысл, их мифологическая первооснова. Как археолог по отдельным предметам в древнем культурном слое восстанавливает картину ушедшей от нас цивилизации, так и знаток языка, погружаясь в образно-смысловую ткань слова, в самом духе языка улавливает отголоски древнего народного мирозерцания.

Именно такой метод использует Островский в «Снегурочке», когда он соотносит зимнюю природу со стужей людских сердец или когда он изображает пробуждение природы под лучами набирающего силу весеннего солнца и «оттаивание», потепление холодного сердца Снегурочки.

6

«Снегурочка» создавалась в глубоко кризисное время, переживаемое Россией. Пафос сказки, несмотря на далёкий от конкретных событий современности сюжет, перекликается с «Анной Карениной» Толстого, «Братьями Карамазовыми» Достоевского. Старец Зосима у Достоевского в своих беседах и поучениях говорит о болезненном состоянии современной жизни России, в которой погоня за материальными благами привела к тому, что «мир духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью». В жизни, вступившей на чуждую России буржуазную стезю, люди «живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства». «А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...». Наступает время всеобщего уединения, распадаются не только дружеские, но и кровные связи между людьми. В «Господах Головлёвых» Салтыков-Щедрин показывает, как по мере обогащения и материального преуспевания в собственнических душах дворян Головлёвых совершается страшный процесс внутреннего опустошения. И уже не в родственном единении между людьми, как некогда в «Войне и мире», пафос романа Толстого «Анна Каренина», а в разобщении между ними. Исчезли духовные связи, скреплявшие семью, и люди в доме Облонских почувствовали себя словно «на постоялом дворе». Непрочность человеческих связей, исчезновение «родственного», «домашнего» из повседневного общения – весьма характерная примета нового времени.

То же самое неблагополучие, ту же самую духовную болезнь подмечает Островский в царстве берендеев. С некоторых пор померкло в нём служенье красоте, пропала супружеская верность, умножились тщеславие, корыстолюбие:

Короче, друг, сердечная оступая
Повсюдная, – сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств

И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит.

В сказке Островского отсутствует чётко выраженная интрига, вокруг которой организуется драматургическое действие: весёлые берендеи провожают Масленицу, поют и водят хороводы на Красную Горку, невестятся и ссорятся, обсуждают причины неурожая, холодов и внутренних раздоров в своём царстве, наконец, встречают Ярилу. Островский открывает в сказке иную природу драматургического действия, основанного на поэтическом развитии и драматическом столкновении двух противостоящих друг другу мотивов. Они заявлены в споре Весны и Мороза о судьбе их дочери Снегурочки в самом начале сказки, в борьбе друг с другом летних и зимних, тёплых и холодных природно-человеческих стихий. Все последующие события – поэтическая разработка этих мотивов, в процессе которой они обретают многозначный социальный и природно-космический смысл. Тема Мороза, проходя через сказку, разрастается и разветвляется, подключая к себе очень разные характеры: Бобыля и Бобылиху, Елену Прекрасную, торгового гостя Мизгиря из посада царя Берендея. Весенней теме отвечает противопоставленный эгоистическому Мизгирию добрый царь Берендей, девушка с «горячим сердцем» Купава, друг Солнца и любви пастух Лель. Между двумя стихиями – тепла и холода – колеблется душа Снегурочки, дочери Весны и Мороза.

Композиционные связи природно-фантастических и реально-бытовых героев сказки порождают многозначные и ёмкие художественные обобщения. Природное тепло и свет в драме не только соотносятся с душевным теплом на правах условной поэтической параллели: наличие щедрых лучей солнца в мире природы ставится в прямую зависимость от меры дружбы, любви и согласия в жизни берендеев. Спор Мороза и Весны в прологе о судьбе их дочери Снегурочки в разных вариациях отзовется в разговорах Берендея с Бермятой, в обращении со Снегурочкой завистливых и тщеславных Бобылей, в конфликте Мизгиря и Купавы. Мороз, Бобыли, Мизгирь несут в мир те стихии природного и душевного холода, которые навлекают на себя гнев Солнца, мстящего природе и людям земли за «остуду». Спорят между собою в сказке и два типа земной красоты. Один утверждает Мороз – это холодная красота оцепенения, безмолвия и бесчувственности. Другую несет в мир Весна – горячую красоту жизни и возрождения. Драматургическое развитие конфликта – это процесс постепенного природного и человеческого потепления, завершающийся торжеством солнечного света. Этому торжеству способствуют Весна, царь Берендей, пастух Лель и жертвенно-самоотверженная Снегурочка, устраняющая своей гибелью природный и душевный холод из царства Берендеев.

Конфликт, пронизывающий художественную ткань произведения, имеет и социальный подтекст. Брак Весны и Мороза – неравный: старик держит в неволе молодую Весну, самодурствует, как распоясавшийся купец из бытовых пьес Островского. Подобно Диким и Кабанихам он со злым недоверием

встречает всё живое, трепетное и тёплое. Самодурствуя в метельном неистовстве, он знобит и морозит Весну и берендеев. Этот неравный брак, нарушающий установленный Солнцем природный лад, навлекает гнев всемогущего бога. Солнце хмурится и скорбит, попуская до времени морозные зимы и затяжные весенние холода. В споре Весны и Мороза о судьбе Снегурочки скрывается в подтексте семейно-бытовая тема, одна из ключевых в драматургии Островского. Молодая мать-Весна бережно лелеет в дочери ростки распускающейся жизни, хочет дать им простор и волю. Мороз же, напротив, считает любовь и волю губительными. Подобно купеческому самодуру-отцу, он хочет замкнуть свою дочь в холодный терем, удержать её при себе щедрыми дарами, не понимая, что любовь и воля дороже всяких материальных благ. Спор заканчивается компромиссным решением: Мороз соглашается отпустить Снегурочку к людям, но отдаёт её в дочки к бесхозяйным и безалаберным Бобылям, холодным, бездуховным и бессердечным. У Мороза тут своя «купеческая» логика: он считает, что на Снегурочку, живущую в бедной семье, никто из женихов не позарится.

А в Снегурочке между тем идёт напряжённая психологическая борьба, драматическое столкновение двух наследственных начал, несовместимых друг с другом. От Мороза-отца она унаследовала стихию душевного холода и отчуждения, от матери-Весны – тоску по воле, любви, полнокровному общению. Островский развёртывает в драме психологически достоверную историю пробуждения Снегурочки. Созревая для горячих человеческих чувств, для сердечных отношений, она тает, самоуничтожается, побеждая своей смертью стихию душевного холода, заключённую в её наследственной природе. Гибелью она искупает и свой, и всеобщий грех сердечной ослеплости, в который впали вместе с ней и были наказаны Солнцем берендеи.

Этот грех неспроста тревожит царя Берендея. В его владениях с некоторых пор исчезло благополучие, воцарился холодный расчёт и трезвое бессердечие. Таков, например, его подданный Бобыль – эгоист и ленивец, любящий побрякивать и попирывать на чужой счёт. Почему Бобыль и Бобылиха берут к себе в приёмные дочки Снегурочку? Не беззащитность этой невинной девочки-подростка, не жалость к ней являются побудительным стимулом, а совсем другая причина. Их прельщает Снегурочка-красавица, на которую позарятся молодые берендеи: «Краса твоя девичья то ж богатство». Подобно будущей героине «Бесприданницы» Харите Огудаловой, Бобылиха с Бобылём мечтают выгодно продавать красоту дочери-бесприданницы, собирать с будущих её женихов как можно больше барышей. Они так и учат наивную, холодную ко всем обожателям Снегурочку:

Соскучишься с одним, поприглядится,
Повытрясет кису, мани другого...

Они даже радуются, что Снегурочка любить не может:

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.

КОСПРОМА

За что же наказываются ревнивым богом берендеев Снегурочка и Мизгирь? Почему Берендей считает солнечную кару правой, а тревогу берендеев по поводу печальной кончины Снегурочки напрасной? Эти вопросы явились и являются камнем преткновения для нескольких поколений исследователей и читателей «Снегурочки». Как сказал А. Р. Кугель, «нет ничего труднее, как понимать просто написанное». Современный человек, склонный эстетизировать жизнь, легко отделяет красоту от добра и прельщается ею. Впадая в «прелесть» он никак не может почувствовать высшей справедливости в словах царя Берендея. Они кажутся ему неоправданно жёсткими и даже жестокими.

Но ведь центральный мотив «весенней сказки» Островского связан именно с темой губительности бессердечной красоты. Вплоть до чудесного преобразования Снегурочки под влиянием матери-Весны в финале сказки её красота остаётся холодной и сеет раздор и ссоры в мире берендеев. Равнодушно следуя за Мизгирём, Снегурочка наивно безразлична к горю Купавы, лишена сострадания и вины перед нею. Она не понимает её тоски, обиды, горьких слёз. Ледяное её сердечко столь же равнодушно и к страданиям других девушек, у которых она бессознательно «отбивает» женихов. Равнодушна она и к своим поклонникам, не понимая их терзаний, не сознавая причины слёз, пробегающих по их щекам:

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю. И слёзы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех и слёзы, – право,
Додуматься Снегурочка не может.

Не ведает Снегурочка и радость поцелуя, не чувствует скрытую за ним одушевлённую страсть:

За поцелуй поёшь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, – поцелуй
Такие же слова: «прощай и здравствуй!»

В беседе с Берендеем Бермята именно Снегурочку считает главной причиной раздоров, смут и сердечного похолодания в душах берендеев:

Какая-то в заречной слободе
Снегурочка недавно объявилась.
Передрались все парни за неё.
На женихов накинулись невесты

Из ревности, и брань идёт такая –
Усобица, что только руки врозь!

И мудрый царь Берендей связывает беды, охватившие его царство, с опасной своей холодностью красотой Снегурочки:

Пятнадцать лет она жила меж нами.
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.

На Снегурочке действительно лежит тяжкая вина за обиды, причинённые людям её бессердечием. Эта вина вызывает к искуплению, которое и вершится в конце драмы. Трагическая тема холодной красоты, самодостаточной, закрытой, свободной от Добра и Правды, станет отныне ведущей у Островского. Она получит глубокую психологическую разработку в его позднем творчестве, особенно в драме «Бесприданница». Как трагическая героиня, Снегурочка сама выбирает свою судьбу. Она упрекает мать:

Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили...

Тему Мороза, Бобыля и Снегурочки подхватывает в «весенней сказке» торговый гость Мизгирь. Он привык покупать «любовь» девушек, он соблазняет их «золотыми ключами от кованых ларцов». Но холодное бесстыдство Мизгирия в обращении с Купавой возмущает берендеев. Один из них, Мураш, вспоминает, что когда-то они, любимые богом, жили честно, мужа и жёны их были верными до смерти, а венок, вручённый парнем девушке, никогда не осквернялся изменой. Мизгирь неслучайно навлекает на себя божественную кару. Его вина заключается в постоянном поругании святыни любви. Царь Берендей говорит о Мизгире:

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падёт она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.

Холодный эгоист, Мизгирь за свою жизнь «вызнобил» душу не одной Купаве. В своём бесчувствии он принимал за любовь купленные за деньги плотские утехы, никогда не взволновавшие глубин его сердца. И даже проснувшаяся, наконец, любовь к Снегурочке не ограждает его от повышенного самомнения и гордыни. Склоняя колени перед любимой девушкой, он одновременно и сердится на неё: «...За горечь униженья заплатишь ты!» – зло бросает он Снегурочке. И та не без основания думает:

О, если всё такая
Живёт любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить.

Ни понять, ни пожалеть, ни спасти Снегурочку самовлюблённый Мизгирь не может. И потому её печальная кончина остаётся на совести Мизгиря, а его собственная «страшная гибель» – возмездие за эгоизм.

Так готовится в драме ключевой диалог Берендея с Бермятой: ясно, почему гневается на берендеев Солнце, почему и без того короткое лето северного края год от году становится короче, а вёсны холодней, почему утратили силу моления берендеев и уже пятнадцать лет к ним не приходит Ярило. Берендей называет главные признаки «охлаждения сердец»: в его подданных исчезла любовная горячность, померкло служенье красоте, мужа остыли к жёнам, а в жёнах пропала супружеская верность. Окрепли и умножились пороки: тщеславие, корыстолюбие и воровство.

Но в то же время над сказкой веет дух утопии. Мудрый царь Берендей – её исповедник. По складу своего характера он напоминает русского крестьянина, не растерявшего веру в добро и справедливость, судящего поругателей нравственных святынь судом правды и совести, отзывчивого на чужую боль. По-крестьянски сердобольны его обращения к исповедующейся перед ним Кулаве: «Сказывай, милая, сказывай...». В Берендее представлен душевный лад русского крестьянина с единством Добра, Истины и Красоты. Берендей соединяет добротолубие и правдолубие с художественной одарённостью: он сам расписывает царские палаты, ему «любезна игра ума и слова». По-народному добродушен предложенный Берендеем путь спасения подданных, исцеления от пороков и низменных страстей, опутавших их. Задуманное им мирное жертвоприношение разгневанному богу осуществляется в виде всенародного праздника всеобщего примирения и взаимной самоотверженной любви:

Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чём остановился: завтра
В Ярилин день, в заповедном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моём народе,
Девниц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брызнет
Румяными лучами по зелёным
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет навстречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Есть в этих мечтах царя Берендея доля прекраснодушия, наивной доверчивости к людям, простодушной веры в конечное торжество любви и добра в помрачённых душах его подданных. Неспроста Бермята

предупреждает царя, что такая встреча Солнца вряд ли возможна ныне. А вслед за сомнением Бермяты звучит горестная исповедь перед царём обманутой Купавы:

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?

Сомнения охватывают и самого Берендея в разгар назначенного им народного праздника «любви и примирения»:

Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливки хлебных зёрен,
Ненастную уборку – недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжёлый год и житниц оскуденье.

Спасение невозможно без избавителя, готового на искупительную жертву. Такой избавитель в сказке находится: это – Снегурочка, созревшая к тому, чтобы растаять ради одного мгновения одухотворённой человеческой любви. Обращаясь за помощью к матери-Весне, она говорит:

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слёз.

В финале драмы, когда Снегурочка «заклубилась лёгким паром и в лучах зари исчезла», когда исступлённый Мизгирь бросается в озеро с Ярилиной горы, потрясённый случившимся царь Берендей, обращаясь к народу, говорит:

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгирия
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с её чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.

КОСПРОМА

Мудрый Берендей прав: в финале драмы торжествует высшая справедливость. Искупительные жертвы сменяют гнев Солнца на милость, и к прозревающим, «оттаивающим» от зимнего холода берендеям возвращается тепло. Обращаясь к народу, царь Берендей взывает:

Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.

Одновременно за этими словами скрывался призыв Островского к своим соотечественникам, души которых всё более и более заволакивал эгоизм, убивающий совесть, приглушающий искренность сердечных движений, придающий самой красоте, свободной от добра, холодную беспощадность, разрушительный демонизм.

7

Литературная и сценическая судьба «Снегурочки» не оправдала ожиданий Островского. Обращение драматурга к поэтическому сюжету, далёкому от прямой связи со злобой дня, вызвало недоверчивое отношение к «весенней сказке» в так называемых «прогрессивных кругах» русского общества. Им показалось, что Островский изменил обличительному пафосу своей драматургии. Особенно огорчило Островского прохладное отношение к сказке Н. А. Некрасова, предложившего за неё оскорбительно низкий гонорар.

25 апреля 1873 года Островский писал Некрасову: «Я просил Вас прочесть “Снегурочку”, сказать мне искренне Ваше мнение о ней и оценить мой труд, – и не без волнения я ждал Вашего ответа; а вчера получил от Вас приговор моему новому произведению, который, если бы я уже не имел от многих лиц, уважаемых мною, других отзывов, мог бы привести меня в отчаяние. Я, постоянный Ваш сотрудник, в этом произведении выхожу на новую дорогу, жду от Вас совета или приветов, и получаю короткое, сухое письмо, в котором Вы цените новый, дорогой мне труд так дёшево, как никогда ещё не ценили ни одного моего заурядного произведения».

Социальная острота и связанный с нею радикализм общественных воззрений Некрасова расходился с благодушием и терпимостью Островского. На этой почве и произошла, по всей вероятности, опасная размолвка между ними в оценке «Снегурочки». Раздосадованный драматург взял рукопись из редакции «Отечественных записок» и передал «весеннюю сказку» в журнал М. М. Стасюлевича «Вестник Европы», где она и была опубликована в сентябрьском номере за 1873 год. Правда, Островский не покинул журнал и написал Некрасову: «Что касается до будущих моих произведений, то я не нахожу никакой причины удаляться от журнала, которому я вполне и глубоко сочувствую, – разумеется, если только Вы сами не будете относиться к моим новым трудам так же оскорбительно, как отнеслись к “Снегурочке”».

В письме от 10 мая 1873, стараясь подвести итог возникшим разногласиям, Некрасов сказал: «Многоуважаемый Александр Николаевич. Я только что вернулся с охоты, прочёл Ваше письмо и очень рад ему. Всё дело было в недоразумении, которое, к счастью, разрешилось скоро и вполне, и

теперь о нём не должно быть помину. Посягать на Ваши интересы не было у меня и в помышлении, да и вперёд это дело немыслимое, поэтому я также уверен, что на будущее время журнальные наши отношения пойдут своим чередом. “Отечественные записки” никогда не затруднятся выплачивать Вам от 1200 до 1500 руб. за пьесу, а если пьеса будет в стихах, то спишемся. Следующую Вашу пьесу я непременно прошу Вас дать нам, между прочим, потому, чтоб не подумала публика, что мы поссорились. Вообще две, даже часто три Ваши пьесы в год на условиях, приближающихся к вышеозначенным, “Отечественные записки” могут напечатать, не выходя из своих расчётов. Примите это сообщение к сведению».

В деловых вопросах Некрасов всегда оставался для простодушного и доверчивого Островского загадочным человеком, напоминающим Василькова, героя его комедии «Бешеные деньги». Очевидно, и сам Некрасов, примеривая на себя личность этого персонажа [49], пытался ловко вывернуться из неприятной ситуации. Объясняя, почему он назначил за «Снегурочку» столь невысокую, оскорбившую Островского плату, Некрасов использовал любимое выражение Василькова: «Я издержал много на первые книги “Отечественных записок” и купил у Полонского поэму, которая, по моему мнению, хороша; так как в ней до 4 тысяч стихов, то пришлось заплатить много; заплатить много ещё за вещь *на этот год* – значило бы для меня *выйти из бюджета*, из которого я не имею права выходить, и таким образом случилось, что я предложил Вам за “Снегурочку” менее, чем заплатил за “Комика”, хотя “Снегурочка” даже по объёму больше...». Васильков, обращаясь к Лидии Чебоксаровой в финале комедии Островского «Бешеные деньги» говорит: «Но знаете, что я *из бюджета не выйду*... Только бешеные деньги не знают бюджета».

Низкая оценка Некрасовым «весенней сказки» была связана, конечно, не только с материальными затруднениями редактора «Отечественных записок». Существовали более глубокие эстетические причины, обусловившие это неприятие. «Снегурочка», как отмечал М. П. Лобанов, «явилась для многих современников поэта неожиданным чудом. Но ведь такой же неожиданностью было после “бытовых пьес” драматурга и появление его исторических драм, особенно “Воеводы”. Чудо, конечно, было, и состояло оно в том, что написал “Снегурочку” пятидесятилетний поэт, а какая свежесть чувств, молодость души! Сколько надо иметь неистраченных сил, чтобы вызвать к жизни этот удивительно поэтический мир “весенней сказки” с её неисчерпаемым богатством чувств, эмоций! Но близко знавшие Островского не удивлялись неожиданному откровению его поэтического таланта. Младший брат Александра Николаевича – от второго брака отца – Пётр Николаевич, который обладал редким эстетическим чутьём и с замечаниями которого считались крупные писатели, поражался слепоте тех, кто привык оценивать пьесы Островского по узко-бытовой мерке. “Забывают, – говорил Пётр Николаевич, – что прежде всего он был поэт, и большой поэт, с настоящей хрустальной поэзией, какую можно встретить у Пушкина или Аполлона Майкова. Согласитесь, что только большой поэт мог создать такой перл народной

КОСПРОМА

поэзии, как “Снегурочка”. Возьмите хотя бы жалобу Купавы царю Берендею – ведь это чисто пушкинская красота стиха”» [50].

Но «чудо» «весенней сказки» заключалось ещё и в том, что, опережая развитие русской поэзии почти на целое десятилетие, в самом начале 1870-х годов Островский совершил настоящее поэтическое открытие. Он дал неожиданный и неприемлемый для эстетической позиции Некрасова и поэтов его круга художественный синтез двух враждовавших друг с другом направлений – «некрасовской школы» и «чистого искусства». С одной стороны, в «Снегурочке» явно ощутимы мотивы некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос». Ими открывается монолог Весны:

Печальный вид: под снежной пеленою
Лишённые живых, весёлых красок,
Лишённые плодотворящей силы,
Лежат поля остывшие. В оковах
Игривые ручьи, – в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.

Затем они звучат в монологах Мороза:

Живётся мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Весёлая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребряю ночьку,
Уж то-то мне раздолье и простор.

Слышатся некрасовские нотки и в сетованиях Мороза на «палящего бога ленивых берендеев», который

В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу...

Однако резкие, социально сгущённые краски некрасовской поэмы в «весенней сказке» Островского смягчены и «размыты» присутствием в них мотивов лирической поэзии Фета из его циклов «Снега» и «Гадания»: «“Одушевлённые” снега становятся основой мифа о Снегурке, а способность снега таять и у Фета, и у Островского прямо соотносится со способностью человека к глубокому, “сжигающему” чувству» [51].

В широкий диапазон поэтического синтеза у Островского входит не только Фет, но и поэзия А. В. Кольцова, особенно ощутимая в песнях Леля:

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На горе родилася.
Ладо, моё Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызрела
Сиротинка-девушка
Без призору выросла.
Ладо, моё Ладо!

В словах царя Берендея ощутимо влияние А. Н. Майкова с характерным для него искусством живописной детали:

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинике, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склонённый ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветок
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Слышны в «весенней сказке» отголоски былин, сказаний и песен Л. А. Мея «Хозяин», «Русалка», «Вихорь», «Леший», «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую». А рядом с поэзией современников, в органическом единстве с нею в «весенней сказке» широко используются фольклорные мотивы, реминисценции из «Слова о полку Игореве» и других памятников древнерусской литературы.

Новый поэтический синтез, отражавший широту и христианскую «веротерпимость» лирической души Островского, вероятно, и вызвал неожиданную для драматурга пренебрежительно-снисходительную оценку Некрасова. Вслед за эстетическим отторжением последовало неприятие и содержательной стороны «весенней сказки»: характерная для Некрасова-поэта социальная острота была явно смягчена в ней.

8

В начале 80-х годов, занятый энергичными хлопотами о реформе русского театра, Островский был принят во дворце государем Александром III. «Около четверти часа продолжалась аудиенция в Гатчине: Островский стоял, почтительно наклонив голову, царь прохаживался по кабинету. Желая быть любезным, Александр III заметил, что видел недавно в театре пьесу “Красавец-мужчина”. Он спросил, почему драматург выбрал *такой* сюжет. По-видимому, изображение на сцене людей сомнительной нравственности

КОСПРОМА

смутило его. “Дух времени таков, ваше величество”, – почтительно, но твёрдо отвечал Островский» [52].

Незадолго до этого Некрасов, в журнале которого «Отечественные записки» Островский опубликовал большинство своих поздних пьес, в сатирической поэме «Современники» писал:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
Бывали хуже времена,
Но не было подлей.

Пошатнулись тысячелетние нравственные устои общества. На степень высшей добродетели стало возводиться то, что осуждалось христианством – безжалостность к низшим, забвение братства, эксплуатация богатым бедного. На эти перемены в мире русского торгово-промышленного сословия не мог не откликнуться с горечью и болью Островский. В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» он отмечал, что ещё лет 40–50 назад богатое купечество по своему образу жизни и по своим нравам было близко к тому сословию, из которого оно вышло. «Сами крестьяне или дети крестьян, одаренные сильными характерами и железной волей, эти люди неуклонно шли к достижению своей цели, то есть к обогащению, но вместе с тем так же неуклонно держались они обычаев своих предков». Однако уже в 40-50-х годах XIX века, со смертью стариков, собирателей капиталов, патриархальные порядки в купечестве начинают исчезать. С появлением на исторической сцене второго и третьего поколения купцов возникает купеческая аристократия, начинающая во многом определять нравственную атмосферу русского общества. И это влияние Островский не может признать благотворным.

«Буржуазия и везде не отличается особенно благотельным влиянием на искусство, а в Москве тем более. Московское разбогатевшее купечество гораздо менее развито, чем европейское. Особенно несчастливы в этом отношении настоящие представители богатой московской буржуазии. Отцы и деды этого поколения разбогатели в то время, когда образование купечества считалось не только лишним, но и неприличным и даже вольнодумством. Мало того, богатые купцы считали свободу от науки привилегией своего сословия, льготой, особым счастьем. Дети получили в наследство, вместе с миллионами, некультивированный мозг, ещё неспособный к быстрому пониманию отвлечённостей, и такое воспитание, при котором умственная лень и льготы от труда, дисциплины и всякого рода обязанностей считались благополучием. Явилось поколение, вялое умственно и нравственно. Когда умерли отцы, дети поспешили внешним образом сблизиться с Европой, то есть переняли там платье, домашнюю обстановку и некоторые привычки и обычаи... Потеряв русский смысл, они не нажили европейского ума; русское они презирают, а иностранного не понимают; русское для них низко, а иностранное высоко; и вот они, растерянные и испуганные, висят между тем и

другим, постоянно озираясь, чтоб не отстать одному от другого, а всем вместе – от Европы относительно прически, костюма, экипажа и т. п.».

Так целое купеческое поколение, утратившее связь с национальными святынями, как бы повисло в воздухе, осталось без духовного, нравственного приданого при своих миллионах, которые оно превратило в культ, в безумном самодовольстве решив, что всё в этом мире продаётся и покупается. Оказавшись на вершине, в положении богатой аристократии, оно стало диктовать моду, определять нравственные ориентиры общества, повергая все слои его в прогрессирующее духовное падение. Островский острее, чем кто-либо из его современников, почувствовал разрушительное влияние нового «культурного слоя» на искусство, нравственность, национальный талант:

«Нет ничего бесплоднее для поступательного движения искусства, как эта по-европейски одетая публика, не понимающая ни достоинств исполнения, ни достоинств пьесы и не знающая, как отнестись к тому и другому. В этой публике нет собственного понимания, нет восприимчивости, нет движения, нет общности между ней и пьесой. Пьеса идёт как перед пустой залой... Всё сильное или неожиданное на сцене производит в этих зрителях что-то вроде беспокойства; им делается неловко, они не знают, как поступить со своими чувствами... Чему эта публика самостоятельно горячо сочувствует, так это пошлым намекам и остроумию самого низкого сорта... Эта публика понижает искусство, во-первых, тем, что не понимает действительных достоинств произведений и исполнения, и, во-вторых, тем, что предъявляет свои неэстетические требования. Она испортила русский репертуар; писатели стали применяться к её вкусу и наводнили репертуар пьесами, которые для свежих людей никакого значения не имеют».

Неслучайно, что именно в 70-е годы Островский с нарастающей тревогой думает о трагической судьбе таланта. «Люди, одарённые талантами, – говорит он в «Записке об артистическом кружке», – составляют украшение всякого общества, а личности гениальные, выращенные на родной почве, становясь в уровень с европейскими знаменитостями, питают в нас национальную гордость... Но, гордясь громкими именами родных артистов, общество не должно оставаться равнодушным к их частной жизни и в рамках получаемых от них духовных наслаждений оказывать им своё охраняющее, воспитывающее влияние. Рановременные потери для искусства гениальных личностей и трагическая судьба их считаются у нас чем-то роковым и неизбежным, а между тем в этих утратах, по большей части, виновато само общество».

И вот Островский, предвосхищая судьбы Ларисы Огудаловой и Робинзона-Счастливецова в «Бесприданнице», вскрывает в «Записке» сам механизм губительного влияния общества на одаренную личность. «Артист уже по своей художественной природе мало способен к семейной жизни, желает постоянно быть на виду и ищет общественных удовольствий (именно это и будет привязывать Ларису к той атмосфере публичности, которая царит в семействе Огудаловых. – Ю. Л.); не имея возможности сходить с людьми деловыми, серьезными и основательно образованными, артист невольно увлекается кружками праздной, богатой, неразвитой и не совсем нравственной

КОСПРОМА

молодёжи, которая ищет артистов для того, чтобы разнообразить свои шумные удовольствия, и меценатство которой выражается только обильными трактирными угощениями. В таком обществе всё вредно, всё губительно для артиста: и праздное проведение времени; и фамильярность с пустыми людьми, от которых ничему нельзя научиться, кроме дурного, фамильярность, убивающая в артисте уважение к самому себе и к своему делу; и преувеличенные, бессмысленные, лишённые здоровой критики восхваления, развивающие в артистах раннюю самонадеянность и отучающие их от ответственного труда и изучения; и нетрезвость (чувств), ведущая к преувеличению в выражении чувства и вообще ко всякой утрировке; и неуважение артистических исполнений, требующих строгой подготовки, до трактирных экспромтов, приучающих их к распущенности; и, наконец, всякие излишества, рано разбивающие жизнь. Так погибли лучшие наши драматические таланты: в Петербурге – Мартынов и Максимов, в Москве – Мочалов, Васильев, Полтавцев и десятки хотя второстепенных, но талантливых и полезных актёров; в других отраслях искусства число жертв беспорядочной жизни ещё значительнее. Чем свежее, чем богаче молодой человек задатками и силами, тем скорее он гибнет».

В такой исторической обстановке, с такими заботами и тревогами вызревал в душе Островского замысел сороковой, «юбилейной» по счету драмы «Бесприданница», принадлежащей к числу общепризнанных шедевров его творчества позднего периода. 1 октября 1876 года Островский сообщил Ф. А. Бурдину из Щелькова: «Всё моё внимание и все мои силы устремлены на следующую большую пьесу, которая задумана больше года тому назад и над которой я непрерывно работал. Я думаю кончить её в этом же году и постараюсь отделать самым тщательным образом, потому что это будет *сороковое* моё оригинальное произведение». Однако прошло еще два года напряжённого творческого труда, прежде чем 17 октября 1878 года Островский на белом автографе «Бесприданницы» с чувством облегчения и творческого торжества сделал надпись: «opus 40», а в письме к начальнику репертуарной части петербургских театров П. С. Федорову сообщил: «Этой пьесой начинается *новый сорт* моих произведений».

Во время работы над «Бесприданницей» Островскому пришлось решительно пересмотреть отшлифованные в течение двух десятилетий приёмы бытовой драмы, сложившиеся в процессе художественного освоения старого купеческого мира, ещё не порвавшего своих связей с народными традициями, с живым великорусским языком. Именно на почве этого патриархального мира сформировался талант Островского как реалиста-слуховика, умеющего раскрывать характер героя в драме не только через действие и поступки, но и через речевую индивидуализацию, колоритный и яркий народный язык. Искусство речевой характеристики помогало Островскому преодолеть недостаток сценического движения в драме, изображавшей относительно малоподвижный и консервативный старокупеческий бытовой уклад, с недоверием воспринимающий назревавшие в нём перемены.

В 70-е годы, в связи с бурным и стремительным развитием в России пореформенного периода буржуазных отношений, патриархальный уклад жизни был взорван и вовлечён в процесс ускоренных и, казалось, необратимых перемен. Жизнь торгово-промышленных слоёв общества всё более усложняется, порывает связи со старой народной моралью, с домостроевскими купеческими традициями. Купцы из мелких торговцев становятся миллионщиками, завязывают международные связи, тянутся к европейскому образованию, перехватывают инициативу у разоряющихся дворян. Расшатываются границы между сословиями ещё недавно цветного и пёстрого русского общества, совершается своеобразная их нивелляция. Патриархальная простота быта и нравов уходит в прошлое. Фольклор сменяет классическая литература, народную песню вытесняет романс, язык новых купцов освобождается от диалектной стихии и начинает осваивать нормы общеупотребительного литературного языка. Купеческие характеры психологически усложняются, они уже не вписываются в устойчивый и малоподвижный быт, для их изображения требуются новые драматургические приёмы, которые как раз и находит Островский в «Бесприданнице», сознавая, что с неё начинается «новый сорт» его произведений.

В октябре 1878 года Островский возвращается из Щелькова в Москву и по принятой традиции поверяет свою очередную драму на суд избранной публики. На сей раз литературные чтения проходят с редким для драматурга успехом. 3 ноября 1878 года он сообщает Ф. А. Бурдину: «Пьесу свою я уже читал в Москве пять раз, в числе слушателей были лица и враждебно расположенные ко мне, и все единогласно признали “Бесприданницу” лучшим из всех моих произведений».

Еще современная Островскому критика подметила часто встречающиеся в его драматургии сюжетные повторы: «На всякого мудреца довольно простоты» – это авторская вариация на тему «Доходного места», «Лес» вбирает в себя сюжетные мотивы «Воспитанницы», в «Горячем сердце» слышатся отголоски «Грозы». Поздний Островский как бы «перепевает» сюжеты ранних произведений. Недальновидная критика утверждала, что к 70-м годам драматург стал повторять самого себя, что эти повторы – свидетельство заката его художественного таланта.

На самом деле всё обстояло иначе, в самоповторах Островского нетрудно обнаружить очень удачный, глубоко продуманный художественный приём, с помощью которого драматург пробуждает в сознании зрителя и читателя ощущение стремительных перемен, совершающихся в новой, пореформенной России. Одна из поздних его пьес так и называется – «Старое по-новому». Скрытым «самоцитированием» Островский воскрешает в памяти читателя и зрителя сюжетные ситуации своих драм дореформенного периода, чтобы по контрасту с ними показать, как изменилась ныне русская жизнь, как по-новому разрешаются в ней старые противоречия и конфликты.

Нетрудно заметить, что в сюжете «Бесприданницы» есть вариации на тему «Грозы»: «Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид». Городской бульвар, «узкая галерея со сводами старинной

КОСПРОМА

постройки», на стенах которой сохранилась фреска Страшного суда. Так обозначено место действия в «Грозе».

Обратимся к «Бесприданнице». «Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево – деревья; в глубине низкая чугунная решётка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, сёла и проч.; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой – на левой».

При совершенно очевидном сходстве – какое различие! Действие «Грозы» вознесено над ширию Волги, распахнуто во всероссийский *сельский* простор. Сельская жизнь доносит в Калинов запахи с цветущих лугов. В «Бесприданнице» вид на Волгу, на леса, сёла открывается *сквозь ограду чугунной решётки*. Появляющаяся на сцене Лариса «в глубине садится на скамейку у решётки и смотрит в бинокль за Волгу». Бинокль и решётка – взамен духовных окрылений, взамен желания Катерины поднять руки и полететь. Тут нет никакой мечты о свободном полете: «Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?» – спрашивает Лариса, а Карандышев ей отвечает: «Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрёшь прежде, чем долетишь до земли». Так тему полёта сменяет трагический мотив падения!

На городском бульваре волжского города Бряхимова – не полуразрушенный храм с фрескою Страшного суда, перед которой упадёт на колени в покаянном экстазе молодая калиновская купчиха Катерина Кабанова, а кофейня, вокруг которой организуется всё сценическое действие и пространство и из которой в момент гибели Ларисы Огудаловой разнесётся на всю округу «громкий хор» подгулявших цыган. Параллель с драмой «Гроза» умышленно вводится Островским в текст «Бесприданницы», чтобы в сознании читателя и зрителя восстановилась связь времён и нагляднее, зримее, весомее проступили совершившиеся в России драматические перемены.

В первом действии «Бесприданницы», до появления на сцене главных героев, мы присутствуем при разговоре между собою бряхимовских обывателей. Так же открывалось действие в драме «Гроза», где Кулигин восхищался красотой заволжских просторов и возмущался жестокими нравами Калинова, а Кудряш озорно иронизировал над столпами города и робостью перед ними калиновского механика-самоучки. В «Бесприданнице» официант Иван и содержатель кофейни Гаврила рассуждают о главных действующих лицах драмы – Кнурове, Паратове, Вожеватове, семействе Огудаловых. Подобно Кулигину и Кудряшу они играют роль «хора». Благодаря их оценкам и суждениям главные герои пьесы приобретают эпическое звучание. Зритель видит, что Кнуровы и Вожеватовы, Паратовы и Огудаловы – влиятельные силы города Бряхимова, определяющие представления его жителей о должном и недолжном, добре и зле, красоте и безобразии. Их нет на сцене, но нравственная атмосфера, ими порождённая, царит в сознании обывателей. Ясно, что это люди авторитетные: на них ориентируются, им подражают, к их мнениям прислушиваются все остальные. Таковы и Гаврила с Иваном, которые хотят выглядеть людьми нового

времени, прогрессивными, передовыми. «Новые русские», они иронически относятся к национальным традициям и духовным святыням: быть в церкви в воскресный день они считают ниже своего достоинства. «Церковные службы», «пирог, щи и сон – до семи часов» да «чай до третьей тоски», – всё это в одном ряду в их сознании и всё это они с презрением отвергают как отжившую старину и «невежество». Носители старых традиций для них даже не люди, а какие-то пресмыкающиеся, которые лишь к вечеру «выползут» на бульвар, где сейчас «чистая» публика гуляет. Бряхимовцев уже не волнуют вопросы христианского благочестия, Страшного суда и возмездия за несправедную жизнь. У них свои ориентиры, свои «святыни», своё представление о призвании человека. К «чистой» публике, достойной авторитета и поклонения, они относят крупных дельцов с громадным состоянием. Таким дельцом – «святым» нового времени – является в их глазах Кнуров. Каждое утро меряет он бульвар на высоком берегу Волги взад и вперёд, «точно по обещанию», то есть по обету. А обет, как известно, давали в прошлые времена религиозно-благочестивые люди. Это было обещание какого-либо доброго дела, данное Богу. Здесь же служат не Богу, а мамоне – богатству и желудку. «Трудничество» Кнурова связано с обильными обедами, которые без подобных утренних моционов любой желудок не способен переварить. Кнуров профанирует и другую форму христианского благочестия – обет молчания, характерный для целой группы святых православной церкви, которые считали безмолвие «матерью всех добродетелей». Но побудительным мотивом молчаливства Кнурова является почти сатанинская, языческая гордость. Не случайно в устах обывателей Кнуров определяется как «идол» – всесильный и всевластный языческий кумир. Он настолько богат и горд, что в Бряхимове ему не с кем разговаривать. Если Дикой в «Грозе» хоть ругался и тем самым сблизился с калиновским миром, был им обеспокоен, то Кнуров от бряхимовцев *отошёл* так далеко, что даже гневом своим их не удостаивает, но зато и вызывает в них чувство восхищения и зависти. Гаврила говорит: «Чудак ты. Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого самого да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее». Другой купец, Василий Вожеватов, «разговорчив потому, что еще молод: малодушеством занимается, еще мало себя понимает; а в лета войдет, такой же идол будет». Мера человеческого великодушия связана у них с мерою отчуждения личности от мира, который её окружает. Вывернуты наизнанку все христианские ценности, все национальные святыни. Место «небесного града», «нового Иерусалима», занял у них Париж с его Всемирной выставкой, венцом их мечтаний.

На протяжении всей драмы Кнуров и Вожеватов поддельваются под европейцев. Даже актера-шута по кличке «Робинзон» Вожеватов с успехом выдает за англичанина. Кроме Парижа настоящего, столицы Франции, «обетованной земли» купеческой аристократии, есть в Бряхимове «Париж» для общего употребления – трактир с таким названием, в котором прожигает

КОСПРОМА

деньги мелкая купеческая сошка. Есть новая система «ценностей», соблюдаемая на всех этажах общества и на всех этажах одинаково удовлетворяемая: отправиться в Париж на выставку с красавицей наложницей или покутить вволю в трактире «Париж» под небом провинциального Бряхимова. «Потеряв русский смысл, они не нажили европейского ума; русское они презирают, а иностранного не понимают».

Такова, например, парижская газета, с которой не расстаётся Кнуров. Он её использует всякий раз при появлении нежелательного для него собеседника не по прямому назначению, а в качестве ширмы, с помощью которой он уединяется, погружаясь в горделивое отчуждение. Возможно, что и держит-то он её перед глазами вверх ногами. По-своему трактует Вожеватов рецепт одного англичанина, директора фабрики, – пить шампанское натошак от насморка: вместо купеческого чая за самоваром он с утра распивает в кофейне холодное шампанское из чайника («чтобы люди чего дурного не сказали»). Представления его о стиле европейской жизни не так уж далеко ушли от рассказов странницы Феклуши об экзотике заморских стран, где живут люди с песьими головами. «Англичане ведь целый день пьют вино с утра... Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати». Эти байки нисколько не смущают бряхимовцев: они искренне верят в английское происхождение провинциального комика Робинзона. Карандышев со всей серьёзностью к нему обращается: «Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня». А на званом обеде, в ответ на злую шутку Робинзона, с восторженным подобострастием говорит: «Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин...» Иностранцев ждут, иностранцами прельщаются, от души стремятся стать нерусскими. Одна из сестер Ларисы Огудаловой вышла замуж за «какого-то иностранца», который на поверку оказался шулером. Другую её сестру «увёз какой-то горец, кавказский князёк». «Как увидал, затрясся, заплакал даже – так две недели и стоял подле неё, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довёз до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности».

Утрата национального «приданого» определяет в конечном счёте и ту трагическую ситуацию, в которой оказывается главная героиня пьесы Лариса Огудалова. О предыстории её жизни мы узнаем в драме из уст Вожеватова. Островский не случайно использует в «Бесприданнице» такой художественный ход. Уже свершившаяся с Ларисой глубокая душевная драма оценивается столпами современного общества. С чувством гордости Вожеватов говорит Кнурову, что на серьёзные увлечения он не способен и совсем не замечает себе того, что «любовью-то называют», получая от бряхимовского «идола» полное одобрение: «Похвально, хорошим купцом будете». Для таких вот «хороших купцов», прибравших к рукам львиную долю национального капитала, стали ненужными невесты без приданого: «сколько приданных, столько и женихов, лишних нет – бесприданницам-то и недостаёт».

Обедневшие слои дворянства и купечества оказались за пределами «высшего слоя», который получил возможность распоряжаться их жизнью и судьбой. Вот почему в новых исторических условиях дом Огудаловых

превратился в своеобразный «театр», распорядителем которого является мать семейства Харита Игнатьевна Огудалова, а невольными «актрисами» – её дочери-бесприданницы, талантами которых она откровенно торгует, продавая их мнимым женихам, давно превратившимся в «поклонников». «Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поёт, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо подумавши». В глазах богатых купцов такая «театрализация» или «таборизация» живой жизни вполне разумна и желательна: она становится источником их удовольствий и «наслаждений». Вот и Васе Вожеватову частое посещение Огудаловых недешево обходится. Но такие расходы для него необременительны: «Не разорюсь, Мокий Парменьч. Что ж делать! За удовольствия надо платить, они даром не даются, а бывать у них в доме – большое удовольствие».

Живая жизнь города Бряхимова начинает терять серьезность и самостоятельность и буквально на глазах принимает игровой характер. Вместо жизни разыгрывается какой-то спектакль марионеток, в котором живые люди играют роль кукол, а кукловодами оказываются идолы, владеющие несметными капиталами, но совершенно лишённые чувства любви и сердечной привязанности. Мотив человека-вещи, человека-куклы оказывается в драме почти символическим. В один из острых моментов действия Лариса, обращаясь к матери и Карандышеву, говорит: «Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы со мной, изломаете и бросите». А потом и осмеянный, брошенный столпами города и Ларисой Карандышев в отчаянии произносит монолог о том, с каким холодным бездушием они «разломали грудь у смешного человека, вырвали сердце, бросили под ноги и растоптали его».

Открытая жизнь в доме матери на первых порах нравится Ларисе, ибо она отвечает сути её одарённой, артистической натуры. Не случайно Островский утверждал, что «артист по своей художественной природе мало способен к семейной жизни, желает постоянно быть на виду и ищет общественных удовольствий». Но именно потому он оказывается наименее защищённым от развращающего влияния праздной и безнравственной аристократии. Вожеватов, например, так характеризует свою особую «близость» к Ларисе: «Да в чём моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда поднесу, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают». А в ответ на уточнение Кнурова – «развращаете, значит, понемножку», – заявляет: «Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об её нравственности заботиться: я ей не опекун».

Пережитая Ларисой драма совершенно не трогает сердце Вожеватова. Напротив, она вызывает смех в его грубоватой, эгоцентрической душе. Одновременно с Достоевским Островский замечает появление «смердяковского» синдрома в купеческой психологии, который в «Братьях Карамазовых» закреплен в ёмкой формуле: «любят люди падение праведного и позор его». Вожеватов смеётся над безоглядным увлечением Ларисы: «Какая чувствительная!» С каким-то злорадством, с шутовским удовольствием он рассказывает Кнурову о том незавидном положении, в котором бедная

девушка оказалась после паратовской измены. Унижение высокого, попрание святого доставляет ему какое-то извращённое наслаждение. «Да смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг появился этот кассир... Вот бросал деньги-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! (Смеётся.) С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя».

«Людам тын да помеха, а Вожеватову смех да потеха». Но ведь над чем посмеешься, тому и послужишь. Буквально на глазах у Кнурова и Вожеватова рождаются люди-химеры, чудовищные порождения их шутовского смеха и жутковатые карикатуры на них самих. Таков Карандышев, который в доме Огудаловых держался на подхвате и был предметом бесконечных злых насмешек богатых бездельников, осаждавших этот дом. «Он давно у них в доме вертелся, года три. Гнать не гнали, а и почёту большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так его и придерживали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него». Человек от природы не глупый и просвещённый, этот бедный чиновник много лет был объектом самого беззастенчивого и наглого шутовства. Сквозь вожеватовский смех, которым сопровождается его рассказ о Карандышеве, пробивается глубокая драма незаурядной личности, подвергавшейся повседневному унижению, впадавшей порою в отчаяние, пытавшейся кончить жизнь самоубийством, на костюмированном вечере, в обличье благородного разбойника, грозившей своим обидчикам топором – извечным орудием мужицкого мщения. Методично вытравливалось из Карандышева его живое, благородное существо, пока он не превратился в человека-пародию, нетерпеливого нищего, страстно ненавидящего «сильных мира сего» и тайно вождедующего стать таким, как они, восторгаясь над ними с горделивой надменностью и презрением. Ненасытное самолюбие, уязвленная гордость подавляют в Карандышеве все иные сердечные движения. Даже любовь его к Ларисе превращается в повод для торжества самолюбивых и тщеславных чувств.

Карандышев смешон в стремлении быть, как они, его богатые обидчики. В своей жажде повеличаться он надевает ради форсу очки и, подобно Кнурову, едва кивает прохожим, держа под руку Ларису, как вещь, дорогая цена которой возвышает его над Паратовым, Кнуровым и Вожеватовым. Смешон его расхлябанный экипаж «с музыкой», запряжённый в разношёрстную клячу, которую Вожеватов называет «верблюдом», с маленьким кучером, одетым в несообразно большой кафтан. Смешны его претензии на «аристократический» кабинет, в котором он «ковёр грошовый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал». Позорен его обед, заданный с целью финального торжества над всеми богатыми поклонниками Ларисы.

Карандышев не замечает, что он – сломленный этими «поклонниками» человек, жалкая тень их, шут и клоун, над которым они теперь вволю потешаются. С кем решил он тягаться, чем он решил купить любовь Ларисы?

«Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль», – сетует Кнуров, а в ответ на вопрос Вожеватова – «что это вы очень жалостливы стали?» – по-карамазовски заявляет: «Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует».

Так всё первое действие превращается в увертюру к предстоящей драме. Совершается классическая в торговом купеческом ремесле «приторжка», когда хозяева, съезжаясь на ярмарку, прицениваются к товару, уговариваются в оптимальной его цене, но дела ещё не кончают, оставляя его решение на ближайшие ярмарочные дни: «Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку. Вожеватов. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч! Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже? Вожеватов. Где мне? Я простоват на такие дела... Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость – великое дело. Да и денег не пожалеете; дёшево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы? Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я очень молод, а не зарвусь, лишнего не передам».

9

Главная героиня «Бесприданницы» своим характером и трагической судьбой заставляет нас вспомнить о «Грозе». Молодая девушка из небогатой семьи, чистая и любящая жизнь, художественно одарённая, сталкивается с миром дельцов, где красота продаётся и покупается, предаётся поруганию. В отличие от всех героев драмы она на редкость открыта и простодушна, не умеет хитрить и не может скрывать свои чувства от окружающих. Подобно Катерине Кабановой она бы тоже могла сказать о себе: «Обманывать-то я не умею, скрывать-то ничего не могу».

Но между Катериной в «Грозе» и Ларисой в «Бесприданнице» существует большое различие. Душа Катерины вырастает из народных песен, сказок и легенд, одухотворённых нравственными ценностями православия. В её мироощущении живёт многовековая народная культура, поддерживающая её на крутых жизненных поворотах, дающая ей внутреннюю опору и силу. Характер Катерины целен, устойчив и решителен. Лариса Огудалова – человек нового времени, порвавшего связи с тысячелетней народной традицией, освободившего человека не только от бремени авторитарной морали, но и от стыда, чести и совести. «Пропала совесть, – писал тогда Салтыков-Щедрин, – и многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче делался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наущничать и клеветать». Мир делался холоднее и безжалостнее к человеку, очерствели сердца, люди стали друг к другу равнодушными. Лариса, по сравнению с Катериной, девушка гораздо более хрупкая, лёгкая и незащищённая – бытовой вариант Снегурочки. От холода внешнего мира её спасает в какой-то мере художественная одарённость, причастность к светской культуре, музыке и литературе. В её музыкально чуткой душе звучит цыганская песня и русский романс. Её натура более тончённа и психологически многокрасочна, но она лишена свойственной

КОСПРОМА

Катерине внутренней силы и бескомпромиссности. В утончённой красоте её есть некий изъян, некий холодок – признак нового времени. Это красота самодовлеющая, от многого в жизни уходящая, порою как бы свободная от добра, порою изменяющая правде-истине. Это красота, подверженная искушениям и соблазнам, рождённая душой, теряющей веру в правду и добро.

Поэтическая натура героини летит над миром на крыльях музыки. Лариса прекрасно поёт, играет на фортепиано, гитара звучит в её руках. Своим искусством она способна тронуть на мгновение даже чёрствые сердца миллионщиков и дельцов. Прослушав романс в её исполнении, Кнуров говорит: «Велико наслаждение видеть вас, а ещё большее наслаждение слушать вас». – «Послушать да и умереть – вот что!» – вторит ему Вожеватов. Лариса – значимое имя: в переводе с греческого это – чайка. Мечтательная и артистичная, она склонна не замечать, не видеть в людях пошлых сторон, она воспринимает мир глазами героини романса и хочет жить и действовать в соответствии с ним.

Она впервые появляется на сцене с тяжким грузом горького разочарования. Ещё не изжита в душе драма первого любовного увлечения Паратовым, ещё не сошла с лица краска стыда от того скандала, который случился в их доме при попустительстве жадной до денег матери. Она сидит одиноко на скамье у чугунной решётки и смотрит в заволжские дали. Ей хочется тишины, покоя, теплого семейного гнезда, сердечной ласки и участия.

А в это время её жених Карандышев, оставив невесту в одиночестве, величается перед Вожеватовым и Кнуровым, не замечая их иронии, их отношения к нему как к клоуну, шуту. Так жалок он в своих потугах стать на одну ногу с ними! Так походя он предаёт Ларису в разговоре с Кнуровым, в глупом торжестве своего «великодушия»: «Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я и вообще был выше предрассудков. (*Кнуров закрывается газетой.*)». Как гнусно тешит он тут своё тщеславие на горе и позоре вроде бы любимой им невесты.

И первый разговор Ларисы с Карандышевым наглядно обнажает пропасть, глухую стену непонимания, почти полное несовпадение их душевных состояний и даже отсутствие желания понять друг друга. Ларисе хочется скорее оставить эту жизнь, которая испепелила душу и принесла ей столько горя. Но Карандышев глух к её мольбе, он ревнив, как тот кавказский горец, который убил старшую сестру Ларисы. Его волнуют не душевные переживания невесты, а то, о чём она перемолвилась сейчас с Вожеватовым. «Уедемте, уедемте отсюда!» – взывает вновь Лариса. «Однако это странно! Об чём он мог с вами разговаривать?» – слышит она в ответ. Это непонимание, эта человеческая глухота Карандышева начинает раздражать Ларису. И вот она теряет самообладание и тоже не щадит больную тщеславием душу маленького человека. Вместо сердечной близости растёт и множится взаимная обида. «Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? – отчитывает Карандышева Лариса. – Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь. Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если бы я не искала тишины, уединения, не

захотела бежать от людей – разве бы я пошла за вас? Так умеете это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их ещё не вижу. Я ещё только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутии; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!»

Диалога, живого общения не получается, и Лариса срывается на монолог. Но нельзя не заметить, что в своих упрёках Карандышеву она неосознанно лукавит. Ведь жизнь в доме матери была ей не всегда постыла, а порою и нравилась: в этом «таборе было, по крайней мере, весело». И Карандышев, призывая Ларису бросить старые привычки и оставить «табор», тоже непоследователен и лукав. Он теперь, как никогда, нуждается в публичности, он готовит хитроумный, с его точки зрения, сценарий обеда с приглашением «избранного общества», где не кто-нибудь, а именно он, Юлий Капитонович, с упоением отпразднует своё торжество. И ничем он не отличается от матушки Ларисы, Хариты Игнатьевны, которая, вопреки просьбам дочери о тишине и скромности предстоящей свадьбы, заявляет с тщеславием: «Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали».

Самолюбием и тщеславием пропитаны все поры брахимовского общества от богатых до бедных его слоёв. «Самолюбие! – бросает Лариса упрёк Карандышеву. – Вы только о себе. Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведёте вы меня до гибели». Но ведь и Карандышев упрекает Ларису сквозь слезы: «Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен». Надо бы и ей быть осторожнее: разве она не видит, что положение Карандышева не менее драматично, чем у неё, разве она не знает, как его унижали и третировали, как выставляли и выставляют шутком на глазах у всего «блестящего общества»? И эти обиды, эти раны, нанесённые его чести и достоинству, распалившие до пожара его тщеславие, разве меньше, чем у Ларисы, болят? Неспроста Лариса признаётся в душевной депрессии и в каком-то бесчувствии, которое с некоторых пор поглотило её: «Я ослепла, я все чувства растеряла, да и рада. Давно уж я точно во сне всё вижу, что кругом меня происходит».

И только приезд Паратова выводит Ларису в последний раз из глубочайшего разочарования и рождает в её душе последнюю вспышку надежды и веры в искреннюю, безоглядную и возвышенную любовь. В кульминационной сцене драмы Лариса поёт Паратову романс на стихи Борогатынского «Не искушай меня без нужды». В духе этого романса Лариса воспринимает свои отношения с Паратовым и его характер. Как человек талантливый и одарённый, она склонна заблуждаться и ошибаться в людях, приписывать им достоинства, которых нет, или преувеличивать добрые качества их душ, не замечая или обходя все слабости. Для неё существует только мир чистых страстей, бескорыстной любви и очарования. В её глазах роман с Паратовым – это романтическая история о том, как овеванный тайной и загадкой роковой обольстителем, вопреки мольбам Ларисы, искушал её.

Паратов, судовладелец и блестящий барин, не случайно кажется Ларисе «идеалом мужчины». Есть в нём нечто, выгодно отличающее его от купеческого окружения. Соблазняясь Ларисой вновь, во второй свой приезд в Бряхимов, Паратов искренне говорит: «Погодите, погодите винить меня! Я ещё не совсем опошился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства ещё шевелятся в душе моей. Ещё несколько таких минут, да... ещё несколько таких минут... *Лариса (тихо)*. Говорите! *Паратов*. Я брошу все расчёты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моею жизнью». В минуту увлечения Паратов ещё способен на бескорыстные поступки, он признаётся купцам, что в первый приезд «чуть было не женился на Ларисе», и чуткая к высоким душевным порывам девушка не может этого не замечать. Бесшабашность и нерасчётливость Паратова в денежных делах отмечают и Кнуров с Вожеватовым: «Не барское это дело». А Лариса в ответ на слова Карандышева «сердца нет, оттого он так и смел», возражает с горячностью: «Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые с ним были».

В глазах Ларисы Паратов – человек широкой души и щедрого сердца, в порыве искреннего увлечения готовый поставить на карту не только чужую, но и свою жизнь. С восторгом рассказывает она Карандышеву об одном из его смелых поступков: «Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас. Сергей Сергеич и говорит: “Я слышал, вы хорошо стреляете”. – “Да, недурно”, – говорит офицер. Сергей Сергеич даёт ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. “Стреляйте”, – говорит *Карандышев*. И он стрелял? *Лариса*. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: “Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека, вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая мне дороже всего на свете, и не побледнею”. Даёт мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает её».

Достоевский в «Братьях Карамазовых» отметит парадоксальную широту современного человека, в котором высочайший идеал уживается с величайшим безобразием. Возвышенные порывы Паратова – всего лишь «рыцарство на час». К тому же в них немало фанфаронства и дешёвой бравады. «Паратов умеет транжирить деньги с эффектом и шумом. Ни у кого на Волге не “бегает” так быстро пароход, как у него, никого другого не встречают пушечной пальбой с баржи, никого не дожидается на пристани такая роскошная коляска... Он является в ореоле готового героя, насмешливого и скептического – поздняя печоринская копия, и Лариса глядит на него влюблёнными глазами. Но, похоже, что губернский демон торгует последним, что у него осталось: обаянием наглости, мужского превосходства» [53], – отмечает В. Я. Лакшин. Причем даже эти душевные взлёты Паратова мгновенны и поверхностны: они завершаются торжеством трезвой прозы и делового расчёта: «У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так всё продам, что угодно». Речь идёт о пароходе «Ласточка». Но так

же, как с «Ласточкой», он поступает и с Ларисой: оставляет её ради выгоды – женитьбы на миллионе, – а губит ради легкомысленного удовольствия, желая «как можно повеселей провести последние дни». «Угар страстного увлечения» у него «скоро проходит», уступая место «здравому рассудку».

В случившейся трагедии виновата и Лариса, в своём душевном парении плохо чувствующая людей. Она не щадит, например, самолюбие Карандышева, потому что воспринимает его как человека слабого, с доброй и доверчивой душой, бедного и непонятого окружающими. И лишь во время обеда, когда свора богатых бездельников растирает Карандышева в порошок, превращая его в посмешище, Лариса наконец-то прозревает: «Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна, а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления!» Но и в этой оценке Карандышева она приблизительна и не вполне точна. Вся трагикомичность ситуации с Карандышевым заключается в том, что до конца позорного обеда он не чувствует, что его разыгрывают. Упоённый тщеславным торжеством, он теряет адекватную реакцию на всё происходящее. Тем трагичнее оказывается его прозрение и его пронзительный, человеческий упрёк: «Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон – ну, смеяться надо мной, смеяться в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте моё вино и ругайтесь, смеяться надо мной – я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить его под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!.. И ведь это не разбойники, это почётные люди... Это всё приятели Хариты Игнатьевны... Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники – злодеи, и смиренный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остаётся только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить...»

В этом бунте распрямляющегося маленького человека, в этом крике униженной, растоптанной души Островский уловил художественным чутьём грозное, пророческое предупреждение сильным и богатым со стороны слабых, обиженных и бедных. И нельзя не заметить, что Лариса Огудалова «надмирным» парением и невольным попустительством тоже заслужила этот крик. Разве можно забыть, что весь торжествующий тост Карандышева за Ларису Дмитриевну, пусть и не лишённый явного самолюбования, был жестоко высмеян и профанирован именно ею!

Он предлагал тост за то, что Лариса Дмитриевна «умеет ценить и выбирать людей» в момент, когда она попала в сети очередного оболъщения. Он говорил: «Лариса Дмитриевна знает, что не всё то золото, что блестит», что «она умеет отличать золото от мишуры», в то время как она отдалась мишульному блеску слов Паратова. Он величался тем, что Лариса его «поняла, оценила и предпочла всем», когда между ними не было никакого понимания. «Смешной человек», он благодарил публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для него «предпочтение», когда за несколько секунд до того Лариса

КОСПРОМА

сказала Паратову: «Вы – мой повелитель!» И как оценить тот факт, что тост этот был произнесён в присутствии Паратова с Ларисой? Паратов кричал: «Браво, браво!» А Лариса молчала, но тем самым как бы и одобряла эту безобразную сцену. Или в момент издевательства над Карандышевым вновь парила в поднебесье её романтически окрылённая душа?!

«Для Островского красота и изящество, при всей их увлекательности, не синонимы добра, – очень точно отмечал В. Я. Лакшин. – Перевес эстетического чувства над нравственным, поклонение одной красоте без сокровенного регулятора справедливости и добра поощряют некоторый аристократизм сознания, привилегии тонко чувствующей натуры, и за известной чертой – это тоже ущерб человеческому» [54].

За свой «артистизм» и сама Лариса жестоко наказана. Ведь в общении с Паратовым она слышит только то, что хочет от него услышать, и в упор не замечает того, что, казалось бы, должно её в первую очередь насторожить. Так, Паратов говорит: «Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам». «Я вас целый год не слышал, да, вероятно, и не услышу уж более». Наконец, он откровенно сетует, обращаясь к Ларисе: «На что я променял вас». И когда, обольстив Ларису, Паратов уходит, он действительно субъективно честен, а упрёк Ларисы: «Что же вы молчали? Безбожно, безбожно!» – пролетает мимо цели. Паратов не молчал, но Лариса слушала его по-своему. Обманутым оказался не только Карандышев, жестоко обманулась и сама Лариса. В отчаянии она хочет броситься в Волгу или вниз, с крутого волжского берега, но какая-то сила останавливает её.

Нет, Лариса – не Катерина, у которой вера в единство добра, правды и красоты питала цельность, силу и решительность характера. «Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот какая я несчастная! А ведь есть люди, которым это легко. Видно уж тем совсем жить нельзя; ничто их не прельщает, им ничего не мило, ничего не жалко...». И в сознании её вдруг пробегает только что сделанное Кнуровым предложение стать богатой содержанкой: «Кнуров... роскошь, блеск...» Несмотря на видимое отталкивание от соблазна, он не возмущает, не пробуждает в ней бунта оскорблённых чувств. «Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить...».

Это нравственное безволие и бесчувствие, конечно, Ларису не украшают. И лишь Карандышев выводит её из оцепенения, бросая ей в лицо горькие, обидные, но справедливые слова: «Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку – и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Они не смотрят на вас, как на женщину, как на человека, – человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас, как на вещь».

Даже после этих слов, звонких как пощёчина, «прозреньё» Ларисы очень противоречиво. Оно напоминает знаменитый бунт Настасьи Филипповны из романа Достоевского «Идиот», в основе которого лежат гордые и самолюбивые чувства пренебрежения к порцианию. «Вы считаете меня вещью, вы мною пренебрегаете, а я презираю ваше пренебрежение и

действительно стану вещью, да еще какой дорогой!» Здесь очень важно понять психологическую подоплеку цинических слов «глубоко оскорблённой» героини и не принять их за чистую монету, не увидеть в них прямой смысл. Поздний Островский обращается к людям, тип которых станет характерным для эпохи Чехова. Это люди психически неустойчивые, их мысли и чувства, их характеры не укладываются целиком и полностью в произносимые слова. За прямым смыслом слова возникает сложное «подводное течение», подтекст, иногда придающий слову обратное его прямому смыслу значение.

Когда в безумном порыве Карандышев хватается Ларису за руку и с алчностью собственника кричит: «Я беру вас, я ваш хозяин!» – Лариса брезгливо отталкивает его: «О, нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком дорога для вас».

И только после запоздалого карандышевского «я вас люблю» душа Ларисы начинает оттаивать и возвращаться к себе: «Лжёте. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда, никто не постарался заглянуть мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала тёплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... её нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, вашей я быть не могу».

Выстрел Карандышева как бы завершает это возвращение: «Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама... Ах, какое благодеяние». В нерасчётливом поступке Карандышева она находит проявление живого чувства и умирает со словами христианского прощения на устах: «Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо умереть... Я ни на кого не жалуясь, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю».

Пожалуй, в «Бесприданнице» только этот финал и напоминает о вечных христианских ценностях жизни, так безбожно попиравшихся буквально всеми героями драмы: «Вы слышали, что сказано «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Левит, 10, 17-18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 43-45).

Вряд ли можно согласиться с В. Я. Лакшиным, который даёт следующую трактовку финала: «Во всё́м этом – и в смерти рядом с цыганским разгулом, и в словах прощения и любви – есть какое-то святотатство. От этой удивительной по своей трагической глубине сцены веет могильным холодом равнодушия, полнейшего разочарования в жизни и в добре» [55]. Думается, что не «могильным холодом» веет от этой сцены, а солнечным теплом безграничного христианского сострадания, всепрощения, любви и милосердия, связанного с сознанием героиней и своей и всеобщей виновности, породившей «стужу людских сердец». И не горький цинизм, а сознание спасительной силы христианской любви звучит в прощальных словах Ларисы. Поздний Островский

приходит к мысли, что всё мирское зло в современной России связано с глубоким религиозным кризисом, охватившим её от корней до вершин.

Драма «Бесприданница» стала вершиной творчества Островского, произведением, в котором сошлись в удивительно ёмком художественном синтезе мотивы и темы большинства пьес позднего периода. В этой пьесе, раскрывающей по-новому сложные и психологически многозвучные характеры, предчувствуется уже эстетическая неизбежность появления в России на рубеже XIX-XX веков нового театра – театра А. П. Чехова.

Литература:

1. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 268.
2. *Долгов Н. А.* А.Н. Островский. Жизнь и творчество. М.:Пг., 1923. С. 5.
3. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: «Искусство», 1973-1980.
4. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. – Т. 8. М., 1955. С. 179, 181.
5. *Максимов С. В.* На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1871. С. 159.
6. *Ревякин А. И.* Островский в Щелькове. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1978. С.159.
7. *Щапов А. П.* Соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 116.
8. *Лобанов М. П.* Островский. ЖЗЛ. М., 1989. С. 223.
9. *Григорьев Ап.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 384-385.
10. *Максимов С. В.* Литературные путешествия. М., 1986. С. 100-101.
11. *Незеленов А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. СПб., 1903. С. 116.
12. *Вердеревская Н. А.* Драма А.Н. Островского «Гроза» и народные песни о женской доле // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 46-48.
13. *Памятники литература Древней Руси. Середина XVI века.* М., 1985. С. 77.
14. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л., 1981. С. 41.
15. *Иоанн Златоуст.* Собрание поучений. Кн. 1. М., 12993. С. 177-178.
16. *Булгаков С.* Православие. Очерки учения православной церкви. Киев, 1991. С. 157, 158, 166.
17. *Трубецкой Е.* Мировая бессмыслица и мировой смысл // Вопросы философии и психологии. 1917, кн. 136 (1), январь-февраль. С. 108 – 109.
18. *Брянчанинов И.* Слово о смерти. СПб., 1905. С. 83.
19. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С.308.
20. *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.;Л.,1963. С. 341, 342, 345.
21. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 307-316.
22. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1948. С. 52-53.
23. *Писарев Д. И.* Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1955. С.369.
24. *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. С. 361.
25. *Дорошевич В. М.* Старая театральная Москва. Пг., 1923. С. 101.
26. *Русская старина*, 1912, № 12. С. 576.
27. *Скатов Н. Н.* Далёкое и близкое. М., 1981. С. 170.
28. *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 3. СПб., 1897. С.17.
29. *Голубина книга:* Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. М., 1991. С. 34-48;
30. *Русские народные песни.* М., 1967. С.221.
31. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л., 1981. С. 114.
32. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 499.
33. *Житие святого блаженного Кирилла Вельского //Жития русских святых.* Март-август. Т.1. М., 2004. С. 627.
34. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 254.
35. *Платонов О.* Русская цивилизация. М., 1995. С. 23.
36. *Костомаров Н. И.* Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 47.

37. *Маслих В. А. Н. Островский в Щелькове // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. Т. 8. М., 1950. С. 386.*
38. *Рыбаков Б. Рождение богинь и богов // Мифы древних славян. Саратов: «Надежда», 1993. С. 172–175.*
39. *Соковнин А. Е., Мясникова Е. С. Письма к Островскому актёров и театральных деятелей // Литературное наследство. Том 88 А.Н. Островский. Новые материалы и исследования Книга первая. М., 1974. С. 314.*
40. *Русский вестник, 1872, том 98 (март). С. 276–277, 279.*
41. *Афанасьев А. Н. Зооморфические божества у славян // Отечественные записки, 1852, № 3, Отд. 2. С. 9.*
42. *Афанасьев А. Н. Зооморфические божества у славян // Отечественные записки, 1852, февраль, № 2, отд. 2. С. 110–111*
43. *Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1869. С. 197, 199.*
44. *Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. С. 26.*
45. *Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян. СПб., 1869. С. 11.*
46. *Кошелев В. А. Поза Ярилы: о мифопоэтике «Снегурочки» // Щельковские чтения 2011. Кострома, 2012. С. 96–106.*
47. *Голова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: 2002.*
48. *Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988. С. 52*
49. *Пайков Н. Н. Личность Н. А. Некрасова как художественный материал в творчестве А.Н. Островского // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Сб. научных трудов. Шуя, 2006. С.178–192.*
50. *Лобанов М. П. Островский. ЖЗЛ. 2-е издание. М., 1989. С.335–336.*
51. *Кошелев В.А. «Снегурочка» Александра Островского и поэзия Афанасия Фета // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского. Материалы научно-практической конференции. Кострома, 2001. С. 89.*
52. *Лакшин В. Александр Николаевич Островский. С. 504.*
53. *Лакшин В. Я. А. Н. Островский (1878-1880) // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 479.*
54. *Там же. С. 483.*
55. *Там же. С. 484.*

ИРИНА ЕДОШИНА родилась в 1952 году в городе Благовещенске Амурской области. В 1974 году окончила филологический факультет Костромского государственного педагогического института им. Н.А. Некрасова, в 1985 году – аспирантуру при кафедре зарубежной литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, в 2002 году защитила докторскую диссертацию в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. Кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор. Автор более 200 работ: статей и монографий. Основатель и главный редактор журнала «Энтелехия» (2000-2014), посвящённого жизни и творчеству В.В. Розанова и П.А. Флоренского. Составитель и научный редактор сборника статей «Щельковские чтения» (выходят с 2000 г.). Член жюри Международного театрального фестиваля «Дни Островского в Костроме». Член редколлегий журналов «Соловьёвские исследования» (зам. гл. редактора, ВАК, Scopus), «Вестник культурологии» (ИНИОН РАН, ВАК). Лауреат премий им. Д.С. Лихачёва, им. И.А. Дедкова. Заслуженный работник высшей школы.

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И МУЗЫКА

Первые музыкальные впечатления совсем юного Островского, скорее всего, были связаны с церковным песнопением. Он родился в Замоскворечье, где в Москве традиционно селились люди купеческого звания, сохранявшие устои традиционной жизни в её православном изводе. Потому церковью в Замоскворечье было немало и священнослужителей соответственно.

Родители Островского, Николай и Любовь Островские, происходили из родов, веками связанных с церковным служением, потому вполне закономерно после женитьбы они сняли (по рекомендации диакона соседней Климентовской церкви) квартиру в доме Никифора Максимова, диакона церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Голицах (1702), что на Малой Ордынке. Дом этот помещался в глубине церковного двора, был двухэтажным, «с каменным низом и деревянным верхом в четыре или пять окон с каждой стороны, и имел палисадник»¹. Здесь в 1823 г. родился создатель русского театра Александр Островский, а в Покровской церкви, с её главной иконой Божией Матери Троиручицы, его крестили.

Совсем рядом с Покровской церковью (разрушена в 1931 г.) находилась и по сей день стоит «пятиглавая великолепная церковь Климента папы

¹ Ревякин А.И. Москва в жизни и творчестве А.Н. Островского. М.: Московский рабочий, 1962. С. 6.

Римского. ... она поразит вас строгостью и величавостью своего стиля»¹. С юных лет Островский ходил на церковные службы и слушал церковные песнопения, звучание которых не могло пройти для него бесследно. Уже будучи взрослым, путешествуя по России, он не упускает возможности побывать в церкви, а в Нил Столбенскую пустынь отправляется специально во время своей поездки по тверской земле в 1857 г.

Островский был довольно близко знаком с композитором М.И. Ипполитовым-Ивановым, автором не только светских, но и духовных сочинений, одно из которых по сей день исполняется всеми церковными хорами – «Благослови, душе моя, Господа». Катерина в «Грозе» рассказывает, как она любила в церковь ходить: «Точно, бывало, я в рай войду ... в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идёт ... будто ангелы в этом столбе летают и поют»². Так написать о церковной службе мог только тот, кто переживал нечто подобное. Островский, как известно, никогда ничего не сочинял, не придумывал, всё брал из самой жизни, из собственной в том числе.

Дом, в котором родился Островский, сохранился, с 1984 г. в нём устроен музей драматурга. А вот на месте разрушенного храма в 1953 г. (явно к 130-летию со дня рождения драматурга) был поставлен бюст Островского (скульптор Г.И. Мотовилов)³. Бюст, кстати, вполне интересный, один из лучших, но вот стоит он на пепелище храма. Такая странная судьба у этого человека – Александра Островского: хотел быть похороненным в Москве рядом с А.Ф. Писемским – остался навсегда лежать неподалеку от костромского имения в Никола-Бережках, любил и ценил Замоскворечье с его храмами и колокольным звоном – оказался памятником на месте церкви, где его когда-то крестили. Наверное, есть в этих несообразностях своя закономерность, связанная с тем, что жизнь Островского менее всего напоминает жизнь схимника: ему были ведомы и страсти, и покаяния.

К музыке светской Островскому привила любовь вторая жена его отца – Эмилия Андреевна. Она сама хорошо играла на фортепиано, скорее всего, пела и сумела привить своё увлечение пасынку. Островский выучился музыкальной грамоте, неплохо музицировал и исполнял романсы. Кстати, эта любовь к музыке будет свойственной и его сводному брату Андрею, одному из активных деятелей музыкального общества в Казани.

Эмилия Андреевна дружила с его тетей по отцу Татьяной Фёдоровной, по мужу (священнику) Гиляровой, которая до замужества жила в доме старшего брата – отца Островского. У неё сложились очень близкие, доверительные отношения с племянником, отвечавшим ей тем же. Рано лишившись матери, Островский искал в Татьяне Фёдоровне женской заботы и любви, был искренне привязан к её семье. Именно Татьяне Фёдоровне обязан

¹ Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 20.

² Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1974. С. 221.

³ Едошина И.А. «А я, душа театра...» / А.Н. Островский. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 25-26

КОСПРОМА

Островский первым знакомством с театром. Татьяна Фёдоровна увлекалась театральным искусством, хотя и была женой священника.

Одно из его любимых занятий было приехать к тётке, усестись на видном месте, достать ноты, смотреть в них и пропевать их вслух. Совсем ещё юные его двоюродные братья и сестры смотрели на него с восхищением, о чём один из них оставил воспоминания.

Немало сохранилось свидетельств об увлечении Островским народным пением. В его библиотеке были сборники народных песен (с нотами), он сам собирал и записывал народные песни, активно их использовал, особенно в раннем творчестве («Бедная невеста», «Не в свои сани не садись»). Народные традиции в напевной округлости речи были свойственны двум близким Островскому женщинам. Это Агафья, Ганечка, как ласково называл её Островский, и Любовь Никулина-Косицкая.

Агафья, простая, но искренне любящая женщина, рано вошла в его жизнь, навсегда оставшись невенчанной женой драматурга. Они прожили вместе около двадцати лет, у них рождались и умирали дети. По воспоминаниям друзей Островского, бывавших у них дома, Агафья была милой, простой и старающейся быть незаметной женщиной. Она обладала не сильным, но красивым голосом, прекрасно пела народные песни, которых немало знала. Следы её присутствия легко обнаруживаются в женских образах раннего Островского.

Иное – Любовь Никулина-Косицкая, актриса, обладательница красивой внешностью, округлыми формами и особой, слегка окающей певучей речью. В глазах Островского она была воплощением женской красоты в народном представлении, соединенной с талантом актрисы, словно созданной для игры в его пьесах. Драматург влюбился в неё тем сильным глубоким чувством, которое хотел разделить со своей избранницей навсегда: Никулина-Косицкая была единственной женщиной, которой Островский сделал предложение выйти за него замуж и – получил отказ. В течение десяти лет, с перерывами дился их страстный роман, закончившийся разрывом. Она сыграет Катерину в «Грозе» на сцене Малого театра, и они расстанутся. Уже в наши дни режиссер Андрей Могучий поставит на сцене БДТ в Петербурге «Грозу» как спектакль, в напевности которого словно воскресает образ любимой женщины Островского.

В полной мере увлечённость Островского народным пением выразилась в его весенней сказке «Снегурочка». Многие из его современников не сумели оценить этой пьесы, в том числе и Н.А. Некрасов, предложивший Островскому за эту пьесу оскорбительно малую сумму.

Зато в полном восторге от «Снегурочки» был композитор П.И. Чайковский. «Пьеса Островского мне нравилась, и я в три недели, без всякого усилия, написал музыку», – рассказывал Чайковский шесть лет спустя после создания одного из своих любимых детищ¹. Позднее Н.А. Римский-Корсаков обратится к пьесе Островского и напишет оперу под тем же

¹ П.И. Чайковский. Жизнь и творчество композитора. URL : <http://www.tchaikov.ru/bio020.html>

названием. Но если музыку Чайковского к отдельным картинам «Снегурочки» Островский примет с восторгом, то опера Римского-Корсакова не вызовет в нём никакого сочувствия. Разойдётся он и с композитором А.Н. Серовым в процессе работы над оперой «Вражья сила» по его пьесе «Не так живи, как хочется».

Следует заметить, что Островский любил оперное искусство, неплохо его знал, смотрел оперные спектакли. В его пьесах нередко упоминаются имена композиторов, напеваются мотивы из оперных спектаклей. Так, например, Робинзон в «Бесприданнице» напевает фрагменты из оперы Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» и оперетты Ж. Оффенбаха «Птички певчие».

Будучи в 1862 г. за границей, Островский многое подмечает, музыкальные сюжеты в том числе. Вот, например, он в итальянском Триесте: «Были в греческой церкви у обедни; служба – наша, особенный, очень приятный напев “Христос воскрес”... По кофейным музыка: итальянец на скрипке, итальянка с гитарой ... Были в театре “Гармония”: он поразил своей красотой. Тенор сильный, и все голоса подобраны ровно. Давали “Отелло”. Вот бы нам такого тенора¹».

Из Берлина он напишет друзьям: «Вечером сходим в театр, здесь спектакли всю святую неделю, начиная с первого дня. Дают “Трубадура” (Дж. Верди. – *И.Е.*), посмотрим и послушаем, каковы-то трубадуры в Берлине? Я Вам напишу подробно об этой опере². Увы, нам не дано узнать, написал ли что-нибудь об этой опере Островский, зато он оставил впечатление о балете, который посмотрел через два дня: «... смыслу в нём никакого, но постановка бесподобная, особенно карнавал и панорама Неаполя. Танцовщицы велики и тяжелы, скромность в юбках необыкновенная³».

Как практик театра, Островский подмечает специфику сценического решения спектакля в его сценографии, понимая всю сложность постановки массовых сцен карнавала. Одновременно его, опять-таки как практика, как человека, ставящего спектакли, его внимание не могли не привлечь исполнители, особенно женского пола. И тут уже иное вступает в свои права: Островский был и любителем женщин, и знатоком их, потому не мог не заметить отсутствия того, что для мужской части зрителей является, может быть, самым главным – увидеть хоть на мгновение то, что скрывается под юбками. Конечно, в принципе оно было известно, но ведь в каждом случае есть свои особенки, которых так жаждет зритель. В этой записи Островский является нам в редком образе зрителя, человека из зала.

Музыкальное искусство сродни театральному: это искусство, которое рождается на наших глазах и на наших же глазах исчезает навсегда. Конечно, и спектакль с таким же названием, и музыка того же композитора не раз ещё

¹ *Островский А.Н. Дневники // Островский А.Н. Собр. соч. в 12 т. Т.10 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 391, 392.*

² *Письмо А.Н. Островского к С.С. Кошверову, П.М. Садовскому и др. 7 апреля 1862 г. // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т.11 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1979. С. 146.*

³ *Островский А.Н. Дневники // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т.10 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 383.*

КОСТРОМА

появятся на афишах, но это будет иное исполнение с иными слушателями, с иными зрителями. Общую природу исполняемого на сцене произведения в своё время подметил Шиллер, а Островский перевёл на русский язык, этим переводом завершаются мои размышления:

Но пусть созданий не оставит
Себе великий лицедей;
При жизни памятник поставит
В сердцах достойнейших людей.

Его минутны вдохновенья
И вековечно торжество;
Ему венки и поклоненья,
Бессмертье – имени его! ¹

Литература:

1. *Едошина И.А.* «А я, душа театра...» / А.Н. Островский. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 25-26
2. *Григорьев А.А.* Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 20.
3. Письмо А.Н. Островского к С.С. Кошеверову, П.М. Садовскому и др. 7 апреля 1862 г. // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1979. С. 146.
4. П.И. Чайковский. Жизнь и творчество композитора.-URL: <http://www.tchaikov.ru/bio020.html>
5. *Ревякин А.И.* Москва в жизни и творчестве А.Н. Островского. М.: Московский рабочий, 1962. С. 6.
6. *Островский А.Н.* Гроза // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т.2 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1974. С. 221.
7. *Островский А.Н.* Дневники // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т.10 / ред. тома Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1978. С. 383, 391, 392.
8. *Шиллер Ф.* Артисту. Пер. А.Н. Островского // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7 / ред. тома Л. Лотман. М.: Искусство, 1977. С. 498.

¹ *Шиллер Ф.* Артисту. Пер. А.Н. Островского // Островский А.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7 / ред. тома Л. Лотман. М.: Искусство, 1977. С. 498.

Памяти Евгения Тимофеевича Степаненко

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНЕНКО (1937-2020) родился на Кубани. Окончил театроведческий факультет ГИТИСа и Высшие режиссёрские курсы при ГИТИСе. Работал актёром, директором театра, заведующим литературной частью Костромского драматического театра имени А.Н. Островского. Печатался в журналах «Театр», «Театральная жизнь», «Москва», «Молодая гвардия», «Волга», «Север», «Русь». Его детские пьесы ставились в драматических и детских театрах России. Составитель и один из авторов книг «Костромской драматический» (1984) и «Хозяин русской сцены» (1999), показывающих на примере Костромского театра преемственность поколений в истории отечественного театра. Лауреат премий им. Д.С. Лихачёва (2001), им. И.А. Дедкова (2007), им. А.Н. Островского (2011). Был членом Союза театральных деятелей России и СП России.

ХОЗЯИН РУССКОЙ СЦЕНЫ *

Какими только славными титулами ни величали Александра Николаевича Островского: «драматург на все времена», «чародей языка», «великий мастер», «рыцарь театра», «Колумб русской сцены», «русский Шекспир», «апостол жизненной правды»!.. Но чтобы вот так просто, бесхитростно, самому неискушённому сердцу понятно – «хозяин русской сцены» – насколько помнится, не говорил никто. Кроме Александра Николаевича. Да не о ком-нибудь – о себе самом. А именно в июле 1884 года, когда прописал открытым текстом: «Я – хозяин русской сцены». Без восклицательного знака. Месяц спустя вновь о себе напомнил: «...у русского драматического искусства один только я. Я – всё: и академия, и меценат, и защита». И поставил точку.

Иной, не в меру прыткий радетель благостной скромности, воспитанный в духе сплочённого коллективизма, готов на такое признание сурово заметить: «Что-то вы, батенька, непозволительно смело себя превозносите, самовосхвалением страдаете!..»

Но если бы тот вездесущий хранитель расчётливой благопристойности вчитался в слова драматурга, открыл бы для себя непременно: ни сном ни духом не чувствуется в них ни одержимого бахвальства, ни крикливого ячества, ни потаённых желаний на величавую историческую поступь. А слышится что-то такое простодушное, доверчивое, сердечное, каждой

* Степаненко Е.Т. Хозяин русской сцены. Кострома: Губернский Дом, № 1/99 (32), 1999, С.194-218

КОСЛПРОМЯ

людской душе родственное и понятное. При слове «хозяин» первая мысль приходит о семье. Многолюдной, непоседливой, неугомонной. Каждодневными делами и хлопотами переполненной. Заботами о бережении своего дома живущей, дабы не растратить нажитое, но укрепить, упрочить, прирастить пращурами дарованное. А ведь у каждого члена семьи свой нор, своя особенная, своя приметливость и расчётливость. Как тут обойтись без старшего, головы, большака? Того самого, о ком и Владимир Даль в своём словаре толковал. Люди старые да бывалые знали: без настоящего, истового хозяина от самого распрекрасного и добропорядочного семейства толку да проку мало. А хлопотное российское театральное хозяйство без своего большака обойтись разве могло? Но где взять такого? Потому-то Александр Николаевич и назвался хозяином.

Впрочем, назвался как-то стеснительно. Не громко, во всеуслышание, в расчёте показать себя с выгодной стороны в глазах потомства, но письменно, перед дирекцией императорских театров. Да и на такое признание его, уже немолодого, почитай за два года до кончины, что называется, вынудили, ибо видел и понимал: некому, кроме него, заступиться и вызволить из гибельного падения русский театр, многострадальное актёрское семейство, подвластное случайному «человеку со стороны». Взять хотя бы того же барона Карла Карловича Кистера. Был смотрителем Ботанического сада, после того – главным контролёром министерства двора, а с 1875 года назначен директором императорских театров. Ну как мог Александр Николаевич видеть равнодушно такое отношение властителей к театральному делу, которому посвятил жизнь. Вот и тянулась рука к перу, перо – к бумаге: «Барон Кистер цинически относится к русскому искусству... стало сбываться с буквальной точностью всё, что я предсказывал. Поруганное русское искусство постепенно замирало в императорских театрах, а частные театры систематически убивались Кистером. Он играл с ними, как кошка с мышью», – сетовал драматург.

И являлось желание взвалить на свои немолодые плечи заботы о спокойном театральном хозяйстве. То были думы непростые, тягостные, душу и силы изматывающие. «Я думаю, думаю, что мне делать, и боюсь, что с ума сойду, – признавался сам себе. – Надо решиться на что-нибудь: нерешительность – хуже всего, она измучит... У меня есть мысль, но я её ещё не принял окончательно... Вот моя мысль: я задумал предложить свои услуги императорскому театру, т.е. поступить туда на службу. Но пока я пишу эти слова, у меня точно что отрывается от сердца: меня пугает перспектива непривычных мне служебных неприятностей, у меня впереди – страдания. Но что делать? Мне не суждено доживать век спокойно...»

Когда писал, конечно же, думал не только о судьбе императорского театра. Вся неохватная провинция находилась под пристальным вниманием хозяина сцены. А прежде всего – актёры. Независимо от места служения. Это они писали любимому автору в год его двадцатипятилетней драматической деятельности: «Александр Николаевич! Все мы развивались под влиянием того нового слова, которое внесено было вами в русскую драму: вы наш наставник». То же самое слышит и в частных признаниях: «Вне

Островского я не понимаю русского театра». Потому и относились к нему, «как дети к отцу».

Для самого Александра Николаевича актёр, актёрское семейство, именуемое «труппой», являлись простительной слабостью, освящённой всегдашней любовью, уважительным отношением и неиссякаемым очарованием. Да, в их отношении к делу он был к «детям» своим строг и требователен, как и подобает старшему. Но до самых последних дней пытался «оградить от разных мытарств труппу, на которую теперь только одна надежда в России».

Нечасто, лишь в крайне редкие мгновения душевного восторга, обращался Александр Николаевич к сочинению стихотворных опусов. И совсем не случайно, что один из них адресован именно «Артисту». А в нём есть такие слова признания:

...Но пусть созданий не оставит
Себе великий лицедей.
При жизни памятник поставит
В сердцах достойнейших людей.
Его минутны вдохновенья,
И вековечно торжество.
Ему – венки и поклоненья,
Бессмертье имени его.

Нисколько не сомневаясь в правоте хрестоматийных слов И.А. Гончарова: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир», – думаешь все-таки, что, работая за письменным столом, Островский вряд ли помышлял о такой поистине царской дарственной акции либо стремился «достроить здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь». Как и полагается рачительному хозяину, он просто заботился о судьбе русской сцены, тех самых лицедеях, которые принуждены были играть в пьесах «навязанного, переводного репертуара».

К слову сказать, театру тех давно минувших дней нужны были новые отечественные драматические сочинения не только отменного художественного достоинства, но и, что также являлось немаловажным, в изрядном количестве. О чём Александр Николаевич знал не понаслышке. «В провинции, – писал он, – пьесы не повторяются, то есть ставятся только на один раз; изредка повторяются пьесы, имевшие огромный успех, – и то не скоро; если пьеса в повторении сделала сбор, – об этом говорят, как о чём-то небывалом; о каком-то чуде. Каждый день нужно давать новое из старого то, что успела забыть и публика, и артисты».

Никто ни до Островского, ни после русской сцене не «давал новое» с такой щедростью и не являл таких высоких художественных откровений, как этот скромный, негромкий, простой и веселый, «очень общительный и вожеватый» человек. Начиная с 14 января 1853 года, когда в Малом театре увидела свет рампы комедия «Не в свои сани не садись», всем стало ясно: вот

КОСПРОМА

тот истинно русский драматург, который сел «в свои сани». В театральный сезон 1853-1854 гг. на столичных сценах появляются сразу пять пьес Островского: «Не в свои сани не садись», «Утро молодого человека», «Бедная невеста», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется». Успех молодого драматурга был ошеломляющим. Его драматические сочинения «в русском жанре» казались «чудом на бесцветном и скудном фоне той поры».

Несмотря на кажущуюся лёгкость, с какой он завоевал симпатии публики, многие пьесы с трудом пробивались на сцену. «В театре я человек гонимый», – признавался Александр Николаевич, испытывавший унижительные цензурные препоны, недоброежелательность театральных чиновников, клеветнические наветы.

А сколько крови попортили критики, встречавшие каждую новую пьесу Островского в штыки: «Доходное место» – «этот талант.. достиг уже окончательного упадка»; «Бешеные деньги» – «самая дурная из дурных пьес московского драматурга»; «Лес» – «общий голос, что произведение слабое, в чём мы согласны со всеми»; «Поздняя любовь» – «о г. Островский! Отчего вы не умерли до написания «Поздней любви»; «Снегурочка» – «уж если что ругать, то новую пьесу «Снегурка» Островского. Там каждая страница просится в пародию, скука непроходимая» ...

Трудно сказать, как сложилась бы творческая судьба Островского, если бы его «пьесы жизни» не нашли живого отклика в сердцах «свежей публики», для которой, по замечанию Александра Николаевича, требовался «сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры». И если в репертуаре императорских театров драматургия Островского так и не заняла того места, которое могла бы занять, с подлинным успехом его пьесы ставились на провинциальных сценах. Уже в 1869 году драматург отмечал: «Нет дня во время сезона, чтобы на четырех или пяти театрах в России не давались мои пьесы».

Провинциальная публика сразу и безоговорочно приняла пьесы Островского, чуткого к судьбам народа и Отечества. «Время неистовых трагедий и драм» проходило. Нужна была драматическая литература, берущая сюжеты из обыденной жизни, затрагивающая её «язвы». «Современные русские пьесы, – отмечали зрители, – обычно производят на общество больше впечатления, нежели кинжал, яд и все ужасы мелодрамы». Другие заявляли более откровенно: «Зритель хочет видеть на сцене себя, соседа, знакомого, хочет сверять искусство с натурой, желает видеть в игре жизнь и чувство, и поэтому давайте ему Гоголя, Островского, Потехина». «Указывайте нам нашу многострадальную жизнь со всеми её многообразными проявлениями, – таково, по крайней мере, требование от театра большинства публики», – настаивали третьи.

И театралы отвечали делом. Уже в 1860-х годах в репертуаре провинциальных театров было 23 пьесы Островского из 25, им написанных, шесть – Н.В. Гоголя, пять – А.А. Потехина, четыре – И.С. Тургенева, три – А.Ф. Писемского.

Драмы и комедии Островского ставились везде, где работали русские драматические труппы, и особенно в городах с упрочившейся театральной культурой. Наибольший успех они имели в Воронеже, Киеве, Костроме, Курске, Новгороде...

«Во всём строе игры (артистов) произошёл перелом», — отметил П. Боборыкин после дебюта молодого драматурга на сцене Малого театра в 1853 году. «Великий перелом» в актёрской игре происходил и в провинции. С первых постановок пьес Островского местные рецензенты заговорили о том, что эти произведения требуют от актёров особого подхода, а сугубо «театральные приёмы, выработанные при постановках переводных драм и отечественных их подражаний» «становятся неуместными». Уже в 1854 году один из провинциальных критиков писал, что герои Островского, взятые из простого, ещё мало разработанного русского быта, «могут быть переданы только под условием строгого проникновения в характер роли; естественность и простота должны быть необходимыми условиями такого выполнения».

Необходимость точного изображения социальных типов при исполнении произведений Островского утверждали критики самых разных направлений. Киевский рецензент, неодобрительно оценивая выступление артиста местной труппы П.А. Никитина в комедии «Свои люди – сочтёмся», говорил: «Может ли человек, так играющий Подхалюзина, играть Островского вообще? Ведь г. Никитин, очевидно, хорошо не знает ни языка, ни наружности, ни характера того мира, который нарисован нашим великим драматургом... Допустим в г. Никитине бездну чувств, таланта, что угодно, пусть он будет гениальнейшим актёром всех времен и народов – всё-таки, не зная известного мира, он не сумеет воспроизвести его на сцене».

Наряду с тем в печати часто отмечалось, что театральные штампы – следствие нежизненной драматургии. Если роль не взята из знакомого исполнителю быта, «бедному артисту остается брать криком да конвульсиями», «распинается, неестественно выпучивать глаза», а в некоторых пьесах «сами роли требуют беснования».

Подтверждением служат и постановки пьес Островского тех лет на костромской сцене. Уже в 1855 году здесь идут «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок», удостоившиеся похвального слова критики. По отзыву «Костромских губернских ведомостей» (3 декабря 1855 г.), в последней комедии артист здешней труппы Е.И. Климовский «удачно играл Любима Торцова – один из лучших типов, какие удалось создать нашему знаменитому комику, подарившему русской литературе художественно созданные характеры Подхалюзина, Рисположенского, Большова, Устиньи Наумовны, Тишки, Маломальского, Русакова и многие другие. А это много значит для артиста, играющего на провинциальной сцене».

Два года спустя «Бедность не порок» ставится здесь вновь. Но как разительно этот спектакль отличается от той первой постановки. Вот уж действительно: будь ты гениальнейшим артистом всех времен и народов, но, не зная характеров того мира, какие явил драматург, напрасно ждать понимания и благосклонности публики. О чём один из её представителей

КОСТРОМА

поведал тут же со страниц губернской газеты: «Вчерашний день я был в здешнем театре. Играли комедию Островского «Бедность не порок». Грустное впечатление произвел на меня вчерашний спектакль! Такую прекрасную современную пьесу, и так дурно исполнили. Особенно из всех был плох Митя. Г. Богданов в этой роли возбуждал не сожаление, а смех. Нет ни чувства, ни жизни... Г. Быстров из Разгуляева, молодого купеческого сына, сделал какого-то деревенского парня. А роль Любима Торцова, – эта прекрасная драматическая роль! – как смешно она была выполнена г. Маловым... Мне стало грустно глядеть, как из замечательного произведения современной литературы делали что-то смешное... Грустно было видеть, как гг. артисты исковеркали всю пьесу...»

Говоря о театре, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в каждой труппе во всякие времена были свои премьеры и премьерши, именуемые артистами «первого сюжета», имевшими завидный дар добиваться себе ролей согласно занимаемого положения, а не сообразуясь с собственными актёрскими возможностями. По этой причине часто рождались те самые «сценические скандалчики», которые так охотно популяризировал фельетонист «Костромских губернских ведомостей», описывая творческие будни городского театра 1863 года. Да так лихо описывал, что обратил на себя внимание столичного журнала «Русская сцена», корреспонденту которого пришлось разъяснять костромскому коллеге, что «статья, в которой не говорится об искусстве, а всё внимание автора обращено на закулисные дрязги, едва ли может принести какую-нибудь пользу драматическому искусству».

Обозревая репертуар костромского театра сезона 1863-1864 гг., столичный журналист находил его достаточно оригинальным, отмеченным высоким художественным вкусом. На сценах губернских городов, подчеркивалось в статье, нередко появляются такие драматические безобразия, о которых в столицах никогда и не слыхивали. Там продолжают ставить свирепые драмы с кинжалами, ядами, пожарами и убийствами, чего нельзя сказать о костромском театре. Здесь шли пьесы: А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся», «Доходное место», «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись», «В чужом пиру похмелье», «Грех да беда на кого ни живёт», «Гроза», «Не так живи, как хочется», «Семейные картины», А.Ф. Писемского «Горькая судьбина», А.А. Потехина «Мишура». А также «Ревизор» и «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина, «Скупой» Мольера. По мнению корреспондента, костромичам грех жаловаться на репертуар истекшего сезона, если позабыть, что в то же время «представлялись на сцене «Молдавские цыганки», «Наполеоновские генералы» и тому подобная дребедень».

Что касалось закулисных конфликтов, то, по мнению автора «Русской сцены», часто их причиной являлась г-жа Гумилевская, влиятельнейшее лицо в труппе, бравшая себе все первые роли. Столичный критик, отдавая должное Гумилевской, считал её актрисой умной, опытной, хорошей исполнительницей определённых ролей, не выходящих за пределы её возраста. Так, играя Катерину в «Грозе», она была проста, трогательна, натуральна, игра её шла от сердца. И

как досадно было видеть, когда актриса бралась играть молоденьких и наивных девочек, которыми до того надоела публике, что ей не стали отдавать и должного. «Неужели даровитая актриса не понимает, что она этим более всего вредит себе самой?» – вопрошал критик со страниц «Русской сцены».

С искренней доброжелательностью им отмечалась игра водевильной актрисы Ивлевой, лучшей исполнительницы ролей старух Рассказовой, молодой героини, подававшей большие надежды, актрисы Грибановой.

Говоря о мужском составе, корреспондент отмечал, что многие актёры в продолжение сезона не только сумели выказать свои способности с отличной стороны, но и представили редко встречаемую в провинции ансамблевость. Особым вниманием публики пользовались артисты Лаухин, Прусаков, Дурново и Гладков.

Лучшей ролью Лаухина стал Жадов в «Доходном месте», где актёр до того слился с изображаемой личностью, что, глядя на него, зритель забывал сцену и видел перед собою не актера, а самого Жадова, каким изобразил его Островский. «Великий артист, глубоко потрясающий публику!» – не скрывал восхищения рецензент.

Не лишена интереса оперативность, с какой в те времена относились к удачам провинциальных артистов. Так редакция «Русской сцены», ознакомившись с материалом своего автора, замечала: «В Петербурге, да и в Москве, кажется, нет в настоящее время ни одного сколько-нибудь сносного исполнителя ролей молодых премьеров. Если отзыв нашего почтенного корреспондента о Лаухине не заключает в себе преувеличенных похвал, то желательно бы видеть господина Лаухина на петербургской сцене». Как сложилась дальнейшая судьба «великого артиста, потрясающего публику», – неизвестно.

Но те первые постановки пьес Островского породили в костромичах поистине безмерную и чистосердечную любовь к их автору. Это сегодня, как о само собой разумеющемся, так пространно говорим о самобытной личности драматурга, величии его творческого наследия. А полтора века тому назад что можно было сказать? Местные обыватели ни сном ни духом не ведали, как мало кому известный уроженец Замоскворечья в первый же свой приезд весной 1848 года очаровался не только здешним краем, его «обильными горами и водами». Главной красотой, приводящей в восхищение, стал для него народ этой земли: и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный. И вольный ум, и душа нараспашку.

«Это земляки мои возлюбленные», – записал тогда двадцатипятилетний Александр Островский в дневник, памятуя о том, что семейная родословная začínалась на этой земле, в селе Остров, где, по преданию, жили его предки и откуда пошла фамилия Островских. Кострома являлась родиной его отца Николая Фёдоровича, в ней жил глубоко почитаемый Александром родной дядя Павел Фёдорович.

Приобретённое родителем в 1847 году сельцо Щельково поначалу явилось как бы предлогом для старшего сына повидаться с краем своих пращуров, а потом и судьбой Александра Николаевича. В «Костромской

КОСТРОМА

Швейцарии» он скоро стал своим, многие годы жил и творил здесь, до того скорбного дня 2 июня 1886 года, когда «вся округа опечалилась»: сердце хозяина русской сцены перестало биться. Здесь же, на погосте Николо-Бережки, обрёл и последний приют.

Пройдёт почти век после ухода Александра Николаевича, и на открытии памятника драматургу прозвучат стихотворные строки местного поэта Виктора Волкова, лётчика, потерявшего зрение в Отечественную войну:

Вот она, усадьба Щельковская!
Не состарят памяти года.
Чтоб почтить бессмертие Островского,
Собрались сегодня мы сюда.
Нет, не остов камня обелисковый
И не склеп и холод гробовой,
Как живого, как родного, близкого,
В наши дни мы чествуем его.

Чувство родства, духовной близости, сопричастности с судьбами героев Островского, зарождённое у «земляков возлюбленных» с первых представлений его пьес на костромской сцене, не оставляло потом их сердца никогда. Порой то чувство было избыточным, но всегда искренним и просветлённым. Как пояснял «Поволжский вестник» в 1911 году (27 сентября): «Нам, костромичам, должен быть особенно дорог Островский, во-первых, как местный уроженец, во-вторых, потому, что все типы произведений известного драматурга взяты из нашего края, прошлой нашей жизни». И хотя уже в ту пору не являлось тайной, что из 47 оригинальных пьес 30 изображают нравы и типы Москвы, а материалом для 17, связанных с провинциальным российским житьём-бытьём, послужили наблюдения драматурга за жизнью, бытом и нравами не только костромского края, абorigены никому не желали уступать творения именитого земляка.

А с появлением драмы «Гроза» в один голос заявили: это про наших Клыковых. Про тех самых мучных торговцев, в семье которых молодая костромская мещанка Александра Клыкова, доведённая до отчаяния ревностью мужа и преследованиями свекрови, утопилась в Волге. То дело взволновало весь город. Высказывались предположения, что было не самоубийство, а убийство. Клыковых арестовали, но позднее освободили под сильным подозрением. Народ же остался при своём мнении: в гибели Александры повинна свекровь. Скоро появилась драма «Гроза».

И как потом учёные мужи ни доказывали, что в данной версии концы с концами не сходятся: Александра Клыкова покончила жизнь самоубийством 10 ноября 1859 года, а Островский поставил последнюю точку в пьесе 9 октября того же года, то есть за месяц до костромской трагедии, а в день, когда тело утопленницы нашли в Волге, актриса Московского Малого театра Любовь Никулина-Косицкая уже репетировала роль Катерины Кабановой – ничто не могло поколебать убеждения костромичей. Местные исследователи творчества драматурга продолжали отстаивать правоту общественного мнения о

Клыкковой-Кабановой и в сороковых годах нашего столетия. Когда в 1939 году профессор А.И. Ревякин, выяснявший реальные источники драмы, приезжал в Кострому, ему тут же показали дом № 8 по улице Горной, в котором писалась «Гроза», и место, откуда бросилась в Волгу Клыккова-Кабанова.

При постановке «Грозы» на костромской сцене артисты долгое время гримировались «под Клыкковых», что считалось вполне естественным. Автор присутствовал на одном из таких представлений в феврале 1880 года. Правда, то посещение вызвало жаркие «артистические споры» по иному поводу.

Костромской корреспондент прочитал в газете «Суфлёр», что будто бы на том спектакле актриса, игравшая Катерину, «из уважения» к Островскому придумала оригинальный экспромт, приказав в последнем акте, перед тем, как Кулигин выносит на сцену утопленницу, вылить на неё за кулисами ведро воды. И будто бы костромичи пришли в восторг от подобного «прохладного» реализма, встретив актрису громом рукоплесканий. По утверждению корреспондента, «балаганный эффект» не только не возмутил такого чуткого художника, каким являлся автор «Грозы», но он будто бы даже поблагодарил исполнительницу, сказав ей: «Если бы это не вредило здоровью, то я бы просил и в столицах делать то же для полной художественной иллюзии».

Многие такой пассаж восприняли откровенной клеветой и на актрису, и на драматурга, и на костромскую публику. «Ушат воды, вылитый на голову артистки, скорее затопит, скорее окарикатурит, чем поддержит «полноту художественной иллюзии», потому что художественная правда имеет такое же отношение к правде грубой и реальной, как голос Патти к дикому пению и завыванию пещерного человека», – писала столичная газета «Молва» в марте 1880 года по этому случаю.

Но вообще Александр Николаевич достаточно часто бывал в здешнем театре. Прекраснодушные приверженцы старины и теперь утверждают: 8-й ряд, 8-е место в партере – здесь сидел Александр Николаевич, присутствуя на спектаклях и репетициях, а не в гостевой ложе, как о том свидетельствуют несведущие люди.

Местный автор драматической поэмы «Островский» Вячеслав Лебедев пошёл и того дальше: по его разумению, Костромской театр является едва ли не колыбелью драматурга Островского. В финале пьесы молодой актрисе Екатерине Кольцовой, терзаемой вопросом: «Кто может объяснить мне власть искусства?..», Александр Николаевич проникновенно говорит:

Мне путь твой ясен: завтра же иди
в театр... *(Имеется в виду Костромской – Е.С.)*
Здесь мой театр,
мне с юности родной.
Я плакал в нём, смеялся, ликовал,
в своих твореньях правду узнавал.
Искусство русское нам надо возвышать
не только лишь в столицах, нет – повсюду!..
Запомни, что Островский говорит...

КОСТРОМА

После этих слов, согласно ремарке, Катя со своим женихом студентом Сергеем Курбатовым хотят проводить Александра Николаевича, но народ, прослыша о его приезде, начинает стекаться к «беседке Островского», густой толпой обступает драматурга-земляка. Его поднимают на руки и несут к авансцене.

Конечно, любовь костромичей к Островскому была не такой помпезной, смахивающей на обожествление. Драматическая поэма, написанная в начале пятидесятых (и тогда же поставленная), строго следовала канонам и идеологическим требованиям своего времени. Но что незримое присутствие Островского как мудрого хозяина в стенах этого театра ощущалось всегда, в том нет никаких домыслов.

Костромской драматический театр является единственным в России, на сцене которого поставлены все пьесы драматурга (исключая «Пучину»), многие неоднократно. Единственным «мёртвым сезоном» в этом смысле был сезон 1917-1918 годов, когда на афише значилась всего одна – «Бесприданница». Хотя перед тем насчитывалось восемь пьес Островского.

Возможно, сказывался тогдашний неистовый «вихрь борьбы», не позволяющий оглядываться на хозяина русской сцены, дабы сверять по нему революционный шаг. К тому же, в разгуле «страстей порочных» отменно котировались «Рабыня веселья», «Обнажённая», «Игра в любовь», «Живой товар» и прочие бодрящие постановки, каким «пьесы жизни» не соответствовали ни с какой стороны. Быть может, тому были другие причины, но факт остается фактом: в том судьбоносном сезоне из 44 (сорока четырех!) пьес, поставленных на костромской сцене, Островского была всего одна. Зато в сезоне 1918-1919 гг. из 19 названий 4 принадлежали Александру Николаевичу: «Без вины виноватые», «Светит да не греет», «Гроза», «Василиса Мелентьева». Но дальше – снова тишина.

Лозунг «Искусство должно быть пролетарским», по словам автора костромского еженедельника «Искусство в провинции» (1920 г., 14-21 февраля), «подразумевал одно: искусство должно изображать жизнь рабочего, должно «гимновать труд», в чём, естественно, «русский Шекспир» не был силён. К тому же многие причастные к сценическому творчеству крепко запомнили слова наркома просвещения А.В. Луначарского, заявлявшего: «То, о чём рассказал Островский, начинает отходить в прошлое, и пьесы его, оставаясь глубоко художественными, превращаются постепенно в исторические... Мы переросли давно его конкретные устремления... В этом смысле Островский только великолепное прошлое, которое не надо забывать».

Забывать не забывали, но и ставить не ставили, бросив все силы и энергию на пробуждение у масс классового сознания, «гимнование труда», прославление революционных завоеваний. Что привело к совершенно неожиданному результату, в чём признался тот же нарком просвещения: «Я не только видел, как скучал пролетариат на постановках некоторых «революционных» пьес, но даже читал заявление матросов о том, что они просят о прекращении этих революционных спектаклей и о замене их

спектаклями Гоголя и Островского». А скоро А.В. Луначарский провозгласил лозунг: «Назад к Островскому!»

Да и ленинский завет «Не забудьте Островского!» тоже о многом говорит. Правда, высказан он издателем, но имеющий уши да слышит. Тем более не за горами был 1923 год – год столетия со дня рождения Александра Николаевича.

Ни один театр страны не обошёл молчанием эту светлую дату. Тем более – костромской. 13 апреля 1923 года решением Наркомпроса ему было присвоено имя великого драматурга. Одновременно имя А.Н. Островского получила старая Мшанская улица.

Согласно плана Губполитпросвета по проведению юбилея во всех клубах были прочитаны рефераты, освещающие творчество Островского, поставлены его пьесы или отрывки из них, «наиболее ярко дающие представление о героях Островского и вскрывающие пороки старого общества. Выступавшие настолько обстоятельно познакомили слушателей с биографией, творчеством и значением Островского для пролетарского театра, что у слушателей он вырос в сочную и многообразную фигуру, которая надолго останется в памяти».

Самим театром к юбилейным дням были приурочены премьеры спектаклей «Дикарка» и «Василиса Мелентьева», по пьесам, написанным Островским в соавторстве с Н. Соловьёвым и С. Геденовым. Сказать, что постановки стали достойными славной даты, – покривить душой. Режиссёр Чергонин, поставивший «Василису...», судя по отзывам зрителей, показал себя «добросовестным и интересным режиссёром», игра актёров отличалась тем, что они не бросались «в водоворот новаторства», а оставались верны реалистическим традициям.

Что касается «Дикарки», то она не задалась из-за неудачного распределения ролей. Исполнительница Вари молодая актриса Карская, обладавшая хорошими внешними данными, отличным темпераментом, по отзывам рецензента, «не сумела внести их в границы, требуемые ролью, и исполнение её носило характер черновой, недостаточно продуманной работы». Образ намечался интересным, однако, «играя почти на одних верхних регистрах, без всяких модуляций, переходов и полутонов», актриса внесла в характер «дикарки» лишнюю резкость жестикующий, что огрубляло и делало однозначным характер её героини.

Несмотря на юбилейные торжества, многочисленные мероприятия, им посвящённые, тот сезон остался в памяти костромских поклонников сезоном «театрального безрыбья». Но, начиная со следующего года и по настоящее время, ни один сезон в Костромском театре не обходился без постановок пьес Островского. А скоро вошло в традицию каждый новый сезон открывать спектаклем по его произведению.

Правда, в те давние годы Островский был интересен не как автор «пьес жизни», но прежде всего как обличитель «тёмного царства», призванный способствовать решению идейных и воспитательных задач советской власти. А потому его произведения при сценической интерпретации несли явный

КОСТРОМА

подтекст идеологических установок диктатуры пролетариата. В этих далеко не творческих своеволиях дело порой доходило до курьёзов. Были времена, когда творения национального драматического писателя пытались откровенно приноровить к «злобе дня». Так в одной из местных партийных газет 20-х годов, требуя от театра отражения со сцены «мероприятий хозяйственного порядка», вносилось такое деловое предложение: «Представим себе конкретно хотя бы один момент: в государственном порядке проводится «неделя леса», и, если нет другой пьесы, бесполезно поставить на сцене комедию А.Н. Островского «Лес».

И как-то невдомёк было тому высокому общественному мнению, что комедия «Лес» вовсе не о «зелёном друге», как и «Не в свои сани не садись» – совсем не о гужевом транспорте; «Свои собаки грызутся...» – никак не затрагивает судеб братьев наших меньших, а «Гроза» к природному явлению имеет далеко не первостепенное отношение... Каждая пьеса Островского – о человеке. В каждой – мучительные раздумья драматурга о нём, его судьбе. В каждой – боль за него. Вера в него. Огромное уважение и поклонение ему. Желание познать лучшие черты его многосложной и многогранной натуры, прекрасно осознавая, что в этом мире в постоянном соседстве живут «волки» и «овцы». И тем не менее... «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним хорошее», – писал Александр Николаевич в своё время М.П. Погодину.

Костромской театр стремился быть верным этой мудрой мысли, постоянно пребывая в дружбе с Островским, поверяя его творчеством свои художественные возможности, стремясь в самые неласковые годы через героев его пьес явить современникам лучшие духовные и душевные порывы русского человека.

В годы Великой Отечественной войны здесь с успехом идут «Правда хорошо, а счастье – лучше», «Поздняя любовь», «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Последняя жертва», «Гроза». Значительным событием в культурной жизни города и области стала постановка А.Д. Поповым «Талантов и поклонников» в 1948 году, посвящённая 125-летию со дня рождения драматурга. Но особенно урожайным были 50-е годы, когда творческий состав возглавлял заслуженный деятель искусств РСФСР В.А. Иванов. Размышляя над постановками пьес Островского в прежние годы, он признавался: «Одно время, под дурными влияниями «вульгарного социологизма», постановщики упрощали полнокровную жизнь, изображённую в пьесах, доводили её до примитивной схемы. Затем наступила обратная реакция. Из пьес выхолацивалось глубокое идейное содержание, создавались спектакли, в которых Островский предстал как добродушный бытовик, развлекающий зрителей «жанровыми сценами».

За одно десятилетие В.А. Ивановым было поставлено здесь 14 пьес Островского, конечно, спектакли различались своими художественными достоинствами, даже, по собственному признанию режиссёра, разностью стилей. И всё же романтический «Воевода», повествующий о благородстве и

духовной красоте нашего народа, его светлой любви и мужественной дружбе, щедрая на неожиданное раскрытие актёрских дарований «Последняя жертва», излучающая молодость, целомудрие и искреннее изящество «Дикарка», многие другие постановки скоро пробудили у публики завидный интерес к спектаклям. Как вспоминал Иванов: «Мысль о том, что современный зритель не понимает Островского, не посещает театр, когда ставятся его пьесы, легко разбилась о скромную надпись над кассой: «На сегодня все билеты проданы».

Театр сумел не только привить вкус и воспитать любовь в своём зрителе к произведениям земляка, но, стремясь к новому, современному прочтению его пьес, бережно относился к тексту, что было неожиданным и удивительным даже для тонких ценителей чародея русского языка. На конференции ВТО в Щельково, посвящённой 135-летию драматурга, народный артист СССР А.А. Гончаров вспомнил Хмелёва, «который говорил, что есть разные слова: второстепенные, маленькие, и есть «мохнатые» слова: «мохнатыми» словами человек воздействует, «мохнатым» словом человек вцепляется в партнёра... Это «мохнатое», выразительное, красивое слово Островского мне удалось услышать у костромичан».

То был лучший период жизнедеятельности Костромского театра, быть может, за всю историю его существования. Заслуга В.А. Иванова была в том, что для этого высокопрофессионального, интеллигентного, творчески обеспокоенного художника Островский стал не только великим драматургом, но и хозяином русской сцены. Считая своим главным принципом «художественно убедительно раскрыть Островского как передового художника, стоящего на позициях подлинного демократизма», В.А. Иванов всю деятельность коллектива подчинял выполнению этой непростой задачи через Островского, стараясь следовать его художническим и эстетическим требованиям: ценить слово, актёрский дар и самобытность, ансамблевость, сценическую культуру каждой постановки...

Потому-то столько актёрских удач, и не только в спектаклях по пьесам именитого автора, явилось в ту пору. А сколько родилось спектаклей, любимых и дорогих костромской публике. Неслучайно те далёкие 50-е и поныне памятны как «золотой век» костромского театра.

Театральный сезон 1978-1979 гг. в Советском Союзе проходил под девизом: «Год русской классики». Отмечалось 150-летие со дня рождения Л.Н. Толстого, в Ярославле и Костроме прошли театральные декады, посвящённые 250-летию со дня рождения основателя русского профессионального театра Ф.Г. Волкова. В апреле 1978 года в Костроме сезон завершался Днями А.Н. Островского.

Мысль о проведении таких Дней родилась в 1973 году, когда в Костроме впервые состоялся показ лучших спектаклей театров России по пьесам драматурга в связи с его 150-летием. Как отмечали его участники, этот фестиваль по своему значению вышел далеко за пределы Костромы. Зал театра превратился в творческую лабораторию, где экспериментально искали ответы на вопрос: «В чём состоит современное значение наследия А.Н. Островского?» Тогда же вспоминали фестивали, посвящённые

КОСТРОМА

В.Шекспиру в Стратфорде-на-Эйвоне, А.С.Пушкину в Михайловском, Александру Блоку в Шахматове.

В тот год Министерство культуры РСФСР и Всероссийское театральное общество, подводя итоги фестиваля, приняли совместное постановление о регулярном проведении в Костроме Дней А.Н. Островского, включающих в себя не только показ лучших спектаклей российских театров по произведениям драматурга, их обсуждение, но также проведение сценографических и музейных выставок, связанных с историей постановок пьес Островского как в нашей стране, так и в театрах мира.

Инициаторы и устроители этих Дней при их зарождении отмечали: «Сегодня мы у истоков замечательной традиции, которая прославит костромскую землю и наверняка войдёт в историю советского театра. Этот фестиваль станет одним из наиболее ярких примеров, как в едином устремлении сплачиваются усилия художников разных профессий, объединённых любовью и чувством ответственности перед творчеством А.Н. Островского».

Девизом Дней 1979-го года были слова драматурга: «Искусство единит народы и роднит их...» Афишу фестиваля составили спектакли Москвы, Куйбышева, Калининна, Тулы, Омска, Ярославля. Открылся он спектаклем костромичей «Правда хорошо, а счастье – лучше», завершился концертом мастеров искусств, в котором отрывки из пьес Островского показывали артисты Большого театра Союза ССР, музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, других творческих коллективов.

По завершению праздника журнал «Театральная жизнь» писал: «Показанные в Костроме работы, как правило, смотрелись с интересом, в каждой было что-то привлекательное, своеобразное, но оставили они впечатление далеко не одинаковое по глубине и целостности. Дело тут, думается, в качестве поиска, который может идти вместе с драматургом, а может лишь рядом с ним или вопреки ему».

Фестиваль показал, что, пытаясь разгадать секрет таких, на первый взгляд, ясных, понятных и простых пьес Островского, преломить их через призму эстетики театра конца 70-х годов, почти все режиссёры более или менее решительно обходили данные драматургом характеристики быта, среды обитания персонажей, их самих с их внешностью, возрастом, общественным положением, словно видя в том главное препятствие к достижению современного звучания пьес. Взамен предлагались «условность», метафора, яркая зрелищность, разнообразие выразительных средств, свойственных современной сцене и сложившихся на другом драматургическом материале. Штампом «современного» воплощения пьес Островского воспринималось щедрое использование музыки, танцев, песен, приёмов эксцентрики, подменявших действие водевильными ритмами, лёгким эстрадным настроением. Не по той ли причине отличительной чертой смотря явилось жанровое однообразие, обращение театров только к комедиям Островского.

Участники Дней А.Н. Островского сошлись во мнении, что глубинные философские, общечеловеческие, социально-психологические пласты его

драматургии ещё ждут своего выявления современным театром, как и её поэтичность, удивительная многоликость, выразительные богатства языка.

Вопрос о «качестве поиска» и нового, оригинального прочтения классики встал и на третьем костромском фестивале по пьесам А.Н. Островского в 1983 году. В нём принимало участие 115 театров России, заключительный показ в Костроме включал 8 коллективов: Малый театр – «Красавец-мужчина», Ленинградский БДТ – «Волки и овцы», Воронежский академический театр драмы им. А. Кольцова – «Горячее сердце», Коми-Пермяцкий театр из города Кудымкар – «Снегурочка», Свердловский ТЮЗ – «Доходное место». Калининский театр драмы – «Последняя жертва». Костромской театр – «Бедность не порок» и «Поздняя любовь».

Общее впечатление от того смотра очень точно выразил Г.А. Товстоногов, отметивший: «Я люблю Александра Николаевича Островского давно и преданно, считаю его современным автором, каким является каждый подлинный классик. Уверен, что Островский никогда не перестанет быть репертуарным автором. Но мне кажется, что мы ещё не нашли современного подхода к богатой и разнообразной сокровищнице, какой является вся драматургия Островского... Найти своё – вот задача».

На афише Дней Островского-93 всё было как всегда, «разнообразно-русское». За исключением спектакля «На бойком месте» болгарского театра города Разграда, придавшего костромскому фестивалю статус международного.

И, как всегда, при обсуждении итогов отмечалось: вопросы и тревоги по поводу освоения наследия Островского современным театром остались. Мало того, ещё более проявилось горькое ощущение того, что между сценой и драматургом стоит какое-то препятствие, порождённое, по убеждению многих, практиками нынешнего театра.

При прочтении ими Островского нивелируется социально-бытовая конкретика, становится главенствующей тема «театра в театре», как то проявилось в спектаклях Липецка («Без вины виноватые») и Костромы («Таланты и поклонники»), стало повальным превращение театрального действия в нечто ярко-плоское, лубочное. Искусственное оживление Островского в «Гроз» (Петербургский театр на Фонтанке), по словам профессора Е. Поляковой, привело к тому, что действие ушло от драматурга к «маленькой Вере». С нею ушла и тема покаяния. А надо бы возвращаться к Островскому.

«Верьте Островскому!» – призывал и доктор филологических наук В.Я. Лакшин, обеспокоенный тем, что современный театр, мучительно ища свою дорогу к драматургу, болен всеми соблазнами современной режиссуры. Эти не лучшего свойства соблазны рожают спектакли грубые и пошлые, вызывающие антиэстетическое чувство, а также чувство сожаления о том, как мало знает режиссёр об Островском.

«В настоящее время всё трудней становится общение с Островским, – признавался главный режиссер Орловского театра Борис Голубицкий. – Раньше у режиссёров и у критиков была полная ясность, сейчас, ближе к

КОСПРОМА

концу века, сбиваются критерии, по которым можно заявить, что такое хорошо и что такое плохо, и «луч света в тёмном царстве» уже не луч. Наши взаимоотношения с Островским становятся труднее и интереснее, мы должны подходить к героям Островского без предвзятости».

Думается, подходить предвзято к героям любого автора, – дело безнадежное. Да и «критерии сбиваются» не по причине того, что век двадцатый катится к закату. В начале столетия проблема познания творческого богатства Островского волновала умы его открывателей не менее бурно, чем теперь.

Уже в 1923 году, в пору 100-летия драматурга, можно было прочесть сказанные в его адрес слова: «Надо иметь в запасе какие-то исключительные силы, чтобы удерживать это первенство (*в первом ряду творческих сил страны – Е.С.*) после смерти вот уже около полувека на такой шаткой и капризной арене, как русские театральные подмостки, к которым в последние десятилетия причастно слишком много лиц, большею частью с очень лёгким сердцем отрешающихся от известных традиций, какой бы здоровый и сильный характер их ни был выработан, и страстно увлекающихся – редко искренне, чаще из какого-нибудь расчёта – всякой новизной, лишь бы последняя сметала старое, во имя одной только оригинальности этой новизны».

Виной тому, а может, и бедой, является мера таланта художника, загоревшегося желанием обратиться к Островскому непременно сегодня, именно на этой сцене, с этим коллективом. Понимание им масштаба личности и творчества драматурга, сравнимых, по поэтическому замечанию В. Лакшина, со знаменитым ключом в Ярилиной долине, где, по местному преданию, растаяла Снегурочка. Кажется, до дна здесь рукой достанешь, а попробуй вымерить глубину того ключа – трёхметровая жердь уйдёт вниз и не достанет дна.

Так же обманчива и прозрачная, незамутненная ясность Островского. Его простота видится многим доступной, малоглубокой. Но прикоснёшься к ней – и увидишь, как трудно вымерить или исчерпать её, если не пытаться замутив тот прозрачный бездонный родник «оригинальной новизной».

Не нами замечено, что и по сей день не сможет российский человек осознать свой характер и нрав, свой склад ума, свою родословную, если не откроются ему в свой срок вместе с героями Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова выходцы из России Островского: Катерина Кабанова и Кулигин, Раиса Гурмыжская и Геннадий Несчастливцев, Лариса Огудалова и Карандышев, Юлия Тугина и Флор Федулыч Прибытков, Савва Васильков и Паратов, и многие-многие другие, вобравшие «всечеловеческие чувствования и переживания», национальный колорит, опыт и веру поколений, повязанные одной судьбой.

Но вот какими откроются? – вопрос тоже не праздный. Печально, если нынешние неокрепшие умы и души, дети рекламы и клипов, знающие о великом драматурге понаслышке, до конца дней своих оставят о нём память как о художнике, герои которого являются всего-навсего привлекательными

действующими лицами для создания привычных шоу-представлений о человеке.

А ведь Александр Николаевич и такие особенности национальной интерпретации не только собственных сочинений, но всего отечественного классического наследия предвидел. Не случайно на склоне лет настаивал на том, что русский театр «должен держать искусство высоко, не идти за модными направлениями, не подчиняться указаниям обезьянствующей критики. Он должен стоять указующим маяком во время шатания вкусов».

И сегодня за этими прозорливыми словами слышится голос подлинного хозяина сцены. Голос живой. Заинтересованный. Согретый отеческой заботой и любовью к такой беспокойной, труднопредсказуемой, но всегда милой его сердцу актёрской семье и её вечно суматошному, подверженному всяческим ветрам и веяниям, не всегда ласковому дому – Театру, ставшему его неустанной заботой, радостью и печалью, мучительной болью и судьбой.

Не потому ли вот уже полтора века имя Островского является как бы негласным паролем для каждого художника, напоминая ему о благородстве, рыцарстве, великодушии, честном служении своему народу. Не потому ли не избывает и в народе вера, выраженная одним из безвестных лицедеев в горестные июньские дни 1886 года:

Покуда не угас во храме Мельпомены
Священный жертвенник – сквозь целый ряд веков
В тех образах живых он будет русской сцене
В бессмертии сиять, как луч из облаков.

АЛЕКСЕЙ ЗЯБЛИКОВ родился в 1963 году в Костроме. Доктор исторических наук, поэт, литературный критик, публицист, член Союза писателей России, член Союза литераторов России, член правления Костромской областной писательской организации. Автор поэтических книг: «Стоеросовый лес» (1995), «Искусство полёта» (1998), «К другим берегам» (2001); художественно-публицистических и научно-популярных книг: «Провинциальная столица» (2008), «Весёлые прописи» (2008), «Неравный спор: писатель у барьера истории» (2015), «Костромские мотивы в творчестве В.С.Розова» (2017). Очерки, статьи, эссе публиковались на страницах областных и всероссийских изданий. Лауреат премий им. Д.С. Лихачёва, им. И.А. Дедкова. Лауреат Областной премии «Признание» (2020).

**«СОЧНАЯ МНОГООБРАЗНАЯ ФИГУРА»:
ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО НА СЦЕНЕ КОСТРОМСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В 1920-Е ГГ.**

Один из интереснейших сюжетов в истории Костромского драматического театра связан с событиями 1920-х гг., когда старая театральная эстетика вступала в непримиримое противоречие с запросами дня и новым, революционным, пониманием функции искусства. Пожалуй, никогда репертуарная политика театра не отличалась такой художественной чересполосицей, а околотеатральные споры никогда не достигали такой разноречивости и страсти. Атмосфера, идейные и творческие дискуссии тех лет нашли своё отражение в ряде публикаций [1; 2]. Однако названная тема, конечно, далеко не исчерпана.

В 1920-е гг. театральные рецензии на спектакли Костромского драматического театра редко содержали хвалебные отзывы и эпитеты. Напротив, язвительных комментариев, уколов и шпилек было – хоть отбавляй. Суть претензий такова: театр топчется на месте, не желает идти в ногу с эпохой, отказывается от решения насущных общественно-воспитательных задач, он безучастен к современным темам и революционной повестке дня. Театр слабо и безынициативно ревизовал дореволюционный репертуар «под углом зрения приемлемости его к новым условиям жизни» [3]. На страницах партийной печати то и дело раздавались призывы «оработить» театр, «выпуклить» проблематику, нацеленную на острое критическое изображение старого мира. Костромской драматический тихо сторонился несвойственных ему задач, как мог сопротивлялся исполнению чужеродных функций. Одним из главных ресурсов этого сопротивления был классический репертуар, прежде всего драматургия А.Н. Островского.

Пьесу Александра Николаевича «Женитьба Бальзамина» в сезон 1920/1921 гг. поставил Ю.М. Бонди, тяготевший к сценическим экспериментам, которые провинциальная публика не всегда понимала и принимала. «Дикарка» А.Н. Островского (в соавторстве с Н.Я. Соловьевым), поставленная в сезон 1922/1923 гг., не впечатлила рецензентов: в спектакле была усмотрена дань унылому академизму. Более благожелательной была оценка спектакля «Василиса Мелентьева», предложенного зрителям в тот же сезон.

В 1923 г. костромичи готовились отметить 100-летие со дня рождения А.Н. Островского. Губполитпросветом был разработан план мероприятий, который предписывал проведение лекций-диспутов о значении творчества драматурга, особенно в рабочих и красноармейских клубах. Городскому театру рекомендовалось подготовить «комбинированное» драматическое представление из отрывков пьес А.Н. Островского.

Основные мероприятия должны были пройти 13 апреля (день рождения драматурга 12 апреля по новому стилю). Однако потом проведение торжеств сдвинули на 15 апреля. Юбилейный комитет объяснял это тем, что предшествующие первоначально запланированной дате праздничные дни помешают «установить связь с профессиональными и культурными организациями» [4]. На официальном уровне юбилей отмечался более чем скромно. В главной губернской газете «Красный мир» от 13 апреля 1923 г. А.Н. Островский не упомянут ни словом. Зато в номере напечатана информация о Втором вечере костромских поэтов, на котором о драматурге-юбиляре тоже, судя по всему, не вспоминали. Газетный номер от 15 апреля (официальная дата проведения торжеств) открывался передовой статьёй Н. Прохорова «Меньшевики выходят из партии». Об Островском в газете снова – ни слова! Только 18 апреля «Красный мир» в разделе «Хроника» опубликовал крохотный материал под названием «Празднование юбилея Островского». Его следует привести полностью: «Кострома чутко откликнулась на юбилей Островского. Во всех клубах и театрах были прочитаны рефераты, освещающие творчество драматурга и поставлены или целые пьесы, или отрывки из них, наиболее ярко дающие представления о героях Островского и вскрывающие пороки старого общества.

Секцией Работников Печати выпущен специальный номер «Кр. Понедельника», посвящённый памяти юбиляра, а 16 апреля в зале университета было устроено торжественное заседание, на котором широко обрисованы все отрицательные и положительные типы и мотивы в его творчестве.

Выступавшие с докладами тт. Бувеской, Виноградов и Виленкин настолько обстоятельно познакомили слушателей с биографией, творчеством и значением Островского для пролетарского театра, что у слушателей он вырос в сочную многообразную фигуру, которая надолго останется в памяти.

Городскому театру присвоено имя Островского» [5].

Куда более трепетно отнеслись к юбилею драматурга в низовых организациях, в школах и уездных театральных кружках. 10 апреля силами драмкружка «Юность» в деревне Середняя была поставлена пьеса

КОСТРОМА

А.Н. Островского «Не так живи, как хочется». 13 апреля театралы-любители села Карабанова поставили «Бедность не порок», а 15 апреля судиславский драмкружок порадовал публику пьесой «Светит, да не греет» (в соавторстве с Н.Я. Соловьевым).

С присвоением театру имени Островского тоже не всё ясно. После официального объявления о переименовании на всех афишах, во всех газетных объявлениях и анонсах театр почему-то продолжал именоваться как прежде – Городским (возможно, не были улажены какие-то бюрократические формальности). Лишь с января 1924 г. имя драматурга закрепилось как составная часть названия.

Театральный сезон 1923/1924 гг. открылся пьесой А.Н. Островского «Не всё коту масленица» в постановке А.А. Богдановского. Премьера оживила в костромской печати дискуссию о степени «нужности» А.Н. Островского современному зрителю. Резюмировал разноречивые мнения Теокулус: «Большинство авторов сходятся в том, что идеология Островского чужда современности, что быт его враждебен нарождающемуся новому быту, но большинство признаёт вместе с тем, что ознакомление с бытом Островского имеет значение как фактор, содействующий преодолению этого быта, что пьесы его, простые по фактуре, легко смотрятся и легко воспринимаются зрителем» [6]. Итак, Островский «нужен», но нужен, прежде всего, как тонкий знаток и обличитель старого жизненного уклада, талантливый и ненавязчивый ниспровергатель уходящих общественных нравов. Своё понимание «нужности» Островского предлагали в уездах. Так, корреспондент «Красного мира» рассматривал постановку пьесы «На бойком месте» в Ильинской волости в контексте борьбы с «осенним хулиганством». «Молодежь занята, – удовлетворённо замечал селькор, – и безобразий мало» [7].

Сочный бытовизм А.Н. Островского восхищал и одновременно настораживал. Проповедники классового подхода к искусству с тревогой замечали, что новое поколение писателей и драматургов, усвоив уроки классиков, начинает присматриваться к новому советскому быту и, в том числе, к не самым симпатичным его проявлениям. «Критикуя даже какую-либо из самых незначительных сторон нового быта, – остерегал Г. Устинов, – он (писатель. – А.З.) должен знать, что критика и избличение есть оппозиция власти» [8, с. 5]. А посему такого рода творчество есть «тихая, замаскированная интеллигентская контрреволюция» [8, с. 4].

Сезон 1924/1925 гг. открылся премьерным показом пьесы А.Н. Островского «Лес». На спектакль 14 октября значительная часть мест была забронирована Губпрофсоветом для фабричных рабочих, которые приняли «Лес» очень хорошо: чутко реагировали на игру актёров, сопереживали героям и смеялись от души. Рецензент А. Латгалов отнёсся к постановке менее благодушно, сочтя её вещь из старого театрального «багажа». «Типы артистов Счастливецва и Несчастливецва отошли в прошлое, – убеждал критик. – Закон эволюции общественных отношений является в то же время и законом эволюции театра» [9]. В тот же сезон театр предложил

публике постановку пьесы А.Н. Островского «Счастливый день» (в соавторстве с Н.Я. Соловьевым).

Самым ярким событием сезона 1925/1926 гг. стала премьера пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце», которой театр, по мнению современников, доказал, что по праву носит имя великого драматурга [10]. Оценка, на которую стоит обратить внимание – учитывая, сколь редки были в то время хоть какие-нибудь положительные отклики на спектакли В.А. Деметра.

20 ноября 1925 г. состоялась премьера пьесы «Свои люди – сочтёмся» в постановке Передвижного показательного театра. Авторы спектакля подошли к материалу, максимально утрировав характеры героев, доведя их до беспощадного шаржа и гротеска. Пожалуй, такая трактовка чужда человеческому А.Н. Островскому, но именно она получила одобрение рецензента «Северной правды», увидевшего в постановке удачный пример «омоложения» драматурга: «Всё нарочито подчеркнуто, всё обнажено – только в таком виде оправдывает себя Островский в наши дни» [11].

Русская классика, приспособляемая к нуждам агитпропа, – печальная примета раннесоветского времени. На этом пути дозволялось «корректировать» в нужную сторону авторский замысел и текст, дополнять его «правильными» коннотациями, расцвечивать интонациями, созвучными эпохе и классовому пониманию задач искусства. Пропагандисты истин «нового» мира полагали, что в борьбе с «буржуазным» культурным влиянием все средства хороши. По счастью, постановщики классических пьес на сцене Городского театра, сумели удержаться от такого рода соблазна. Заметим, что, наряду с пьесами великого драматурга, в 1920-е гг. театром активно ставились спектакли по произведениям русских классиков: А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова.

Экспериментировать с Островским соблазнительно, но непросто. Драматург не любит условностей ради условностей: бытовые и жизненные реалии выполняют у него совсем не вспомогательную и уж тем более не декоративную функцию. Глубина драматургической фактуры произведений А.Н. Островского затрудняет их искусственное и грубо утилитаристское «осовременивание». Чем далее отстоят от насущных задач дня художественные образы, тем меньше у них шансов заслужить благосклонность правоверной советской критики. Возможно, этим объясняется блеклое впечатление от постановки пьесы «Сон на Волге», которой открылся театральный сезон 1925/1926 гг. Этими же мотивами рождена известная оценка пьесы «Снегурочка» (поставлена в сезон 1927/1928 гг.) Ю. Амурским, который назвал творение А.Н. Островского «сказкой для детей младшего возраста, не отличающейся глубиной содержания» [12]. О таких высказываниях обычно говорят, что они больше характеризуют их автора, нежели характеризуемое им произведение. И уж если А.Н. Островский в постановке Костромского драматического театра удостоивался добрых слов Ю. Амурского («На всякого мудреца довольно простоты», 1928), то за строго определённые качества: «Они (пьесы А.Н. Островского. – А.3.) высмеивают

КОСТРОМА

пороки, отражающие быт и нравы старого русского общества, перенесшего частично свою мораль и ханжество в нашу эпоху, тормозя воспитание нового человека и развитие новой культуры» [13]. Пьеса «Волки и овцы», премьера которой состоялась 18 октября 1929 г., была похвалена за критику «религиозного элемента», ведь героиня «совершает ряд подлейших манипуляций под прикрытием “божества”» [14]. Эти оценки, ставящие великого драматурга в один ряд с какими-то морализаторствующими очеркистами-фельетонистами, показывают, что у отбывшего на повышение в Ленинград А.Я. Виленкина появился (в лице Ю. Амурского) достойный литературный преемник.

Анализ материалов, характеризующих содержание постановок великого драматурга на сцене городского театра в 1920-гг., позволяет сделать такой вывод: регулярное обращение театральных деятелей Костромы к творчеству А.Н. Островского – бесспорно, не только знак внимания выдающемуся земляку, не только следование доказавшему свою художественную состоятельность канону. Это способ движения вперед в условиях творческой распутицы, это школа выживания театра в душной атмосфере набиравшего мощь идеологического диктата. Драматургическая классика стала прочным репертуарным фундаментом в непростое время перестройки и ломки привычного жизненного уклада.

Человечное и мудрое слово А.Н. Островского доходило до костромского зрителя, несмотря на инфантильные попытки «осовременить» драматурга за счёт сужения или искажения смысловых подтекстов, несмотря на усилия культурных начальников закрепить за классикой некие прокламационные функции.

Литература:

1. *Едошина И.А.* Сквозь плен времен... Из истории театральной жизни в Костроме. Кострома, 2009. 226 с.
2. *Зябликов А.В.* Из истории Костромского драматического театра им. А.Н. Островского в 1920-е гг. // Щельковские чтения 2015. А.Н. Островский в контексте литературы: конфликт, фабула, цитата, тематика. Сб. статей. Министерство культуры РФ; ФГБУК «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н.Островского “Щельково”». Кострома, 2016. С. 177–188.
3. Теокулус [?] «Гамлет» // Красный мир. 1924. 15 янв.
4. [Объявление без подписи] // Красный мир. 1923. 4 апр.
5. Празднование юбилея Островского // Красный мир. 1923. 18 апр.
6. Теокулус [?] Открытие сезона в Гортеатре // Красный мир. 1923. 6 окт.
7. [Без подписи] // Красный мир. – 1923. – 23 окт.
8. *Устинов Г.* Идеология быта в художественной литературе // Ледокол. 1924. № 1.
9. *Латгалов А.* Открытие гортеатра // Красный мир. 1924. 27 сент.
10. [Без подписи]. «Горячее сердце» // Сев. правда. 1925. 10 дек.
11. [Без подписи]. «Свои люди – сочтемся» // Сев. правда. 1925. 21 нояб.
12. *Амурский Ю.* «Снегурочка» // Сев. правда. 1928. 1 февр.
13. *Амурский Ю.* «На всякого мудреца довольно простоты» // Сев. правда. 1928. 20 окт.
14. *Амурский Ю.* «Волки и овцы» // Сев. правда. 1929. 18 окт.

НИКОЛАЙ МУРЕНИН родился в с. Макарово Саратовской области, жил в Эссентуках, Саратове, Красном-на-Волге, Москве, с 1981 года – в Костроме. Был редактором ряда периодических изданий (сейчас – главный редактор историко-краеведческого журнала «Губернский дом»), ведущим телепрограммы «Жизнь замечательной Костромы». Стихи печатались в журналах «Юность», «Волга», «Дон», «Русская провинция», «Русский путь», альманахах и коллективных сборниках, выходящих в Москве, Саратове, Ярославле, Костроме. Автор двух сборников стихов и двух сборников рассказов, восьми книг по истории Костромского края. Лауреат премий в области культуры и краеведения – имени И.А. Дедкова, Д.С. Лихачёва, А.А. Григорова. Награждён медалями Союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» и Костромской области «Труд. Доблесть. Честь». Член Союза писателей России.

«ЭТОТ ЧЕЛОВЕК – ТАЛАНТ ОГРОМНЫЙ»

Александр Николаевич Островский. Имя это знакомо каждому со школьной скамьи. Вспомним: «драматург на все времена», «хозяин русской сцены», «рыцарь театра», «русский Шекспир», «апостол жизненной правды»... А ещё без монументальности – очень живой, интересный человек, который удил рыбу, мастерил мебель, беседовал с крестьянами, записывал народную речь... В общем, по мнению тех же крестьян, барин он был необычный. И разные забавные истории с ним случались, о некоторых из них нам могут рассказать старые печатные издания конца XIX - начала XX веков.

Попадал под полицейский надзор

Было и такое в жизни драматурга. Вот что сообщала газета «Поволжский вестник» в 1911 году (№ 1476 от 2 мая):

«Сегодня исполнилось 25 лет со дня смерти нашего соотечественника-костромича, известного писателя-драматурга А.Н. Островского.

<...> В 1847 году в «Московском Городском Листке» напечатано его первое литературное произведение «Картина семейного счастья», затем в этом же году появились в печати «Очерки Замоскворечья» и одна сцена из комедии «Банкрот». Это произведение имело громадный успех, но в то же время повлекло за собой довольно неприятное последствие: по жалобе московского купечества, очень обиженного этой пьесой, Островский был уволен со службы и отдан под надзор полиции как «неблагонадёжный». По воцарении Императора Александра II Островский был помилован.

КОСПРОМА

Островский сознавал, что лица, которые послужили ему как оригиналы действующих лиц драматических произведений, отчасти только виноваты в той жизни, которую они ведут, главной же причиной является некультурность, неразвитость общества.

Вспомните внимательнее – и вы в типах Островского увидите много-много современных “дельцов”. Но только вид у них другой. Изменился внешний облик, изменился покрой платья, изменился оборот речи, а основное осталось: недоразвитость интересов, мещанская пошлость мышления. В произведениях Островского красной нитью проходит основной принцип – правды жизни. Недаром князь Одоевский, говоря об Островском, писал: “Этот человек – талант огромный”».

Закусывал девичьей кожей

Эта история описана в книжечке М.Г. Кривошлыка «Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей», изданной в С.-Петербурге в 1898 году:

«Первые свои известные произведения А.Н. Островский печатал в «Москвитянине», который издавал М.П. Погодин, имевший свою систему оплаты авторам... Вскоре Погодин стал платить Островскому 50 рублей в месяц, но за это молодому писателю приходилось заниматься и корректурой текстов, и написанием критических статей, да и работать часто приходилось до глубокой ночи. Погодин из-за своей скупости сотрудников журнала на ужин не оставлял, а ночью поесть им было уже негде.

А.Н. Островский позднее вспоминал: «Так мы с голоду и холоду заходили по дороге к знакомому аптекарю на Кузнецком мосту, и тот угощал нас «аптечной» водкой – спиртом, разбавленным дистиллированной водой. А на закуску предлагал нам девичью кожу...». Не пугайтесь, уважаемые читатели! Девичьей кожей в XIX веке называлась своеобразная пастила, приготовленная из отвара алтеевого корня с яичными белками и с сахаром».

Сочинял стихи и сказки

Конечно, всем хорошо известна весенняя пьеса-сказка «Снегурочка». Но ещё до неё, в 1867 году, была написана волшебная сказка «Иван-царевич», которая осталась незаконченной. В ней кроме собственно царевича было ещё три Ивана – старухин, девкин, кошкин. Действие происходит, в том числе, и на мельнице с мельником, однако русалки, как у Пушкина, здесь нет, но зато есть Баба-Яга, Кощей Бессмертный и другие сказочные персонажи.

А ещё драматург находил время и для стихотворений. Вот одно из них, называется «Артисту», написано в 1867 году в Щелькове:

Поэта-гения творенье,
Резца и кисти образцы
Живут, векам на удивленье,
И вечно славят их творцы.

Но быстротечно обаянье,
Которым нас чарует мим,
Его мгновенное созданье
Бесследно гибнет вместе с ним.
Но пусть созданий не оставит
Себе великий лицедей –
При жизни памятник поставит
В сердцах достойнейших людей.
Его минутны вдохновенья
И вековечно торжество.
Ему – венки и поклоненья,
Бессмертье имени его.

Некоторые стихотворения Островского называются песнями – зимняя, путевая, колыбельная, как говорится, на все случаи жизни.

Собирал народную речь

Сочинитель собственных песен любил собирать народные, а также записывать пословицы и поговорки. Песню про галку он записал в Щельковке:

Скачет галка по ельничку,
Бьёт хвостом по березничку:
Наехали на галку разбойнички
Сняли они с галки синь сарафан,
Не в чем галочке по городу гулять,
Плачет галка, да негде взять...

Во время этнографической экспедиции по Волге в 1856 году Александр Николаевич собрал целую коллекцию поговорок, которые потом, естественно, использовал в своих произведениях. Вот некоторые из них:

Дай в долг, а порукой – волк.
Эту снасть не руками класть (о рыбе – не ловится,
так ничего не сделаешь).
Пошёл по колун, да там и потонул.
Парит да марит, а дождичек приударит – хлеб будет добрый.
Садись, старичок, поцарапай Волгу-то, поваландайся.

Этнографические материалы, собранные в ходе экспедиции, Островский изложил в очерке «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», опубликованном в «Морском сборнике» в 1859 году.

Был уважаем народом

Любивший народную речь А.Н. Островский, в свою очередь, был любим народом. К пьесам его проявляли интерес и врачи, и учителя, и крестьяне,

КОСТРОМА

хотя последние не всегда имели возможность эти пьесы увидеть. Так, газета «Костромской листок» от 30 августа 1902 года сообщала следующее:

«16 августа кружком местной интеллигенции во главе с врачом А.О. Михайловым в помещении земской школы был устроен спектакль по бессмертной комедии А.Н. Островского «Бедность не порок» в пользу детских яслей в селе Семёновском... Спектакль можно назвать удачным. Успеху его много содействовали своим участием некоторые из господ членов Кинешемского музыкально-драматического кружка... В заключение позволим себе заметить, не в обиду господам устроителям, что, как ни симпатична сама по себе благотворительная цель спектакля, если и имевшего почти полный сбор, так только благодаря исключительно окрестной интеллигенции, всё же грустно было видеть недовольную толпу мужичков, баб и ребятишек, в течение всего вечера буквально осаждавших школу, «чтоб хоть краем уха слышать что-нибудь» и не имевших возможности из-за дороговизны (первые места 1 р 90 коп., последние, стоять – 27 коп) быть настоящими зрителями такого редкого в деревенской жизни зрелища, как театр. Если уж нельзя довести цены в таких спектаклях до известного минимума, то было бы в высшей степени желательно повторение тех же пьес исключительно для народа по дешёвым ценам...».

И сегодня, спустя много лет, интерес к творчеству Островского не ослабевает, он по-прежнему современен. Однако это вовсе не значит, что герои его пьес должны ходить в джинсах или считать деньги на калькуляторе. А такое, увы, в некоторых театрах случается. И не только с произведениями Островского, но и других выдающихся авторов. Действие «Ревизора», например, происходит в сауне и бассейне (замечательно, на костюмы не надо тратиться), а Гамлет гоняет на мотоцикле (на красный проскочить или нет – вот в чём вопрос). Ну и так далее, режиссёры-новаторы развлекаются, кто как может, даже изменяют известные тексты, и называется всё это новым прочтением классики, мол, молодому зрителю понятней будет. Интересно, а что сказал бы по этому поводу сам «хозяин русской сцены»?

ЛЮДМИЛА СОЛОВЬЁВА – заместитель директора по библиотечной работе Костромской областной универсальной научной библиотеке. В 1992 году окончила Московский государственный институт культуры. Занимается исследовательской деятельностью, итогом которой являются её выступления на научных конференциях и публикации в сборниках. С 2014 года в круг научных интересов вошла тема биобиблиографических разысканий о биографах А.Н. Островского, литературных и театральных критиках, писавших о творчестве драматурга.

ГЕОРГИЙ ТИТОВИЧ СИНЮХАЕВ – АВТОР «ТРУДОВ И ДНЕЙ ОСТРОВСКОГО»

Для того чтобы изучить жизнь и творчество писателя или драматурга, нужны как минимум две составляющие: полное собрание сочинений, где с точной датировкой и возможными вариантами отражены все его произведения, а также «летопись жизни и творчества», с максимальной полнотой отражающая все вехи биографии писателя.

С конца 80-х годов девятнадцатого столетия в русском литературоведении начал складываться такой литературно-научный жанр, как летопись жизни и творчества. До 1917 года эти работы назывались хронологической канвой, а с 1924 года в научный оборот вошло название «летопись жизни и творчества».

В 1924 году в сборнике «Островский. Новые материалы» [1] увидела свет работа Г.Т. Синюхаева «Труды и дни Островского».

Надо отметить, что на год раньше, в 1923 году, в литературно-театральном семинарии «Островский», изданном в Иваново-Вознесенске Н.К. Пиксановым [2] появился справочный отдел с названием «Краткий летописец жизни Островского». Один из авторов сборника «Островский. Новые материалы...» Н.В. Измайлов писал, что ранее научного изучения текстов по рукописям драматурга не было, не изучалась история отдельных текстов, имели место искажения текста». Но именно работа Синюхаева, вышедшая годом позднее, дала исследователям жизни и творчества драматурга необходимый справочный материал.

Г. Т. Синюхаев в предисловии к «Трудам и дням Островского» писал: «11 лет тому назад (в 1912 г.) появилась в Париже книга J. Patouillet „Ostrowsky et son théâtre de moeurs russe“. Знакомство с ней побудило меня сначала перевести её на русский язык (перевод не был издан), а затем приняться за подготовительную работу к созданию русской книги, достойной имени А. Н. Островского» [3]. Издание труда Патуйе прошло практически незамеченным во Франции, но вызвало бурное обсуждение в русской

литературной и театральной среде, дав толчок для развития отечественного островковедения. «Труды и дни Островского» Г. Синюхаева – это подготовительный материал для так и не написанной им книги об Островском. Сам свою работу он называл «биографической канвой».

Г.Т. Синюхаев последовательно осветил его жизненный путь, опираясь на широкий круг печатных источников, архивные документы из собрания наследников Островского (как например даты писем писателя к жене и краткое их содержание), фондов Публичной библиотеки и библиотеки Академии наук. Факты литературной и частной жизни Островского Г. Синюхаев сопроводил ссылками на источник. Выделил в тексте особым шрифтом дату, когда была написана пьеса, когда напечатана и когда впервые поставлена [4]. А также дал краткие комментарии. Справочный аппарат к пособию содержал список условных сокращений, именной указатель и указатель произведений Островского. Для облегчения поиска в «Трудах и днях Островского» был указан соответствующий год в колонтитуле. Все даты составитель указал в старом стиле.

К моменту издания Пушкинским Домом сборника «Островский. Новые материалы» поступившие рукописные материалы помогли уточнить и дополнить биографию и тексты Островского, что и побудило Б.В. Томашевского добавить новые факты к творческой жизни писателя и составить дополнение к хронологической канве Синюхаева. Издание летописи Г.Т. Синюхаева с дополнениями Томашевского создало новую почву, на которой в дальнейшем исследователи, в частности Коган, смогли создать «Летопись жизни и творчества Островского».

Кроме «Трудов и дней А.Н. Островского», у Г.Т. Синюхаева ещё по крайней мере четыре наиболее известные работы, посвящённые творчеству и жизни драматурга, которые после появления практически сразу были введены в научный оборот. Многие исследователи творчества Островского ссылались на эти работы, соглашаясь или споря с автором.

В 1923 году выходят две большие статьи Синюхаева. Статья «Островский и народная песня» вышла в 28 томе Известий отделения русского языка и словесности РАН, вторая – «Болезнь и смерть Островского» в юбилейном сборнике «Памяти А.Н. Островского» под редакцией Е.Д. Карпова. Статья была наиболее основательной из работ того времени (20-х годов 20 века), посвящённых «Снегурочке» Островского. Синюхаев в своей работе приходит к выводу, что большая часть включённых в текст пьесы песен (18 из 20) являются переработкой фольклорных текстов или продуктами самостоятельного творчества драматурга.

Статья «Болезнь и смерть Островского» имеет подзаголовок «глава из биографии», биографии, так и не написанной Синюхаевым. Здесь Георгий Титович постепенно, начиная с 1872 года, показывает читателю, как ухудшается здоровье драматурга. «Если отбросить некоторую часть жалоб и опасений, отнеся их на счёт болезненной мнительности Островского, то всё же нельзя не признать, что он в последнее десятилетие своей жизни не жил, а мучился», – пишет Синюхаев в своей работе. Хронологически вся статья

выстроена по высказываниям Островского в его переписке и по воспоминаниям современников. Для написания этой работы Синюхаевым было просмотрено много открытых источников, семейный архив Островских (брата С.Н. Островского), он встречался с людьми, знавшими драматурга – с П.О. Морозовым, Е.П. Карповым. Впервые в этой статье было напечатано последнее письмо Островского к жене от 25 мая 1886 года, с точным соблюдением правописания подлинника.

В 1929 года под редакцией С.А. Островского, Г.Т. Синюхаева и Ю.М. Юрьева Ленинградский отдел Всероссийского литературно-драматического и музыкального общества имени А. Н. Островского выпустил альбом «Старый быт в произведениях А. Н. Островского». В альбоме представлены иллюстрации к пьесам Островского с весьма выразительными названиями и цитатами из пьес. Создали их художники Кардовский Дмитрий Николаевич, Френц Рудольф Рудольфович, Владимиров Иван Алексеевич, Сварог Василий Семёнович, Линблад Константин Эдуардович, Бучкин Пётр Дмитриевич, Замирайло Виктор Дмитриевич, Тронов В.А., Шиллинговский Павел Александрович. В музее – заповеднике «Щельково» в коллекции «Изобразительное искусство» сохранились подлинные рисунки к этому альбому.

Интересен текст, который предвосхищает эти иллюстрации: «А.Н. Островский изобразил целые десятки, даже сотни отрицательных типов. Некоторые из них отошли уже в область предания. Раскрепощённая женщина входит в наши дни равноправным членом в многомиллионный коллектив трудящихся. Нет более самодурства родителей при браке детей. Нет раболепства жены перед мужем, которому раньше она была земные поклоны. Вывелись окончательно свахи, думавшие, что без них и мир кончится. Не встречается более администраторов во вкусе городничего (из «Горячего сердца»), который благодушно взирал на эксплуатацию рабочих капиталистом, получая за это с него денежную «благодарность». Многие печальные рыцари «тёмного царства» ушли в область предания, но многое не изжито ещё окончательно. До сих пор не одержана ещё полная победа над алкоголем, над пьяным разгулом. Пьянство, позорное наследие царского режима, всё ещё тяготеет над трудящимися СССР. Взятничество, неременный спутник капиталистического строя, разъедает наш служебный аппарат. Невежество, порождённое темнотой, в которой царская власть сознательно держала народ, только постепенно идёт на убыль под напором широкой политико-просветительной работы. Мещанская идеология всё ещё тормозит строительство нового быта. Религиозные предрассудки и тёмное суеверие не изжиты ещё и сейчас. И все эти типы порока, не чуждые и нашей современности, – типы пьяниц, беспросыпных гуляк, самодуров и дебоширов, поливающих шампанским дорожки сада и губящих свежие поросли подрастающего поколения, запойных алкоголиков, которым кажется, что треснуло небо и валится на их головы, убеждённых мздоимцев и взяточдателей, бездушных бюрократов, толстосумов-аршинников, имеющих основную заповедь – «не обманешь, не продашь», – все эти типы даны Островским в его сценических творениях. Настоящее издание имеет целью

КОСПРОМА

приблизить трудящиеся массы к социальному пониманию Островского и лишней раз подчеркнуть его социальную значимость. В альбоме, по специальному заказу, выполнены типы и сцены из произведений А.Н. Островского. Краткий пояснительный текст взят из пьес отца русского бытового театра. Весь альбом живописует быт при царизме. Он не изжит нами в целом, и борьба с его остатками составляет цель культурной революции».

В 1930 году силами Ленинградского отделения Всероссийского литературно-драматического общества была напечатана статья Синюхаева «Инсценированная клевета на А.Н. Островского», в которой автор рассказывал о претензиях Д. А. Тарасенкова (Горева) на авторство комедии «Свои люди – сочтёмся» и поддерживающей эту версию комедии С.Р. Брянцева «Заблуждение» (1856). Статья имела размер в 19 страниц и первоначально была докладом, который был прочитан Георгием Титовичем на 103-м научном собрании Пушкинского дома в апреле 1927 года.

Больше работ Г. Синюхаева, посвящённых жизни и творчеству А.Н. Островского, опубликовано не было. Но всё же, кто был этот человек, который стал первым автором «летописи жизни и творчества» драматурга?

Статский советник, литературовед, преподаватель словесности и русской литературы Георгий Титович Синюхаев родился 26 ноября 1875 года в семье терского казака станицы Старогладковской. Его отец Тит Григорьевич Синюхаев, из старообрядцев, был урядником Гребенского полка, участвовал во многих операциях против горцев, стал полным Георгиевским кавалером и вышел в отставку подполковником (188? г.).

Георгий Титович окончил Санкт-Петербургский университет, Петербургский археологический институт (1902). С 12 декабря 1904 – преподаватель кадетского корпуса Александра II. Преподавал также в Екатерининской немецкой школе или Екатерининском училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, которое находилось на Большом проспекте Васильевского острова в Санкт-Петербурге, в приюте принца Ольденбургского.

Позже кадеты и учащиеся немецкой школы, в частности Владимир Яковлевич Ионас, вспоминали своего преподавателя такими словами: «преподаватель словесности и русской литературы Георгий Титович Синюхаев, человек военной выправки, носивший форму казачьего офицера, роста выше среднего, жгучий брюнет, отличался спокойными, неторопливыми, уверенными и почти величественными движениями. Несмотря на это, он не был похож на школьного ментора, в его манере было что-то естественно-простое, размеренное, вселявшее уважение и доверие. За всё время его обучения не было случая, чтобы он повысил голос, спокойствие в классе устанавливалось само собой» [5]. А вот как вспоминает своего преподавателя Андрей Бертельс-Меньшой: «Чувство героического, созидательного и воинственного патриотизма доводил до крайней степени в маленьких александровцах преподаватель русского языка, терский казак, статский советник Синюхаев. Это был крупный брюнет с усами и эспаньолкой, напоминающий Портоса из «Трёх Мухометеров» [6].

Георгий Титович, был личностью увлекающейся. Помимо преподавания, он ещё был автором-составителем хрестоматии и учебного пособия по русской литературе «После Гоголя», которое вышло в двух томах, очень увлекался археологией и историей. Его авторству принадлежат статьи о Марине Мнишек, Я.П. Бакланове, П. И. Багратионе. После окончания в 1902 году Императорского Археологического института, летом 1903 года Синюхаев совместно с М.А. Рахмановым, А.В. Арцимовским участвует в изучении Коломны как археологического памятника. Поводом послужила красивая легенда о заточении Марины Мнишек в Коломенской башне, а также научная полемика. Г.Т. Синюхаев в апрельском выпуске журнала «Русская старина» опубликовал заметку о месте кончины известной полячки Марины Мнишек. В мае 1903 г. иезуит-историк П.О. Пирлинг подверг сомнению эту точку зрения. Задетый ответом, Г.Т. Синюхаев и его друг М.А. Рахманов решили лично проверить знаменитое «Коломенское предание». Императорская Археологическая комиссия выдала каждому из просителей Открытый лист на г. Коломну и уезд.

Раскопки велись арестантами коломенской городской тюрьмы, которые вывезли из подвалов башни 16 подвод с землей. «За недостатком средств и в связи с отсутствием арестантов в тюрьме» раскопки сами собой прекратились. Находок обнаружено всего две: парчовый шнурок и позумент, которые и были сданы на хранение в Императорский Русский исторический музей.

Будучи глубоко русским человеком и имея корни терского казачества, Г.Т. Синюхаев не остался в стороне, когда началась Первая мировая война. По инициативе Г. Т. Синюхаева и полковника в отставке К. И. Щедринского было организовано Общество вспомоществования терским казакам. Средства общества складывались из членских взносов, пожертвований, доходов от благотворительных концертов. Около 1000 рублей принесло обществу издание открыток с казачьими патриотическими песнями и со стихами георгиевского кавалера Н.А. Караулова. Основной формой работы общества стал сбор и отправка во фронтовые казачьи части необходимых вещей: белья, рубах, носков, перчаток, портянок, платков, пуговиц, мыла, махорки, кисетов и т.п. Общество определило за свой счет 10 девочек в приют дочерей погибших отцов в Лигово, основанный отставным сотником Терского казачьего войска В.В. Казариновым. Детям убитых оказывалась денежная помощь – единовременная и разовая. Деятельность Общества прекратилась предположительно осенью 1917.

К 1917 году Георгий Титович Синюхаев, статский советник, был награждён орденом св. Анны 3 ст. (1906), орденом св. Станислава 2 ст. (1910). Женат на Анне Карловне Синюхаевой, отец двух сыновей – Георгия и Бориса.

После революции 1917 года был закрыт Александровский кадетский корпус, где преподавал Георгий Титович. Та же участь постигла и Екатерининскую немецкую школу при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины.

С открытием в феврале 1919 года Литературной студии петроградского пролеткульта Г. Синюхаев читал курс теории словесности. Среди лекторов

КОСПРОМА

Литературной студии были – Н. Гумилев, Н. Лернер, А. Пиотровский. К. Чуковский.

С 1921 по 1926 годы Г.Т. Синюхаев служил преподавателем на рабфаке в институте инженеров путей сообщения.

С конца 20-х годов Георгий Титович – младший научный сотрудник словарного отдела Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (ИЯМ) АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН). Институт размещался в Главном здании Академии наук в Ленинграде, на Университетской набережной, дом. 5. Словарный отдел находился отдельно, в здании Института литературы на Тучковой набережной, дом 2. Синюхаев служил в отделе, который носил название «Словарь современного русского языка». Перед войной Словарный отдел подготовил проект «Словаря современного русского языка».

На начало 1941 года штат института составлял 121 человек. С началом войны во всех академических учреждениях началось сокращение штатов. 17 августа в Институте языка и мышления прошло первое массовое увольнение «в связи с новым штатным расписанием». Были уволены 21 человек, из них 15 научных сотрудников. Сокращение коснулось особенно Словарного отдела, откуда шли массовые увольнения с формулировкой «в связи с сокращением объёма работы». Скорее всего, Г.Т. Синюхаев был уволен по сокращению штата именно в августе 1941 года. На тот момент ему было 67 лет. И уже в ноябре 1941 года, когда Ленинград находился в блокадном окружении, сотрудников ИЯМ осталось уже 34 человека.

Первая блокадная зима была самой страшной для Ленинграда. Георгий Титович Синюхаев скончался в марте 1942 года и был похоронен на Пискаревском кладбище.

Литература:

- 1.Островский : новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи / под ред. М. Д. Беляева ; Труды Пушкинского дома при РАН. - Ленинград : Гос. изд-во, 1924. - [6], 458 с., 2 л. портр.
- 2.Пиксанов Н.К. Островский : лит.-театр. семинарий. Введение в изучение Островского. Летописец жизни. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Систематич. библиогр. / Н.К. Пиксанов. - Иваново-Вознесенск : Основа, 1923. - 101, [3] с.
- 3.Синюхаев Г.Т. Труды и дни Островского // Островский : новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи / под ред. М. Д. Беляева; Труды Пушкинского дома при РАН. - Ленинград : Гос. изд-во, 1924. С. 303.
- 4.То же. С. 361.
- 5.Ионас В.Я. Немецкая школа. История Петербурга 2006. №2 (30).
- 6.Бертельс-Меньшой А. О наших воспитателях и преподавателях // Кадетская переключка. 1976. № 16. С. 30.

Библиография работ Г.Т. Синюхаева:

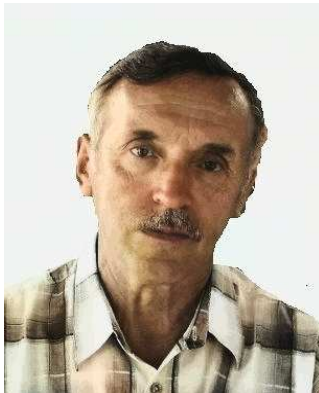
- 1.Синюхаев Г.Т. Марина Мнишек и шах Аббас // Русская старина. 1903. Т. 11. С.158.
- 2.Съезд преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (1; 1903; Петербург). Труды Первого Съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. (22-31 дек. 1903 г.) / Под ред. секр. Съезда П.В. Петрова и при содействии В.М. Пушкина, С.А. Переселенкова и Г.Т. Синюхаева. - СПб : Пед. музей воен.-учеб. заведений, 1904. - XX, 434 с.
- 3.Синюхаев, Г.Т. Гоголь. 1809 - 20 марта - 1909: речь, произнесенная в училище при Ев.-Лют. церкви Св. Екатерины, Ксенинском институте и кадетском корпусе Императора Александра II / Г. Т. Синюхаев. - Санкт-Петербург : Типография А. Бенке, 1909. - [2], 18 с.

- 4.Синюхаев, Г. Т. После Гоголя : пособие и хрестоматия для ст. классов сред. шк. и для самообразования / сост. Георгий Синюхаев, преп. Павлов. воен. уч-ща. Ч. 1-2. - 2-е изд., испр. и знач. доп. - Санкт-Петербург : тип. Имп. уч-ща глухонемых, 1911-1912.
Ч. 1, вып. 2 : Гончаров. Островский. - 1912. - 296 с. : портр. - В содерж. также пьесы А.Н. Островского: Свои люди - сочтемся ; Бедность не порок ; Гроза ; Доходное место. - 4 р.
Содержание:
Островский, А.Н. Свои люди - сочтемся : комедия в 4 д. / А. Н. Островский. - С.206-227
Островский, А.Н. Бедность не порок : комедия в 3 д. / А. Н. Островский. - С.227-244
Островский, А.Н. Гроза : драма в 5 д. / А. Н. Островский. - С.245-271
Островский, А.Н. Доходное место : комедия в 5 д. / А. Н. Островский. - С.272-295.
- 5.Синюхаев, Г.Т. Я.П. Бакланов. 1809-1873 г. : биографический очерк / Г. Т. Синюхаев. - Петроград : Гл. упр. воен.-учеб. зав., 1915 (тип. т-ва "Худож. печатня"). - 32 с. : портр.
- 6.Синюхаев, Г. Т. Генерал от инфантерии князь. 1765-1812 г. : биографический очерк / Г.Т. Синюхаев. - Петроград : Гл. упр. воен.-учеб. зав., 1915 (тип. т-ва "Худож. печатня"). - 32 с.
- 7.Синюхаев, Г. Т. По школам Англии : отчет о летней командировке 1914 г. / Г.Т. Синюхаев, преп. кадет. имп. Александра II корпуса. - Петроград : тип. М.М. Стасюлевича, 1915. - 42 с. : черт., схем.
- 8.Синюхаев, Г.Т. Островский и народная песня / Георгий Синюхаев. - [Б. м.] : [б. и.], [19--]. Отг. из: Известия 2-го Отд. Рос. акад. наук, т. 28 (1923), стр. 9-70
- 9.Памяти А.Н. Островского : [К столетию со дня рождения. 1823 31 марта/13 апреля 1923] Сб. ст. об Островском и неизданные труды его / Под ред. засл. режиссера Е. П. Карпова, проф. Петрогр. ун-та Д. К. Петрова, учен. хранителя Пушкинск. дома при РАН. М. Д. Беляева и зав. Центр. б-кой Русск. драмы Петрогр. акад. театров А.С. Полякова С портр. А.Н. Островского и ил. П. М. Боклевского, И. Шарлеманя, П. Б. Ламбина [и др.] Петрогр. о-во им. А. Н. Островского. - Петроград : Путь к знанию, 1923. - 276, [2] с., 8 л. ил., портр.
Среди авторов Г.Т. Синюхаев – Болезнь и смерть Островского – С. 98 – 120.
- 10.Альбом. Старый быт в произведениях А. Н. Островского / под ред. Ю. М. Юрьева, С. А. Островского, Г.Т. Синюхаева; Издание Всероссийского литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н. Островского, Ленинградский отдел. - Ленинград, 1929. - 9 с. текст : 19 ил.
- 11.Синюхаев, Г.Т. Инсценированная клевета на А.Н. Островского: (читано на 103-м науч. собрании Пушкинского дома Акад. наук СССР, 14 апр. 1927 г.) / Г. Т. Синюхаев (Гребенский) ; Ленингр. отд. Всерос. лит.-драматич. и муз. о-ва им. А. Н. Островского. - Ленинград : тип. Гидр. упр. Упр. в-мор. сил РККА, 1930. - 19 с., [1] с. "Труды Г.Т. Синюхаева"

О нем:

- 1.Опоков, З. З. Несколько возражений рецензенту [Синюхаеву], по поводу отзыва о "Русском орфографическом словаре", [напеч. в "Пед. сб." 1906 г.] / [соч.] З. Опокова. - Киев : тип. Р.К. Лубковского, 1907. - 20 с.
- 2.Чернышев В. И. Русская песня у Островского: дополнения и заметки к статье Г. Синюхаева «Островский и народная песня» (ИОРЯС. 1923. Т. XVIII) // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1929. Т. II, кн. 1. С. 294 – 314.
- 3.Бертельс-Меньшой А. О наших воспитателях и преподавателях // Кадетская переключка. 1976. № 16. С. 30.
- 4.Боев, Максим Юрьевич. Санкт-Петербургский Александра II кадетский корпус, 1886 - 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Орел, 2003. - 370 с.
- 5.Ионас В. Я. Немецкая школа. История Петербурга 2006. №2 (30)
- 6.Императорская археологическая комиссия (1859 - 1917) : приложение : у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия : к 150-летию со дня основания / Российская акад. наук, Ин-т истории материальной культуры ; научный ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. - Санкт-Петербург : Буланин, 2009. - 207 с., [1] отд. л. табл. *О Г.Т. Синюхаеве – С. 84,121.*

II. ДРАМАТУРГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОСТРОМСКИХ АВТОРОВ

ВЛАДИМИР ПРОСКУРЯКОВ родился в 1952 г. в Костроме, окончил музыкальное училище, юридический институт, Академию МВД СССР. С 1997 года проживает в г. Волгореченске Костромской области. Поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России. Изданы сборники «Зеркало», «Просто – жить...», сборник пародий «Сыромятина», сборник прозы «Перепутье». Стихи опубликованы в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Русский писатель» (СПб), «Арина» (Н.Новгород), «Сура» (Пенза), «Кострома литературная»; интернет-изданиях «Великоросс» и «День литературы». В 2021 году за заслуги в области литературы награждён ведомственной наградой Министерства культуры РФ и Союза писателей России – медалью им. М.А. Шолохова Заместитель председателя Костромской областной писательской организации. Лауреат Областной премии имени А.Ф. Писемского 2022 г.

ЛЕСОРУБЫ

пьеса в 3 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БОГОМОЛОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ – мастер леса, 30-35 лет

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ – предприниматель

НИКОЛАИЧ И СЕРГЕИЧ – бригадиры лесорубов

НИКОЛАЙ – водитель лесовоза, молодой парень

РАБОЧИЕ-ЛЕСОРУБЫ – 4 человека

ИГНАТОВ ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – начальник отделения полиции, майор, 40 лет

ПЕТУХОВ СЕРГЕЙ – участковый, старший лейтенант, около 30 лет

ИВАНОВА АННА ФЁДОРОВНА – глава Самсоновской сельской администрации

ВЕТРОВ ИЛЬЯ – житель с. Самсоново, 45 лет

НИКИФОРОВ ИВАН – житель с. Самсоново, 55 лет

СМИРНОВА НИНА ПЕТРОВНА – кладовщица лесосклада

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ АРКАДИЯ АРСЕНТЬЕВИЧА – 2 человека.

РУКОВОДИТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ (СОГ) – капитан полиции.

Действие первое

Явление 1

Скромная контора лесосклада. В помещении – дощатый стол с проводным телефоном и несколькими бумагами, по двум стенам в ряд стоят дешёвые стулья, в углу за столом – металлический ящик-сейф на тумбе. Через два небольших окна видны штабеля леса-кругляка. Мастер говорит по телефону с неизвестным собеседником, сидящий на стуле у окна бригадир Николаич помалкивает...

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ *(в телефон)*: Да-да... Понял... Опасаюсь я, Аркадий Арсентьевич! Вот-вот дороги рухнут, мы и заготовленное уже можем не успеть вывезти. Под лесовозами и сейчас лужи, под колёсами всё ползёт... Как – ещё тыщу кубов? У нас по квоте всего двести осталось... И потом, Аркадий Арсентьевич, уж вы извините меня, но дело-то это... как бы сказать... немножко подсудное. Вы бы мне документик какой прислали на увеличение квоты по заготовке, мне бы с ним спокойнее было... Сами знаете, органы в нашу сторону сейчас очень неровно дышат... *(пауза)* Я всё понял *(в телефон)*, Аркадий Арсентьевич, будем сверх квоты резать ещё тыщу... До свидания, Аркадий Арсентьевич! *(в сердцах грохнув трубку на телефон)* Слышал, Николаич?

НИКОЛАИЧ: Слышал... Ох, и подставляешься ты, Викторыч!

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ *(с досадой)*: Сам вижу... Хозяин далеко, все команды – по телефону, а случись что – кто крайний? Я ему: «документик пришлите», а он мне: «Я вместо тебя, умника, другого мастера пришло!» Вот так и поговорили...

НИКОЛАИЧ: Ну, я-то, Викторыч, не лох, я без бумажки сверх квоты валить лес не буду. Да если я своих мужиков подставлю – ты хоть представляешь себе, что они со мной сделают? А в лесу и концов потом не найдёшь... Будет документик по полной форме – будут вам и лишние кубики!

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: Ты когда в лес-то? Сделаю я тебе документик, с машиной перешлю.

НИКОЛАИЧ: Скоро первая машина с лесом придёт, с ней и уеду. *(За окном слышится гул тяжёлой автомашины)* Ну вот, легки на помине!

(В контору вошёл Сергеич, бригадир)

СЕРГЕИЧ: Всем привет! Какие новости в миру?

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: Я не понял – ты откуда? Из дома, так вроде, поздновато...

СЕРГЕИЧ: Эка, хватил – из дома! Я уже, командир, из лесу. Вчера засёк, как в посёлке наш водила, не буду говорить – кто, горячим в магазине загрузался. Вот я последним рейсом с порожним лесовозом туда и уехал ночевать. Думаю, как бы чего не вышло, ежели переберут ребята... Ну и

КОСПРОМА

удивились они, когда я к ним в вагончик ввалился! Но зато не перепили, сегодня все работают...

НИКОЛАИЧ: А если бы не вышли сегодня?

СЕРГЕИЧ: Нарушителям трудовой дисциплины объявил бы строгий выговор... с занесением в нижнюю челюсть!

НИКОЛАИЧ (*сокрушённо*): У меня на такие выговоры здоровья не хватит...

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: Ты про новости, Сергеич, спрашивал? Так вот новость: хозяин даёт команду ещё на тыщу кубов сверх квоты. Так что вам с Николаичем по пятьсот...

СЕРГЕИЧ: Командир, а не рехнулись вы вместе с хозяином? Успеть бы квоту-то полностью вывезти! Заготовить не проблема, а как вывозить? Вертолётами – так лес-то золотым встанет! Считанные дни остались на вывоз, тает зимник даже ночью.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: Не успеем нынче, так на следующую зиму вывезем.

СЕРГЕИЧ: Командир, ты меня извини за прямоту, но мне интересно – кто тебя к нам мастером прислал, если ты в лесном деле ни хрена не понимаешь? Да кому наш лес через год нужен будет – под дождями помокший, под солнышком посохший, короедом побитый? Это уже не деловая древесина, понимаешь? А на дрова его вывозить за сорок вёрст – себе дороже, его даже по себестоимости никто не купит. Всё, что не вывезем, впустую пропадёт. Потому я тебя и спрашиваю: ты вывезешь всё, что заготовим? За те кубометры, что мои мужики на землю положат, хозяину всё равно заплатить нам придётся, только себе в убыток! Переговори ещё раз с хозяином...

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ (*обречённо махнув рукой*): Бесплезно!

СЕРГЕИЧ: Да, я ж тебе о наших новостях не рассказал! Колька Семёнов свой «Урал» у Гнилого ручья опрокинул. Лес – внизу, машина на боку... Николаич, поезжай с моей машиной, её уже, наверное, разгрузили. Помогите там, надо «Урала» поднимать, сейчас каждый борт на счету.

НИКОЛАИЧ (*уходя*): Я и так собирался, надо своих проверить.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: Как же машину на дорогу обратно поднимать?

СЕРГЕИЧ: Два лесовоза, две лебёдки... Непросто, но технология отработана.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ: А сорок кубов леса у ручья – как собирать?

СЕРГЕИЧ: Никто их собирать не будет! Себе дороже... Вот прикинь, Викторovich: лишнего погрузчика у нас здесь нет, а свои оба заняты в бригадах на отгрузке. Оттуда до ручья вёрст двадцать будет. Сколько времени туда гусеничный погрузчик проползёт? Теперь считай, сколько времени уйдёт, чтобы поштучно весь кругляк вытащить на дорогу да погрузить на лесовоз? И наконец, дорога там совсем узкая, не разъехаться, так что пока там лес

подымают, ни в одну сторону никому не проехать... Вот такая тут арифметика! Да что я тебе рассказываю! Это давно повелось, и не первый год... Раньше узкоколейка была, так и на ней сцепы опрокидывались. И там их никто не собирал... разве что местные иногда... на бани да на дрова.

Явление 2

Зимний вечер. Вагончик-теплушка в лесной делянке. В обоих концах вагончика – сплошные нары, посередине – чугунная «буржуйка» и дощатый стол с двумя лавками. На ряде гвоздей, вбитых в стену за печкой, сохнет верхняя одежда. На печке – бригадный котёл, на столе большой алюминиевый чайник и металлические кружки. На лавках вокруг стола – пятеро рабочих.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ: Расскажи-ка, Колюня – страшновато было, когда машина-то опрокинулась?

НИКОЛАЙ (поёжившись): Да, вообще-то стрёмно... Хорошо, что не лёг на крышу! А то бы обе двери у кабины смяло – и не выберешься. А тут я вверх потянулся, правую дверь кверху открыл – и на свободе.

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: И как тебя угораздило?

НИКОЛАЙ: Сам не понял! Там спуск большой... Вроде, всего чуть-чуть вильнул баранкой – и вразнос, кабина вправо, груз влево. Хорошо, что снегу много, машину ничуть не помяло!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: Ты, Коля, завтра на базе, когда лес привезёшь, расскажи Петровне, кладовщице нашей, что сегодня опрокинулся у Гнилого ручья, что лес, который ты вёз, там остался.

НИКОЛАЙ (настороженно): Зачем это?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: Надо... Расскажи как бы ненароком, поделись впечатлениями... Тебе же не специально разыскивать её, она вам рейсы отмечает, учитывает. Убудет от тебя, что ли?

НИКОЛАЙ (пожав плечами): Ладно, расскажу... А всё-таки, зачем?

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: Ладно, слушай! У Петровны брат живёт в Самсонове, ты если и не бывал, то видел это село, влево от нашего зимника. Это, если ехать от ручья, где ты перевернулся, то километров пять будет. У этого ручья ты не первый переворачиваешься, его за это и «гнилым» прозвали. Так вот самсоновские мужики, тоскуя от безденежья, приспособились этот пропащий лес вытаскивать и к себе увозить. Собственными тракторёнками по бревну выволокут на дорогу, перевезут к себе, а потом, пока лес не высох, банные срубы из них срубят, а летом в город дачникам продадут. И такая у них ладная артель образовалась!

НИКОЛАЙ: Так это вроде как воровство!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: У кого? Лес всё равно поднимать никто не станет! У них там неподалеку прежде узкоколейка была, по ней лес вывозили круглый

КОСПРОМЯ

год. А платформ столько опрокидывалось – только успевай, бери. И никому до этого леса дела не было. Так бы и сгнил попусту.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ: Отчего же они опрокидывались? Вроде бы, железка – это не лесная дорога!

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: Узкоколейка потому так и называлась, что у неё расстояние между рельсами очень узкое, чуть больше метра. По такой железке платформу с лесом быстро не разгонишь. Вес у неё большой, габариты широкие, а центр тяжести очень высоко. Платформа и норовит на всяком повороте да уклоне кувырнуться. Да ещё и морозы зимой рельсы пучили да шпалы лёгкие вымораживали. Посмотришь на такую дорогу – а на ней ни одного прямого рельса нет. Шпалы болтаются, под грузом проседают... А самсоновские мужики в подходящем месте под несколькими шпалами подряд песочек ещё подкопнут, но слегка, чтоб в глаза не бросалось – и порядок, лес на бани прибыл. Конечно, после этого леспромхоз тут же ремонтную бригаду присылал, заменяли кривой рельс новым, заново ставили шпалы... Но лес упавший никто не забирал. Дождётся мужики, пока путейцы уедут – и за работу.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ: А ты-то откуда всё это знаешь? Сам, что ли, шпалы подкапывал?

(дружный хохот)

ВТОРОЙ РАБОЧИЙ: Ещё чего! Свояк у меня в Самсонове... Так не забудь, Коля, похвастай завтра Петровне!

Явление 3

Та же контора лесосклада. За окнами ранние сумерки. За столом мастер Андрей Викторович ломает голову над кроссвордом. Входит Николаич, устало присаживается на стул.

НИКОЛАИЧ: Вечер добрый, шеф!

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ *(отложив кроссворд)*: Привет, пропащий, сто лет тебя не видел!

НИКОЛАИЧ: Ну, сто не сто, а неделю – как есть! Докладываю, Викторович: ребята пахали как звери, но пятьсот кубов сверхплановых сделали. Теперь твоя забота – как эти кубометры оттуда выволить.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ *(вскочив из-за стола)*: Ай, порадовал, Николаич! По такому случаю... *(мастер достал из сейфа бутылку коньяка, плеснул в два стакана, затем вынул из сейфа объёмистую пачку денег)* ... Здесь всё – и тебе, и бригаде. Разберёшься сам, не мне тебя учить...

НИКОЛАИЧ *(поморщившись)*: Ты бы хоть для проформы платёжную ведомость соорудил, с печатью! Подумают ребята, что я себе от ихнего отстегнул...

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ (*хохотнув*): А с платёжкой, считаешь, не подумают? Кстати, ты не в курсе, как у Сергеича дела?

НИКОЛАИЧ: Я к нему не заезжал, но думаю, что так же. Лес у них такой же, люди своё дело знают, да и Сергеич им там спуску не даст... Да, чуть не забыл! Помнишь, на Гнилом ручье неделю назад у нас лесовоз опрокинулся, сорок кубов там оставил? Так вот я сегодня ехал – там нет леса! Ни одного бревна! А главное – когда успели? Днём – наши бы заметили. Значит, ночами... Не иначе как самсоновские... Рядом там больше и деревень-то нету.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ (*задумчиво*): Самсоновские, говоришь..?

Действие второе

Явление 1

Кабинет начальника районного отделения полиции. После стука в дверь в кабинет заглянул молодой краснощёкий офицер.

ПЕТУХОВ: Вызывали, товарищ майор?

ИГНАТОВ: Вызывал, заходи, Петухов, присаживайся! Есть у меня к тебе деликатное поручение. Заезжал ко мне... впрочем, неважно пока, кто заезжал. Так вот у него на вывозке леса водила опрокинул лесовоз. Это у какого-то ручья. Машину они, конечно, подняли, а вот лес пока там оставался, кубов сорок. Через неделю собрались они лес забрать, а его уже и нету. Грешат на самсоновских, мол, они увезли. Самсоново на твоём участке, вот и пошерсти там основательно. Заявление нам пока не оставили, устно проинформировали да попросили поискать. Ну, и на том им спасибо, хоть сроки подгонять не будут. Но ты не тяни, поезжай и работай. Документируй как надо – если всё в цвет, то и заявление от потерпевшего будет. Да и нам для отчёта раскрытое преступление – не лишнее. Ну, и тебе премия от потерпевшего, в частном, так сказать, порядке...

ПЕТУХОВ: Всё понятно, товарищ майор, разрешите идти?

(участковый уходит, начальник отделения звонит по мобильному телефону)

ИГНАТОВ: Аркадий Арсентьевич, добрый день! Игнатов... Я вашим вопросом озадачил, люди уже работают... О результатах сообщу немедленно... Да не за что пока, Аркадий Арсентьевич!

Явление 2

Помещение Самсоновской сельской администрации. Обстановка – типичная для учреждений подобного рода. За столом лениво роется в бумагах глава администрации. В кабинет без стука входит участковый Петухов.

ПЕТУХОВ: Привет, Анна Фёдоровна!

КОСПРОМА

ИВАНОВА: Привет, Сергей Батькович, какими судьбами?

ПЕТУХОВ (*присаживаясь на стул за приставным столом*): Сигнал получил, Фёдоровна, что лес попёрли здешние мужички. У кого из ваших трактора есть? Кстати, не спросил я тебя – по нашей ментовской части у тебя в селе всё в порядке? Жалоб нет?

ИВАНОВА: Бывает кое-что... так, по мелочам... Но я и сама разберусь. А уж ежели что – так ведь и позвоню... Не в дежурку, конечно, а тебе лично. А какой лес – хлысты? Так дровами, вроде, уже все обеспечились, всё законно, по выпискам...

ПЕТУХОВ: Нет, Фёдоровна, не хлысты, тут сортимент, сорок кубов! Лесовоз у Гнилого ручья опрокинулся неделю назад. Машину, понятное дело, поставили на колёса сразу, а лес там остался, у дороги. Вот сейчас они хватились, решили забрать – а забирать-то уже нечего...

ИВАНОВА: Свои трактора есть у Ветрова Ильи... у Никифорова Ивана... и всё, пожалуй. Но на ходу ли они – не знаю, в последнее время по селу их не слышно было. Насчёт Ветрова... я не уверена, что он. Мужик тихий, живёт у жены под пяткой, с мужиками шибко не корешится. А тут – лес, в одиночку не вывезешь... А вот Иван Никифоров – тот бойкий! И в старые времена, когда леспромхоз по узкоколейке лес вывозил, он с мужиками этим делом баловался – упавший со сцепов лес подбирал. Но тогда без милиции обходилось, никто за этот лес не заявлял.

ПЕТУХОВ: Тебе цены нет, Фёдоровна! Ты же МУР ходячий, в сельском, так сказать, исполнении! Значит, так... Я пройду по селу, с добрыми людьми разговоры поразговариваю, пошуршу, а после обеда ты мне обеспечи сюда явкой сначала Ветрова, а через час – Никифорова. Сама можешь не приходить, отдыхай. Всё равно я твой кабинет займу. Покажи мне только, где ключ от твоей конторы оставишь.

ИВАНОВА: Ладно, обеспечу... А обедать где будешь? Поди – ещё никто не приглашал, так что заходи ко мне, попытаю да и ключ от конторы возьмёшь.

ПЕТУХОВ: Спасибо, Фёдоровна, зайду! (*уходит*)

Явление 3

Помещение Самсоновской сельской администрации. Участковый Петухов прохаживается по кабинету, вызванный Ветров нервно мнёт в руках шапку-ушанку.

ПЕТУХОВ: Присаживайся, Илья, разговор у нас с тобой долгим будет...

ВЕТРОВ: Спасибо, товарищ старший лейтенант, я постою... Только не понимаю, об чём я с вами так долго говорить должен?

ПЕТУХОВ: Меня, Илья, интересует твой МТЗ.

ВЕТРОВ: Не понимаю... Трактор с документами, зарегистрированный...

ПЕТУХОВ: На ходу?

ВЕТРОВ: Обижаете! Конечно, на ходу!

ПЕТУХОВ: А скажи-ка, братец, когда ты в последний раз на нём выезжал и по какой нужде?

ВЕТРОВ (*задумался*): Так... Это было до Нового года. Хлысты из леса на дрова таскал себе и соседке. Снегу уже хватало. И больше за всю зиму не заводил.

ПЕТУХОВ: Так-таки и не заводил? А вот люди на селе говорят, что твой трактор неделю назад ночью тарахтел!

ВЕТРОВ (*возмущённо*): Врут! Не мог мой трактор сам по себе тарахтеть, а я его не заводил! И никто его не заводил! И вообще, может, это Ваньки трактор или совсем чужой...

ПЕТУХОВ: Какого Ваньки трактор? Разве на селе есть ещё трактора? Извини, Илья, зря я на тебя подумал... Но про Ваньку ты мне поподробнее обсуди!

ВЕТРОВ (*с явным облегчением, доверительным тоном*): Никифоров Иван живёт в том конце, где ферма была раньше. У него тоже МТЗ и телега к нему крепкая. Он частенько по селу шабашит по мелочам: кому хлысты из леса притащит, кому стог сена к дому перевезёт. Сам-то он где-то в районе работает, так что шабашить ему больше по вечерам да в выходные приходится. Трактор у него тоже всегда возле дома стоит...

ПЕТУХОВ: Поди, и себе из выделенной лесосеки бесплатно хлыст-другой-третий притащит?

ВЕТРОВ: За то – не знаю, зря оговаривать не буду.

ПЕТУХОВ: А ты зря и не оговаривай! Но скажи ты мне откровенно, брат Илья, – тебе не обидно? Иван где-то на своём тракторе наколбасил, а тебя – к ментам. Может статься, и в район отвезут...

ВЕТРОВ (*встревоженно*): А в район-то зачем? Я всё рассказал!

ПЕТУХОВ: Ты-то всё рассказал, да я ничего не написал. Ну, возьму я с тебя объяснение, привезу в отделение, а там следак начнёт уточнять, что да как. И что я ему скажу, когда он потребует тебя к нему доставить? Нет, брат Илья, давай-ка мы с тобой, не торопясь, запишем всё обстоятельно и подробно. И о тебе, и об Иване, и об его друзьях, то бишь собутыльниках... Водочку-то он, наверное, пьёт, а – Илья?

Явление 4

Час спустя. Помещение Самсоновской сельской администрации. Участковый Петухов прохаживается по кабинету, вызванный Никифоров Иван сидит на стуле, вызываясь глядя на участкового

КОСПРОМА

НИКИФОРОВ: Тебе чего от меня надо, лейтенант? Вообще-то у меня сегодня законный выходной. Может, я дома рюмашку дёрнул по такому случаю, а со мной, нетрезвым, ты говорить вообще не имеешь права!

ПЕТУХОВ: Во-первых, я не лейтенант, а старший лейтенант. Во-вторых, прошу обращаться ко мне на «вы»... Лучше: «гражданин старший лейтенант».

НИКИФОРОВ: Может, всё-таки «товарищ старший лейтенант»?

ПЕТУХОВ: Нет, Никифоров, привыкайте заранее к «гражданину», скоро потребуется...

НИКИФОРОВ: За что?

ПЕТУХОВ (*официальным тоном*): А за то, что вы, гражданин Никифоров, в составе группы лиц, по предварительному сговору похитили сорок кубометров хвойной деловой древесины на сумму около ста пятидесяти тысяч рублей. Статья сто пятьдесят восемь, часть вторая, до пяти лет лишения свободы.

НИКИФОРОВ: За что пять лет, за брошенный лес? Вы все леса сами опустошили – сначала государство, а теперь бизнес! Посмотрите, что в делянках ваших делается? Разбой это, а не лесозаготовка! Делянки после заготовки по закону обязаны зачистить – а на деле как? Лесничему на лапу – и он любой акт о приёмки делянки подпишет... Упавший при перевозке лес в жисть никто не подбирал! Брошенный в делянках, невывезенный лес годами гниёт... За этот лес кто-нибудь ответил?

ПЕТУХОВ: Вы, Никифоров, свои очень даже правильные слова до суда поберегите, авось поможет... Но вряд ли, поскольку речь пойдёт о деле вполне конкретном. Вы причинили ущерб конкретному лицу, собственнику, который заплатил денежку за этот лес. Вы прежде безнаказанно забирали упавший кругляк с узкоколейки, поскольку государственному леспромхозу и вправду было наплевать на этот лес, тут я с вами согласен. Но сейчас ситуация совсем иная, и если нам поступит от потерпевшего официальное заявление о краже его леса...

НИКИФОРОВ: А что, заявления ещё нет?!

ПЕТУХОВ: Пока нет... И может совсем не быть, если вы правильно оцените ситуацию.

НИКИФОРОВ: Как именно?

ПЕТУХОВ: Я не адвокат, советы в такой ситуации давать не должен, но... Чисто теоретически выскажу такое мнение: если виновные лица дадут правдивые письменные объяснения о случившемся, прибавят к нему свои искренние раскаяния и готовность возместить похищенное либо возместить причинённый ущерб, то вполне возможно, что потерпевший откажется от официального обращения в органы полиции...

НИКИФОРОВ: Но ведь он обратился... А как же вы поступите?

ПЕТУХОВ: Повторяю – пока он обратился к нам за помощью неофициально. Но мы своё дело сделали – виновных лиц установили, похищенное нашли... Куда, Иван, лес-то спрятали?

НИКИФОРОВ (*вздыхнув*): В складе пустом, за старой фермой... Там и сруб рубить собирались. А кому лес-то возвращать теперь, кто хозяин?

ПЕТУХОВ: А вот это, Ваня, в принципе неважно. Увезёшь на лесосклад, куда он и должен был попасть. Сдай, как положено, под расписку, на своё имя. И пусть обмер сделают. Если спросят, откуда лес, скажешь, мол, не ваше дело, должок возвращаю... За два дня, я думаю, управишься, вывезешь. А сейчас садись за стол, бери бумагу и пиши явку с повинной.

НИКИФОРОВ (*испуганно*): Чего?!

ПЕТУХОВ: Явку с повинной, Ваня, своё чистосердечное раскаяние – если не хочешь, чтобы вместо её следователь протокол допроса писал. А потом тащи сюда своих поделщиков, пусть они свои опусы строчат...

Действие третье

Явление 1

Контра лесосклада. За окнами ранние сумерки. Мастер Богомолов угодливо встречает на пороге элегантного господина в сопровождении двух амбалов в чёрных пальто.

БОГОМОЛОВ (*радостно*): Аркадий Арсентьевич, какая неожиданность!

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: Ты, Андрюха, чему так обрадовался? Думаешь, я тебе дополнительную премию везу?

БОГОМОЛОВ: Ну, что вы, Аркадий Арсентьевич, вы и так меня и не обижаете!

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: А вот ты меня обижаешь! Скажи-ка, дружок, как к здешним ментам могла просочиться информация о сверхплановой вырубке? Знал только ты...

БОГОМОЛОВ: Неужели бригады? Я дал им письменное распоряжение о заготовке по пятьсот кубов дополнительных...

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: Что-о-о?! Ты идиот?

БОГОМОЛОВ (*испуганно*): Так они без документа отказывались пилить!

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: И ты, болван, распоряжение им нарисовал? На пятьсот кубов каждому? Небось, и штамп прилепил? (*Богомолов обречённо кивнул головой.*) Значит, так... Едешь сейчас с моими ребятами в делянки, ищешь бригадиров, забираешь распоряжения. Если что, ребята помогут... И не дай тебе Бог когда-нибудь ещё такую глупость сотворить!

БОГОМОЛОВ (*обрадованно*): Да-да, конечно, Аркадий Арсентьевич!

КОСПРОМЯ

(Богомоллов хватает в охапку куртку и шапку, бросается к дверям. Следом за ним выходят телохранители.)

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ (*вдогон*): Олег, задержись на секундочку!

(Один из телохранителей молча поворачивается к хозяину.)

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: Мне нужны только бумаги... Пусть Андрюха покажет, где бригады. Но мужики его видеть не должны... Ты всё понял?

(Телохранитель утвердительно кивнул головой и вышел. Возник и постепенно растаял звук мотора внедорожника. Выждав минуту, Аркадий Арсентьевич взял стул и с силой швырнул его в дальнее от стола окно. Стекло вылетело вместе с переплётом, а Аркадий Арсентьевич взял свой мобильник и набрал номер Игнатова)

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: Юрий Константинович, вечер добрый! Огорчил ты меня своими подозрениями, ей-богу. Я не удержался, бросил все дела, сам поехал разбираться с этой незаконной рубкой. Я с лесосклада тебе звоню. И ты знаешь, что выяснилось? Мой мастер, Богомоллов Андрей Викторович, якобы от моего имени выписал бригадирам распоряжение на заготовку тысячи кубометров леса сверх выделенной квоты. Сам признался, стервец! Я ему верил и платит хорошо, а ему, видно, всё мало. Ребятам своим я приказал съездить в бригады, привезти распоряжения, если сохранились. Как-никак, а это вещественные доказательства. Сказал Богомоллову, чтобы тоже ехал с ними, а он выбил стулом окно, сиганул, а там в штабелях леса только его и видели. Так что, наверное, придётся тебе его разыскивать! А я завтра выберу время, подъеду к тебе, переговорим...

Явление 2

В кабинет Игнатова заглядывает участковый Петухов.

ПЕТУХОВ: Разрешите, товарищ майор?

ИГНАТОВ: Заходи, Сергей, докладывай – что нанюхал!

ПЕТУХОВ: Да разобрался я с этим краденым лесом. Мужички самсоновские втроём потрудились, на своём тракторе лес увезли и припрятали в старом складе, хотели по весне банный сруб срубить да продать. Работы нет, жить на что-то надо... Написали все трое явки с повинной, объяснения взял со всех, на всякий пожарный... Приказал весь краденый лес самим доставить на лесосклад и сдать под расписку. Заехал вчера же на лесосклад, предупредил кладовщиков, чтобы приняли лес без лишних расспросов – откуда там и что... Мужики обещали за два дня всё вывезти. Проверю сам, тогда можно и терпиле сообщить, что всё возвращено.

ИГНАТОВ: Молодец, Сергей! Правильно всё сделал. Жаль, дела раскрытого не будет... Ну да ладно! А с этим лесоскладом, будь он неладен...

ПЕТУХОВ: А что там, товарищ майор?

ИГНАТОВ: Ладно, расскажу, хотя это уже не совсем работа участкового... Не буду говорить, откуда пришла информация, но донеслось до наших ушей, что в делянках бригады выпилили аж на тысячу кубов сверх отпущенной квоты. Я вчера пригласил заготовителя, задал ему несколько неприятных вопросов. Он удивился, мол, ничего об этом не знает, обещал разобраться. А вчера же вечером позвонил мне и сообщил, что расколол своего здешнего мастера, который якобы и признался, что состряпал от имени хозяина распоряжение бригадирам на дополнительную заготовку. Хозяин приказал ему с его ребятами ехать в бригады, привезти бумаги, а тот выбил окно, выпрыгнул – и с концами...

ПЕТУХОВ (*задумчиво*): Странно всё это... И чего бы этому мастеру в окно прыгать, если уж сам признался? Ехать в лес с хозяйскими мордоротами побоялся? Так и я бы не поехал... Надо искать его, товарищ майор, а то если его вперёд нас найдут...

ИГНАТОВ: Правильно мыслишь, Сергей!

Явление 3

Контора лесосклада. Петухов беседует с кладовщицей Смирновой

ПЕТУХОВ: Ну, привозили ли к вам вчера из Самсонова лес, Нина Петровна?

СМИРНОВА: Были, батюшка, были. Пятнадцать кубов я намерила, всё честно и расписку этому, как его... Никифорову написала, мол приняла от Никифорова. Всё, как вы велели...

ПЕТУХОВ: Молодец, Нина Петровна, благодарность тебе в устном виде от лица службы! Но у меня к тебе, Нина Петровна, есть ещё вопросик... по вчерашнему вечеру. Что тут произошло? Кто был – не знаешь?

СМИРНОВА: Кто приезжал – не знаю, а что видела и слышала – расскажу, только ты не пиши ничего...

ПЕТУХОВ: Ну, что ты, Петровна, разве я подведу!

СМИРНОВА: Тогда слушай... Пока я тут кубатуру леса у этого Никифорова обмеряла, заехали два каких-то полированных крокодила... ну, внедорожника. Проехали к конторе. Недолго были, всего несколько минут. Я туда не ходила, там мастер был, моё дело маленькое. Потом слышу, один уехал. А потом стекло зазвенело, думаю, ну не иначе – спяну окно в конторе высадили. Тем более, туда не пошла... Приняла лес у Никифорова и пошла домой.

ПЕТУХОВ: А второй внедорожник?

КОСПРОМА

СМИРНОВА: Второй ещё там оставался, у конторы. Тихо было, я бы услышала, если б поехал. Нет, пока я не ушла, он там был.

ПЕТУХОВ: Спасибо тебе, Нина Петровна! А ты, часом, не знаешь, что за лес привёз из Самсонова Никифоров? Я уж не стал у него допытываться, откуда он узнал про опрокинувшийся лесовоз... Но ты, Петровна, больше так не шали!

СМИРНОВА: Ей-богу, не буду, батюшка!

Явление 4

Кабинет Игнатова, беседа Игнатова с Петуховым

ПЕТУХОВ: Поговорил я вчера с кладовщицей лесосклада Смирновой. Кстати сказать, это она навела самсоновских мужиков на кражу леса. Брат у неё живёт в Самсонове. Так вот она подтвердила, что позавчера под вечер приезжали на лесосклад два внедорожника. Только тут нестыковочка одна: вы мне рассказали, что тот мастер в окно сиганул, когда узнал, что ему надо ехать в лес. Значит, сначала разбилось окно, а потом уехала машина. А Смирнова совершенно определённо сказала мне, что сначала уехала одна из машин, а потом почти сразу же зазвенело стекло. Это что же получается? Машина уехала почему-то без мастера? Тогда зачем он выбивал окно? И он ли выбивал?

ИГНАТОВ: А ведь ты, Серёга, прав! Если кладовщица не ошиблась, то мастера на первой машине увезли в лес, а для имитации побега хозяин сам вышиб окно, мол, ищите теперь злодея. А где же теперь мастер? Его повезли в лес... Убрать его и вернуться – дело плёвое. Но этим орлам нужны были распоряжения, иначе вся липовая версия их хозяина о самовольстве мастера развалится без доказательств. В распоряжениях – почерк и подписи мастера. Везти мастера к бригадирам им не с руки – засветятся, а самим заезжим бригады в лесу не найти. Значит, надо заставить мастера показать, где стоят бригады, а больше он и не нужен. Совсем не нужен, чтобы не дал опасные показания на хозяина... Хозяин, скорее всего, и вправду звонил мне, ещё находясь на лесоскладе. Это его машина была второй, которая не уезжала. Он подстраховался, предполагая, что я могу немедленно приехать на лесосклад. Тогда его рассказ был бы абсолютно правдоподобным. Если бы не твоя кладовщица-наводчица, Сергей!

Явление 5

Кабинет Игнатова. Доклад руководителя следственно-оперативной группы

РУКОВОДИТЕЛЬ СОГ: Товарищ майор, докладываю о результатах поездки. Обе бригады лесорубов, в один голос подтвердили, что два дня назад вечером к ним приезжали на чёрном внедорожнике двое незнакомых мужчин спортивного вида. Требовали отдать какие-то бумаги. В одной из бригад бригадир отсутствовал, поэтому они сразу уехали. В другой бригаде бригадир

был на месте, но бумаги отдать отказался. Те попытались, как бы это сказать... наехать, но бригада схватилась за топоры. Короче, уехали ни с чем. У бригадира бумагу мы изъяли, оформили протоколом добровольной выдачи. Это какое-то распоряжение о заготовке леса на пятьсот кубов. На обратном пути обнаружили непонятную свежую тропу с дороги в лес. Так тропы не наминают – она не стёжкой, а все следы вроссыпь. Прошли подалее, обнаружили присыпанный снегом труп мужчины лет сорока. Телесных повреждений внешне не обнаружено. Находка задокументирована протоколом осмотра места происшествия. Труп доставлен в морг...

ИГНАТОВ: Вот и сложилась картинка... Готовьте все материалы для передачи в Следственный комитет.

(Капитан, руководитель СОГ уходит, Игнатов берёт в руки мобильник, набирает номер)

ИГНАТОВ: Добрый день, Аркадий Арсентьевич! Сообщаю вам, что лес ваш пропавший нашёлся, весь принят у вас на лесоскладе. Мужички деревенские по незнанию посчитали его ничейным. Мы объяснили им, что они в этом вопросе совсем неправы. Они осознали и сами доставили всё, до последнего бревна, по назначению... Да не за что благодарить, Аркадий Арсентьевич, это наша работа! Вот только вам бы надо расписочку написать, что пропавший лес возвращён, и вы, как собственник, никаких претензий ни к кому не имеете. Сделаете? Ну и прекрасно! Завезите мне её часиков... в двенадцать, я вас буду ждать... Нет-нет, не в дежурную часть расписку, а ко мне в кабинет. Вы же не подавали официальное заявление о пропаже.

Явление 6

Кабинет Игнатова. Полдень. Кроме Игнатова, в кабинете за приставным столом сидит человек в штатском. Входит Аркадий Арсентьевич

АРКАДИЙ АРСЕНТЬЕВИЧ: Не помешаю, Юрий Константинович?

ИГНАТОВ: Ну, что вы, Аркадий Арсентьевич, милости просим! Расписочку привезли? Ну, вот и славно... Да вы присядьте, Аркадий Арсентьевич, торопиться вам некуда. Вот и у коллеги моего со Следственного комитета к вам вопросы накопились. А уж сколько их к вашим ребятам-телохранителям! Не обессудьте, они тоже у нас... Вот только не надо за сердце хвататься, врача на всякий случай мы тоже пригласили... Будьте мужчиной, Аркадий Арсентьевич!

Явление 7

Контора лесосклада. Беседуют бригадиры Николаич и Сергееч.

НИКОЛАИЧ: Что теперь, друже, делать будем? Похоже, без работы мы с тобой остались!

КОСПРОМА

СЕРГЕИЧ: Сейчас надо сделать всё, чтобы к нам с тобой претензий не было ни от следствия, ни от хозяев. Хозяева-то всё равно остались, иначе не бывает. Я думаю так: бензопилы, инструмент, канистры убрать в вагончик. Дверь на замок, окна закрыть наглухо. Погрузчики перегнать сюда, на базу. Опись оставленного в вагончике имущества и ключ передать в полицию, пусть они решают, что куда девать.

НИКОЛАИЧ: Да, пожалуй, так лучше будет... Распоряжения на заготовку леса сверх лимита мы полиции отдали.

СЕРГЕИЧ: Ты молодец – вовремя подсуетился, нажал на Викторовича, царство ему небесное! А то бы сейчас чем доказывать, что это не наша с тобой инициатива?

НИКОЛАИЧ: Я вот ещё о чём думаю, Сергеич... Лесу мы с тобой столько положили – а он весь в делянке останется, пропадёт ни за что!

СЕРГЕИЧ: Да у меня изначально в душе кошки заскребли, думал: ведь не вывезем мы этот сверхплановый. А ведь тыща кубов! Это же больше двадцати машин... Понятно, что мы и так делаем дело недоброе – лес вырубаем, а сажать-то его не сажаем. Но это веками в России было. Но раньше, в старину, мужик лишнего не пилил, в лесу не оставлял. Оно, конечно, двуручной пилой да топориком лишнего и не положишь. Но ведь и лошадаками вытаскивали всё, до последнего хлыста!

НИКОЛАИЧ: Я что предлагаю: давай подрядим водителей поездить ещё, повывозить лес сюда, на склад. Погрузчики-то у нас тоже пока там...

СЕРГЕИЧ: А платить им кто будет – за погрузку и перевозку?

НИКОЛАИЧ: Мы и заплатим, раз уж повыше нас начальства сегодня нет никакого. Только не деньгами, а брёвнами, процентом с вывезенного леса. Помнишь, на каких условиях прежде у нас в леспромхозах молдаване работали? Они зарплату не брали деньгами, а брали лесом, который и отправляли себе на родину. Вот и мы за этот вывоз лесом хозяйским рассчитаемся. Цена леса известна, трудодень рабочий – тоже...

СЕРГЕИЧ: Почему бы и нет! Водилы не откажутся, ведь сезон практически закончился. Когда-то им теперь новый заработок перепадёт! Только надо и Петровну вызывать – кто приёмку леса оформлять будет? Ну, для неё небольшую денежку мы найдём... Прав ты, Николаиц, прав – лес надо вывезти, жалко лес! Мне наплевать на хозяйскую выгоду, пропади она пропадом! Но лес гноить в делянке не годится.

НИКОЛАИЧ: Значит, так и сделаем. Дай Бог, ещё несколько дней зимник продержится. А с последним рейсом и погрузчики из делянок сюда выведем. Вызывай, Сергеич, своих!

НАТАЛИЯ МУСИНОВА родилась и живёт в Костроме. Член Союза писателей России, доктор культурологии, профессор. Произведения печатались в журналах: «Юность», «Молодая гвардия», «Heimat» (Германия), «Русский путь на рубеже веков» (Ярославль), «Площадь Первоучителей» (Мурманск), «Арина» (Н.Новгород), «Литературный Тамбов», «Кострома литературная», «Губернский дом» (Кострома). Автор шести художественных книг: «Страна ветров», «Аллегория счастья», «Футуристические нагурции», «Дверь с серебряным колокольчиком», «Перфоманс чувства», «Дедовы часы». Победитель международных литературных конкурсов: «Серебряный стрелец», «Deutsche aus Russland», «Новые писатели», «Золотая строфа». Лауреат премий имени А.Ф.Писемского и имени Д.С. Лихачёва, Всероссийской литературной премии «Слово» и издательства «Русский писатель» (2021) в номинации «Классика и мы». Председатель Костромской областной писательской организации.

ОДНАЖДЫ РАЙСКИМ ВЕЧЕРОМ...*

*пьеса в 4 действиях (по одноимённой повести)***

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАССКАЗЧИК – колоритный старик, от его лица идёт повествование; находится в плетёном кресле в правом углу сцены, луч театрального прожектора то освещает его, то гаснет

Райчане:

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА – пожилая приятная женщина, супруга Павла Игнатьевича

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ – пожилой приятный мужчина, супруг Прасковьи Андреевны

ДЕД ПРОКЛ – хмурый, беззубый, неопрятный тип, вызывающий подозрение

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – симпатичная старушка (в молодости видная женщина), сестра Агафьи Ивановны

АГАФЬЯ ИВАНОВНА – странная старушка с блаженным взглядом, сестра Валентины Ивановны

ЗОЙКА – шустрая, работающая пятнадцатилетняя девушка, внучка Валентины Ивановны и внучатая племянница Агафьи Ивановны

ДЕД ВАСИЛИЙ – непутёвый выпивоха, супруг бабки Дарьи

БАБКА ДАРЬЯ – ворчливая старушка с невыразительной внешностью

* Повесть «Однажды райским вечером...» написана в 2003 г., опубликована в 2005 г. в книге «Аллегория счастья» (Кострома: Областная писательская организация, 2005. 216 с. С.145-180)

** Пьеса написана в 2023 г., публикуется впервые

КОСПРОМА

СИДОР – крупный шестнадцатилетний парень, глаза плутоватые; вечно пристаёт к Зойке, неродной внук деда Василия и бабки Дарьи

Люди из далёкого 3003 года:

АДРИАН – красивый, высокий темноволосый мужчина средних лет

ИРИНЕЙ – молодой мужчина с короткими русыми волосами и зелеными глазами

КИМ – улыбчивый молодой человек с круглым веснушчатым лицом и копной рыжих кудрявых волос

ЛАДА – стройная молодая женщина с белыми длинными вьющимися волосами

МАЙЯ – голограмма в виде девушки с черными, гладко зачесанными волосами, в коротком хитоне

ГУРИЙ – экскурсовод по городу Белому и Столице Мира, худощавый мужчина с очень светлой кожей и белыми волосами (альбинос).

СЕДОВЛАСЫЙ СВЯЩЕННИК

Люди с катеров:

КАПИТАН КАТЕРА – молодой мужчина с черными роскошными усами

РАБОТНИК СПЕЦСЛУЖБ – мужчина в солнцезащитных очках

ЖУРНАЛИСТ – толстый мужчина с фотоаппаратом

СПАСАТЕЛЬ 1

СПАСАТЕЛЬ 2

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ

Примечания:

1. В оформлении сцены и быта жителей деревни Рай можно использовать мотивы картин костромского художника Григория Павловича Кусочкина

2. В оформлении сцен, связанных с будущим, городом Белым и Столицей Мира, можно использовать мотивы картин современных художников-фантастов

Действие первое

Наши дни. Действие происходит в деревушке Рай. Деревня Рай находится на острове и окружена со всех сторон водой. К ней нет сухопутных дорог, потому что когда в нескольких километрах от Рая построили плотину – затопило множество селений, домов и церквей. Осталась только виднеться неподалёку от Рая верхушка колокольни.

Явление 1

Яркий луч театрального прожектора направлен на рассказчика, который образно, с юмором рассказывает о жизни-бытии немногочисленных жителей Рая. Постепенно луч прожектора перемещается на основную часть сцены, высвечивая поочередно то одну, то другую избу с их обитателями, которые «оживают», как только рассказчик заводит о них разговор.

РАССКАЗЧИК: Вдалеке от городов, окружённая топами да болотами, стояла деревня с чудным названием «Рай». Только уклад жизни да и самих жителей райскими никак не назовёшь, потому как были они хоть и малой, но частью человеческого общества начала XXI века. Все войны, природные катастрофы, болезни и технократические беды были вписаны и в их райскую историю. Вот и жили райчане не лучше не хуже жителей других российских

деревушек. Одно только совсем плохо – не было сухопутных дорог, потому что когда в нескольких километрах от Рая построили плотину – затопило мутными водами множество селений, колхозов с заливными лугами и церковей. Осталась только неподалёку от Рая верхушка колокольни. И вот что странно, заметили райчане, как беда какая случалась в округе – так колокол звонил, будто оповещал затерявшихся среди бескрайнего пресного моря поселенцев Рая. Так и жила кучка людей обособленно, годами не видя и не слыша никого из внешнего мира. А уж если кто наведывался в гости в русскую «Венецию» (так шутя называли эту деревушку), так в Рае был праздник. Гостя поили, кормили, ему на гармошке играли, байки травили да о жизни тамошней расспрашивали. Только редко такое случалось. Ой, редко!

На сцене показана общая картина незамысловатой деревенской жизни. Слышны голоса, частушки и звуки гармошки.

РАССКАЗЧИК: Остров, на котором стояла деревня, был небольшим. На ровном расстоянии друг от друга находились четыре стареньких деревянных дома, как смотровые башни средневекового замка. Но жили в них не знать, не богачи, а четыре старухи, три деда да двое подростков.

Луч прожектора освещает первый дом деревни Рай. Герои «оживают».

РАССКАЗЧИК: В первом доме мирно вели свое хозяйство Прасковья Андреевна и Павел Игнатьевич. Жили они, не тужили, всегда вместе и в горе и в радости. По молодости-то и в город ездили, работали, она – медсестрой, он – технику ремонтировал. А под старость вернулись в Рай и на «большую землю», как говорится, не плавали. Уважали деревенские жители этих соседей. Прасковья Андреевна и подлечит, если что случится, и совет мудрый даст. А Павел Игнатьевич, тот и ведро починит, и самогонный аппарат деду Проклу отремонтирует, и ножи подточит, и сети рыбацкие зашьёт – всё сделает в лучшем виде. Детей-то у них нет, так надеяться ни на кого не приходится. Вечерами садятся на пару да книжки читают приключенческие, а уж «Трёх мушкетёров» чуть ли не наизусть знают...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*читает соседям*):

«Разве вам не известно, что нас никогда не видят друг без друга и что как среди мушкетеров, так и среди гвардейцев, при дворе и в городе нас называют Атос, Портос и Арамис, – спросил Атос.

– Честное слово, – произнес д'Артаньян, – прозвища у вас, милостивые государи, удачные, и история со мной, если только она получит огласку, послужит доказательством, что ваша дружба основана не на различии характеров, а на сходстве их.

– Я дерусь с этим господином, – сказал Атос, указывая на д'Артаньяна рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

– Но и я тоже дерусь именно с ним, – заявил Портос.

– Только в час дня, – успокоительно заметил д'Артаньян.

– Но и я тоже дерусь с этим господином, – объявил Арамис в свою очередь, приблизившись к ним.

– Только в два часа, – всё так же спокойно сказал д'Артаньян...»

РАЙЧАНЕ (*хором*): Ну и кто победил-то?

КОСПРОМА

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Победила дружба, они хоть и французы, но в то время правильными ребятами были!

РАССКАЗЧИК: В общем, часто соседи к ним заходят и слушают, и беседуют да, бывает, поссорятся – по домам разойдутся, а на следующий день опять тянет вместе собраться, тоску разогнать. По правде сказать, скучать-то им особо не приходится. Не побегаешь за день – так и не поешь.

Луч прожектора освещает второй дом деревни Рай. Герои «оживают».

РАССКАЗЧИК: Во втором доме жил дед Прокл, хмурый и жадный. Все его побаивались, потому что не местный он был, да и не знали райчане, за что он долгие годы в тюрьме сидел в Архангельске. Может, убил кого? Как не допрашивались – молчит, только сигарки смолит да сплёвывает. А как надоедят ему с расспросами, так хриплым голосом заорёт матом. Тут уж, как говорится, выноси всех святых. А иногда и пригрозит докучающим бабкам.

ДЕД ПРОКЛ: А ну, пошли вон, а то перебыю всех к ядрене-фене!

РАССКАЗЧИК: Старухи с охами врассыпную, а он стоит на крыльце и хохочет беззубым ртом, приговаривая:

ДЕД ПРОКЛ: Старые курицы! Всех пообщипаю, а потом сварю и съем!

РАССКАЗЧИК: Однако по-тихой каждая бабка к Проклу захаживала. Он с виду-то ещё ничего мужик, крепкий: волосы седые вьются, ручищами своими так, бывает, приобнимет, что сразу юность шальная вспоминается. Да и винцом самодельным угостит, коли ласкова будешь.

Луч прожектора освещает третий дом деревни Рай. Герои «оживают».

РАССКАЗЧИК: В третьем доме жили две бабки: Валентина да Агафья Ивановны – сёстры с внучкой Зойкой. Раньше б, кто сказал, не поверили, что когда-нибудь эти две гремучие змеи вместе жить будут. Но судьба так распорядилась. Агафья Ивановна в войну потеряла мужа и немного тронулась умом, но со стороны это не сильно было заметно. Так, иногда из дому убежит, а потом её всем селением ищут и находят всю дрожащую от страха то на дереве, то под старой лодкой, то в обгоревшей бане. А в остальном – ничего, ладная бабка. У ней тут лет тридцать назад даже роман был с заезжим учёным. Уж думали, не к свадьбе ли дело идёт, но учёный, исследуя что-то в болотном мхе, утоп, только сумку с научным оборудованием оставил. Агафья подобрала всё и развесила в своей комнате, как музейные экспонаты, среди вещей – и компас, и фоторужьё, и пистолет стартовый.

На сцене в виде пантомимы и танца под соответствующую музыку показана история жизни Агафьи Ивановны.

РАССКАЗЧИК: А у Валентины Ивановны жизнь по-иному сложилась. По молодости она решила на мир посмотреть, в Москву подалась, якобы в институт поступать. До поры до времени все так и думали, что, мол, учится Валька в Московском театральном (как та в письмах рассказывала). А через пять лет в Рай вернулась. Люди на неё глянули и не узнали: была пышная да

грудастая, а стала тощая да страшная, ещё курить и пить приладилась, ну все и поняли тогда, через какое место она на мир смотрела. Еле Вальку отходили, чуть не померла от израсходу сил. Хорошо, в то время в деревне староверка одна останавливалась, так она травами разными Вальку и вылечила. Да вот как та пооклемалась, волосы шелухой лука в рыжий цвет подкрасила, приделась и в город подалась, якобы на заработки. Четыре года от неё ни слуха, ни духа не было, как вдруг по весне явилась толстая да с дитём на руках.

На сцене показана история жизни Валентины Ивановны.

РАЙЧАНЕ (*хором*): Гулящая! Что взять-то с неё?

РАССКАЗЧИК: Но девчонка Настька неплохая росла, работающая, всей деревней её в райцентр собирали: она в сельхозучилище поступать надумала. И выучилась, и начальственную должность ей доверили. Так вот ведь, что значит дурная наследственность, спуталась с каким-то шоферюгой, родила дочку Зойку и слёзно упросила мать Валентину взять внучку на воспитание, оставила денег, одежды разной. Мужиков привезла, те баню построили, и скрылась в неизвестном направлении. Потом письмо прислала, в нём извинялась перед матерью, перед дочкой Зоей и тёткой Агафьей за эгоизм, и сообщила, что писать больше не будет, так как у неё появилась семья: муж – военный и сыновья – близнецы, что, мол, хочет она, Настька беспутная, жизнь новую с чистого листа начать. С тех пор только денежные переводы от неё и видели, а потом и их не стало.

На сцене показана история жизни Зойки.

РАССКАЗЧИК: Так Зоя и воспитывалась у бабушки Вали и тётки Агафьи. А коли не она, так и вовсе пропали б деревенские жители. Она в свои пятнадцать лет делала всю взрослую работу. Даже открыла свой маленький магазинчик прямо в доме. Молоко, масло, творог – всё и для себя, и для других. Денег не брала, только на обмен: кто шубу на зиму принесёт, кто носки свяжет, кто сапоги купит через заезжего почтальона.

Луч прожектора освещает четвёртый дом. Герои «оживают».

РАССКАЗЧИК: В четвертом доме жили дед Василий с Бабкой Дарьей и с внуком Сидором, ему исполнилось шестнадцать, он не родный был, а, как говорится, приبلудный. Свои-то дети с внуками жили в городе и о родителях не вспоминали, потому что те в своё время выгнали их из дому с треском по пьянке. А теперь вот если бы не Сидор, одни б остались и окончательно спились. Сидор был – тёмная личность: глаза плутоватые, не по годам развит, всё к Зойке с ласками пристаёт да за всякие места хватает. Она от него бегаёт. А однажды так кочергой шарахнула по голове, что тот неделю ходить не мог: голова кружилась.

СИДОР: Значит, любит!

РАССКАЗЧИК: Грела Сидора эта шальная мысль, когда он лежал в кровати и думал о зойкином неправильном платье, пуговицы которого будто вросли в проранки, а в это время в соседней комнате лаялись в мат-перемат дед

КОСПРОМА

Василий и бабка Дарья. И хорошо было на душе у Сидора – хоть жизнь и шла своим чередом, но понял он наконец-то, что такое настоящая любовь: в башке летала Зойка с кочергой и орала ему такие милые сердцу слова...

ЗОЙКА: Маньяк чёртов!

РАССКАЗЧИК: Райчане были закалённые в житейских бедах люди, да и трудолюбивые к тому же. Каждый на огороδικе своём работал. Даже, были годы, и рожь поле сеяли, а теперь, конечно, муку из города привозят. Скотину держат, на рыбалку ходят, грибы собирают – всего вдоволь, что и говорить.

Явление 2

Райчане на берегу жарят на костре уток, которых подстрелил на охоте Сидор. Беседуют, выпивают... Но ситуация приобретает неожиданный оборот

РАССКАЗЧИК: Нынче Сидор, как башке-то полегчало, даже на охоту выбрался на соседние маленькие острова (там никто не живёт). Выпросил у Прокла ружьё и – айда! Двух уток подстрелил! Так всей деревней жарили. Потом пьянку, как водится, на берегу устроили. Бабка Валя, театралка несостоявшаяся, на гармошке играла, Прасковья Андреевна и Павел Игнатьевич про войну песню пели, бабка Агафья всхлипывала потихоньку, дед Василий, шатаясь, пригласил жену Дарью на медленный танец, и они, поддерживая друг друга, вальсировали! Зойка в цветастом бабушкином платке на плечах косилась в сторону Сидора, который, делая вид, что не замечает этого, увлечённо рассказывал Проклу о своей удачной охоте...

СИДОР: Я подполз... А они – дуры не слышат. Прицелился... Бах! Бах! Бах!

ЗОЙКА: Чё, в воздух что ли палил, полоумный? – съязвила уставшая от отсутствия внимания Зойка.

СИДОР: Не вам, бабы, об охоте лялякать! – ответил Сидор, взглянув исподлобья на девушку.

ДЕД ПРОКЛ (*утвердительно кивнув, согласился*): Вот это правильно!

СИДОР: Бах! Бах! Бах! Затих... Слушаю. Утки с криком разлетаются, а эти две тушки так волной-то к берегу и прибило! Подбежал! Одна-то уже окаменела, а другая вздрагивает, ну я её прикладом и успокоил!

ЗОЙКА (*взвизгнула*): Изверг!

СИДОР: Тебе ли говорить, истеричка?!

ДЕД ПРОКЛ (*хитро*): Ну, что, Сидорка, не даётся тебе Зойка?

СИДОР (*зло, сжимая кулак так, что пальцы хрустнули*): Да я... Если... захотел, то... Ух! Она б у меня вот, где была!

ЗОЙКА (*выталила*): Ой! Испугалась! Кобелёк неподросший!

СИДОР (*вскочил и прошипел*): Ну, Зойка!! Запирай сегодня дверь, а то до утра не доживёшь!!

Зойка отрянула. А Прасковья Андреевна подошла к Сидору

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Ну, чего взбесился? Дурной, разве так с девушками разговаривают?

СИДОР (*попритих*): Откуда я знаю, как с ними разговаривают?

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Отойдём-ка, сынок.

Баба Валька стала играть мелодии частушек, а Зойка выбежала вперед и запела.

ЗОЙКА:

*Побежишь, милый, топиться,
Так зайди ко мне проститься:
Я до речки провожу,
Глубже место укажу!*

СИДОР (*просопел*): Это она мне назло выдрючивается!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Не злись, милочка! Тут подход особый нужен, ласка! А ты нахрапом действуешь!

СИДОР: Ага! Она хвостом виляет, издевается, а я должен с лаской к ней? Нет уж!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Тебе Зойка нравится или нет?

Сидор молчал, потом сел на бревно у самой воды и зашмыгал носом. Прасковья Андреевна обняла парня.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Видно, нравится. Тогда кое-что придётся изменить в своём поведении. Рубашку придётся постирать, штаны другие надеть... Есть другие-то, а то эти не пойми чем пропахли?

СИДОР: Есть...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Ну и хорошо! Приходи ко мне завтра. Я тебя подстригу. Да и ногти – ужас! В общем, надо обращать внимание на то, в чём идёшь к девушке в гости.

Сидор опустил голову.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: А потом... Ты хоть раз подарил ей что?

СИДОР: Как же – подарил! Я к ней только приблизился, а она меня кочергой – бац! По башке! Я чуть по углам гадить не стал!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: А вот словечки такие грубые попридержаться надо! Девушки культуру любят, с ними такт нужен.

СИДОР: Какой такой такт?

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Ну... выдержка, спокойствие. А ты сразу, наверное, обниматься полез!

Сидор вздохнул.

КОСПРОМЯ

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: И поделом тебе! Правильно Зойка тебя кочергой огрела.

СИДОР: Что же делать-то мне а, Прасковья Андреевна?

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Не спеши! Какое-то время вообще у неё не появляйся! Она подумает, что разонравилась тебе, и у неё гордость женская проснётся: как это, мол, к ней такой ладный да красивый Сидор не приходит?

СИДОР: А если не проснётся? Я пропаду без неё... Бывает, посмотрю, как петухи кур топчут, прямо зависть берёт...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Ну, друг, ты об этом и не думай ещё. Поцелуй-то заработать надо, а ты об этом... мал ещё!

СИДОР: Я-то мал?! И вы туда же! Да я силищу великана в себе чувствую! Не только что...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Хочешь лакомый кусочек – умей пуд соли съесть! А не то вообще ничего не достанется, коли опять с силой полезешь... Зойка упрямая и гордая! В другой раз и убить может, а на кой ты ей мёртвый-то нужен?

СИДОР: Об этом я не подумал...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: То-то же. Хитрость надо иметь, она – проявление ума.

Сидор задумался. Поднялся с бревна, подтянул штаны, принюхался...

СИДОР: И правда, не пойми чем пахнут.

Прасковья Андреевна с Сидором вернулись к костру, вокруг которого тесно сидели райчане, слушая рассказ Павла Игнатьевича о Всемирном потопе, о Страшном Суде... Он часто делился с соседями своими разносторонними познаниями. Люди слушали с большим интересом. А дед Василий сокрушался, обращаясь к жене.

ДЕД ВАСИЛИЙ: Ой, не простит нас с тобой, Дарья, Бог за пьянство! Ой, не простит!

Дарья облокотилась на колено рукой и стала дожжевывать утиное крылышко.

БАБКА ДАРЬЯ (причмокивая): Оно и понятно! Да только кого простит? Прокла-каторжника, Вальку-шлюху, Агафью-полоумную или вон Прасковью с Павлом, они, говорят, в городе-то воровством промышляли?

Все запереглядывались, а Прасковья Андреевна с Павлом Игнатьевичем пришли в такое замешательство, что всем стало понятно – Дарья права. Наступила неприятная тишина. Дарья продолжала жевать.

БАБКА ДАРЬЯ: Ну, чё? Онемели что ли? В аду нам всем гнить! В аду! Вот, хоть и Зойка – вроде, чистая душа, а глазёнки-то похотливые так и стреляют Сидорке ниже пупка!

ЗОЙКА: Да ты что, баба Дарья?! С ума сошла? У меня и в мыслях ничего такого нет! – вспыхнула Зойка и заперебирала мозолистыми пальчиками кисти платка.

БАБКА ДАРЬЯ: А Сидорка? Уж я-то знаю, спит и видит, как с Зойкой на сеновале покувыркаться, ручонками-то своими всё лезет не туда, куда надо!

СИДОР: Ты что?! Очумела, старая! Да я тебе сейчас мозги-то вправлю!

Сидор кинулся на бабушку Дарью, уронив старика Василия, который уже плохо соображал, о чём все говорили.

БАБКА ДАРЬЯ (*визжала, отмахиваясь от Сидора масляными руками*): Ай, мамочки милые!! Ай! Убивают!!

Все их стали разнимать, Прокл с Павлом Игнатьевичем еле оттащили озверевшего Сидора. Тот не унимался, брыкался, орал. Пришлось окунуть его в воду. До тех пор «купали», пока не притих.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*тяжело дыша*): Слава Богу! Угомонился!

Все мокрые и уставшие поползли к костру обсыхать. А Зойка подседа к окоченевшему Сидору, набросила ему на плечи платок.

ЗОЙКА (*шёпотом*): Сидорка! Ну что ты? Мало ли что говорит эта дура Дарья по пьянке? Я не верю! Ты это... не хулигань больше! Что будет, если мы в деревне убивать друг друга начнём? Так никого не останется! Мы же все – одна семья...

Сидор дрожал, у него зуб на зуб не попадал... Он смотрел слезящимися глазами на потемневшее звездное небо... Все тихо сидели напротив и наблюдали за его поведением. Вдруг Сидор вытянулся, привстал, и глаза его выразили безумный страх. Он указал рукой в сторону горизонта.

СИДОР (*с ужасом*): Смотрите!

Явление 3

Все замерли от увиденного. С большой скоростью ночное небо рассекал огромный сияющий предмет, с воем неся за собой шлейф огненных точек. Потом всё это громко свалилось в воду – и началось волнение. Сильнее и сильнее...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*в оцепенении*): Мама родная!

ДЕД ПРОКЛ (*односложно*): Ё-о-о!

БАБКА ДАРЬЯ (*причитая*): Конец света, не иначе!

ДЕД ВАСИЛИЙ (*протрезвевшим голосом*): А мы тут, в глуши, не знаем ничего. А вдруг уже помирать пора?

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Умереть никогда не поздно...

БАБКА ДАРЬЯ (*с ужасом*): Ой, глядите-ка, вода-то прибывает. Наводнение!

КОСПРОМА

Тут оцепенение спало, все вскочили и заметались по берегу.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*визжала, засучив юбку*): Боюса! Боюса!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*скомандовал*): Тихо! Слышите?

Все притихли. Ветер с моря доносил звон с полузатопленной колокольни.

ДЕД ВАСИЛИЙ (*прошептал, перекрестившись*): Ну, всё! Теперь точно погрём!

СИДОР (*беря Зойку за руку*): Так! Без паники! Прилив наступает, и скоро наш остров может уйти под воду. Поэтому быстро садимся в лодку и плывём к колокольне! Там есть лестница, по ней забираемся под самый купол и ждём.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА: Ой! Боюса! Боюса!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: На острове скоро страшнее будет!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Побежали скорее!

И все побежали к единственной целой лодке. Еле в ней разместившись, люди веслами стали грести к колокольне. С большим трудом они добрались до спасительного места. Дед Прокл и Сидор схватились за ржавые металлические поручни лестницы и привязали лодку.

МУЖЧИНЫ (*кричали, помогая женщинам выбраться из суденышка и забраться на ступеньки*): Сюда! Сюда!

Суета. Крики. Тревожная музыка, подчёркивающая душевное состояние людей и ужас надвигающейся стихии. Луч театрального прожектора направляется на рассказчика, потом медленно гаснет, вновь освещая основную часть сцены.

РАССКАЗЧИК: Подъём на такую высоту оказался сложным и утомительным. Но жить-то хотелось. Поэтому все, собрав последние силы, достигли-таки верхней площадки. Дед Прокл запутался в верёвках и, чертыхаясь, взывал о помощи...

ДЕД ПРОКЛ: Чёрт-те -дери!!!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*пригрозил ему пальцем*): Что ты богохульствуешь в святом месте!

ДЕД ПРОКЛ (*взмолился, осознав сложность момента, потому что верёвки уже душили*): Господи! Прости меня, грешного!

Тут узел ослаб и отпустил Прокла.

ДЕД ПРОКЛ (*прохрипел, потирая шею*): Чуть на тот свет не кувыркнулся!

Луч прожектора направляется на рассказчика, потом медленно гаснет, вновь освещая основную часть сцены.

РАССКАЗЧИК: Люди сели вместе, плечо к плечу, и замолчали, глядя в бурлящую и свистящую вокруг мглу. Они так устали и промокли, что не в

силах были что-либо говорить. А утром с горечью обнаружили, что остров их совершенно затоплен, вокруг – одна вода, да и лодку унесла ночная стихия...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*с сожаленьем*): Пропадём здесь от голода...

ДЕД ПРОКЛ (*пробубнил*): Да уж...

Зойка тихо плакала, прислонившись к бабке Вале.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*прошептала каким-то загробным голосом, кидая на всех потусторонний взгляд*): А я теперь не боюся! Чего бояться, если мы умерли?

Все невольно содрогнулись.

ДЕД ВАСИЛИЙ (*лукаво*): Скажи мне, Агафья, а мёртвые щекотки боятся?

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*со знанием дела*): Нет.

И тут Василий начал её щекотать изо всех сил. Агафья терпела, терпела да как захохочет.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*визжит*): А-а-а-ай! Держите его-о-о!

ЗОЙКА: Значит, мы ещё живы!

Луч прожектора направляется на рассказчика.

РАССКАЗЧИК: За этим весёлым занятием райчане не заметили, как откуда-то появился густой туман – и всё окутала серая пелена...

Луч света медленно направляется на зрителей, ослепляя их, и резко гаснет. Сцена погружается в серый полумрак, белеет только колокольня. Звучит завораживающая музыка...

Действие второе

Туман рассеивается. Раннее солнечное утро. Райчане на колокольне оказываются в странном месте: каком-то зелёном мире. Моря нет, оно куда-то исчезло. Вокруг - леса и поля. А где-то вдали виднеется странный, будто мираж, город

Явление 1

Райчане в ужасе пытаются понять, что с ними случилось

РАССКАЗЧИК: Долго ли так просидели люди – неведомо, только известно, что выпались хорошо. Очнулись как-то одновременно от яркого света, струящегося отовсюду.

ЗОЙКА (*изумлённо*): Где мы?!

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*шепотом*): В раю...

РАЙЧАНЕ (*хором*): Боже!

Луч прожектора направляется на рассказчика.

КОСПРОМА

РАССКАЗЧИК: И действительно, удивляться было чему... Вместо привычного моря колокольню со всех сторон, покуда охватывал взгляд, окружали зелёные поля и леса. А на горизонте виднелись белые круглые крыши какого-то неизвестного города.

Луч прожектора направляется на колокольню, создавая иллюзию, что она будто висит в воздухе.

БАБКА ДАРЬЯ (*медленно подбирая слова*): Вот она... жизнь после смерти...

ДЕД ВАСИЛИЙ (*с упрёком жене*): А ты говорила: «в аду будем гнить»! Если это ад, то я – Патрис Лумумба!

Павел Игнатьевич с Прасковьей Андреевной переглядывались и пожимали плечами.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*с блаженной улыбкой, обращаясь к сестре*): Я же говорила, что мы умерли.

Валентина крепко обнимала внучку за плечи, успокаивая её.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Всё хорошо... Я с тобой...

ЗОЙКА (*как-то неуверенно*): Мне не страшно, не волнуйся, бабушка.

Дед Прокл с Сидором подошли к самому краю и посмотрели вниз.

ДЕД ПРОКЛ (*протяжно*): Высо-о-о-ти-и-и-ща-а-а...

СИДОР (*в недоумении, почёсывая затылок*): Не понимаю! Не понимаю! Как это могло случиться? Куда делось море? Когда успел вырасти лес? И что это за город вдалеке? А?!

ЗОЙКА (*воскликнула*): Слышите? Птицы поют...

БАБКА ДАРЬЯ: Точно, рай!

ДЕД ПРОКЛ (*резонно*): Какой рай?! Мы все живы! И вообще, я есть хочу! Разве в раю люди хотят есть?!

Эта мысль всех несколько отрезвила, потому что все были голодны.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*распорядился, и первым начал спускаться с колокольни*): Спускаемся! А там видно будет!

Райчане послушно последовали за ним. Спустились. После минут некоторого замешательства и осмотра окрестностей Павел Игнатьевич собрал всех на беседу.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*задумчиво*): Ну, что будем делать?

СИДОР: Я думаю, надо идти в город и всё узнать

ДЕД ПРОКЛ (*оживился*): Согласен! Может, там и накормят!

ЗОЙКА (*шёпотом*): Смотрите! Нас, кажется, встречают...

Один луч прожектора направляется на рассказчика, другой – вглубь сцены, концентрируясь на приближающейся группе людей в светлых длинных одеждах.

РАССКАЗЧИК: По полю навстречу райчанам шли четыре человека. Когда они приблизились, то можно было рассмотреть, как они выглядят. Трое мужчин и белокурая женщина в светлых длинных одеяниях остановились в двух метрах от райчан...

Луч прожектора сливается с основным освещением сцены. Рассказчик исчезает. Группа незнакомцев приближается к райчанам, стоящим рядом с колокольней. Первый мужчина, красивый, высокий, темноволосый, был старше остальных. Вторым – молодой, с короткими русыми волосами и зелеными глазами. Третий – улыбчивый молодой человек с круглым веснушчатым лицом и копной рыжих кудрявых волос. Женщина тоже была очень привлекательна, молода, стройна, с белыми длинными вьющимися волосами. Первый мужчина заводит с райчанами разговор. Остальные слегка наклоняют голову в приветствии.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА (Адриан): Здравствуйте.

Райчане поздоровались.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Где мы?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА (Ириней): Там же, где и мы.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: А вы где?

ЖЕНЩИНА (Лада): На Земле!

БАБКА ДАРЬЯ: А мы, что... умерли?

ЖЕНЩИНА (Лада): Нет! Успокойтесь! Так случилось, что вы переместились... во времени на много лет вперед...

РАЙЧАНЕ (наперебой): К-к-как это? К-к-куда?

ТРЕТИЙ МУЖЧИНА (Ким): Никуда. Вы остались в том же месте, только оказались в другом времени... Сейчас идёт 3003 год.

СИДОР (оторопело): Вот это да!!

Райчане одновременно издали возгласы непомерного изумления, а дед Прокл смачно выругался и сплюнул.

ЗОЙКА (дрожа всем телом и чуть ли не плача): А что же нам делать?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА (Адриан): Главное – не нервничайте! С вами плохого ничего не случилось!

ДЕД ВАСИЛИЙ: Ничего себе, не случилось?! Скаканули на тысячу лет вперёд – и вся любовь!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА (Ириней): Мы, как только сможем, обязательно отправим вас обратно!

КОСПРОМА

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*хватаясь за сердце*): Да мы спокойны, мы совершенно...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*бросилась к нему*): Павлуша!

Незнакомцы переглянулись, а женщина подошла к побледневшему Павлу Игнатьевичу, скрестила свои руки над его головой и закрыла глаза

ЖЕНЩИНА (Лада): Расслабьтесь! Сейчас боль уйдёт...

Все замолчали.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*приходя в себя*): Отпустило, вроде...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*улыбаясь и утирая пот со лба*): А вы волшебница?

ЖЕНЩИНА (Лада): Мы все в какой-то степени – волшебники...

ДЕД ВАСИЛИЙ (*с воодушевлением*): Мне здесь нравится! Значит, вы и похмельный синдром можете, того-этого, снять?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА (Адриан): Мы многое можем.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: А как вас зовут?

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА: Адриан.

ВТОРОЙ МУЖЧИНА: Ириной.

ТРЕТИЙ МУЖЧИНА: Ким.

ЖЕНЩИНА (*заметив, что Сидор впился в неё откровенным, непристойным взглядом*): Лада.

Зойка одёрнула Сидора за рукав, тот, покраснев, опустил глаза. Дальше райчане назвали свои имена.

КИМ: Теперь пойдёмте в город. Вам нужно отдохнуть и прийти в себя после того, что вы сегодня узнали, А потом мы вам всё покажем и расскажем о жизни людей четвёртого тысячелетия, коли уж вы тут оказались.

ДЕД ВАСИЛИЙ (*сомневаясь*): В город? Но он же очень далеко!

АДРИАН: Не забывайте, где вы. Через несколько мгновений мы достигнем линии горизонта!

Райчане с гостеприимными хозяевами пошли по направлению к лесу.

Явление 2

Войдя в лес, райчане с удивлением обнаружили находящуюся там небольшую ровную площадку, похожую на теннисный корт. В самом её центре располагалась зеркальная пирамида высотой в два человеческих роста. Её не так-то просто было заметить, потому что деревья отражались в ней со всех сторон

КИМ: Видите ли... Наше время очень отличается от вашего... Поэтому воспринимайте всё так, будто вы снимаетесь в фантастическом фильме.

ИРИНЕЙ: Тем более, что это очень похоже на правду, потому что ничто и никто здесь реально не может вам навредить.

ЗОЙКА: Почему?

ИРИНЕЙ: Ну... Как это попроще объяснить... У нас с вами – разная энергетическая структура... Поэтому вы как бы неприкосновенные.

ДЕД ВАСИЛИЙ: Прямо как депутаты в Госдуме.

КИМ: И всё же, депутатам многое, что грозило, а вам, даже если б кто-то и захотел, – ничего! Вы находитесь под защитой своего времени.

СИДОР: А что, время живое и умеет думать?

АДРИАН: Всё в мире живое и умеет думать.

СИДОР: И эта пирамида?

АДРИАН: Ещё как!

СИДОР: И трава, и лес, и небо?!

АДРИАН: Даже пыль на твоих башмаках!

СИДОР (*с удивлением глядя на свои стоптанные ботинки*): Ого!

ДЕД ПРОКЛ (*спросил, скребя грязным ногтем идеально ровную поверхность зеркальной пирамиды*): А что это за хрень?

ЛАДА (*ответила с некоторой паузой*): Это... такси...

БАБКА ДАРЬЯ: Всю жизнь мечтала покататься на такси, но в той глуши, где мы жили, и телеги-то не было.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*в рифму*): А если б и была, то ты бы пропила!

БАБКА ДАРЬЯ: Не тебе говорить!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Не ссорьтесь! Что о нас потомки подумают?

ЛАДА: По правде сказать... Мы о вас всё знаем... Так получилась... Мы изучали экспериментальным путём ваше время, а точнее – падение метеорита, в зоне действия которого вы случайно оказались...

ДЕД ВАСИЛИЙ (*с догадкой*): Вот оно что! Значит, этот огненный крокодил, который плюхнулся в наше море и затопил нашу деревню, был метеоритом?

ЛАДА: Видите, как всё просто?!

ДЕД ВАСИЛИЙ (*загибая пальцы на обеих руках*): Проще некуда, моя дорогая пра-пра-пра-пра-пра-правнучка...

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*с тайной улыбкой*): Значит вы все – учёные?

АДРИАН: Да!

АГАФЬЯ ИВАНОВНА: Это хорошо...

КОСПРОМА

Тут старое лицо Агафьи Ивановны просветлело, и она что-то напевая, стала собирать повсюду растущие синенькие цветочки.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*осматривая пирамиду*): А как же мы на ней поедем?

АДРИАН: Мы открыли новый вид энергии, которая находится в самом пространстве, и создали принципиально иной способ передвижения. Благодаря этому, сегодня можно мгновенно переместиться ну, скажем, из одного города в другой!

ДЕД ВАСИЛИЙ: Бесплатно?

АДРИАН: На Земле уже давно нет денег.

БАБКА ДАРЬЯ (*с сочувствием*): Что, так бедно живёте?

АДРИАН: Человеческая цивилизация страдает лишь от духовной бедности, правда всё меньше и меньше...

ДЕД ПРОКЛ (*заинтересованно*): А где у вас содержатся духовные бедняки?

АДРИАН: Они у нас просто долго не живут.

ДЕД ПРОКЛ (*глотаю слюну*): Ни хрена себе!

Райчане в страхе переглянулись.

ИРИНЕЙ (*успокаивая*): Да вы не бойтесь! С вами-то ничего не случится, какие бы грехи за вами ни числились. На вас законы нашей жизни не распространяются!

КИМ: Думаю, пора в путь!

Произнес Ким, подходя к пирамиде, прикладывая ладони рук к её поверхности и опуская голову. Прошло несколько секунд, и одна из зеркальных сторон растаяла. Люди вошли внутрь.

Явление 3

Райчане с удивлением обнаружили, что пирамида совершенно прозрачная – вокруг тот же лес, та же поляна

СИДОР (*с огорчением*): Ничего и не изменилось!

АДРИАН (*с улыбкой*): Это действительно так: мы вошли в пространственный излом, и сейчас из него выйдем уже в другом месте.

Тут невидимая дверь открылась, и «пассажиры» вышли.

РАЙЧАНЕ (*наперебой*): Чудеса...

ЛАДА: Это наш город – Белый!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*мечтательно*): Очень правильное название!

Луч театрального прожектора направляется на рассказчика.

РАССКАЗЧИК: Город будущего удивил райчан своей необычной красотой. Разной высоты круглые здания были белого цвета, с огромными окнами. Их расположение напоминало пузыри на воде. Словно на рыбалке в дождь! Райчанам казалось, что дома сами выросли, без всяких там инженеров и строителей. Да и под ногами был не асфальт и не бетон, а какое-то мягкое, пружинистое зелёное покрытие.

Луч прожектора, направленный на рассказчика, погас. Основная часть сцены снова оказалась в центре внимания зрителей.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*притопывая на зелёном покрытии*): Как на беговой дорожке.

ДЕД ПРОКЛ (*удивлённо*): А где все машины?

ИРИНЕЙ: Их нет, мы же свободно перемещаемся и так.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*с восторгом*): Воздух чистейший...

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*гулила, подманивая толстых птиц, расхаживающих повсюду*): Гули-гули-гули. Голуби мои.

ИРИНЕЙ: Это не голуби, а горлицы. Голуби давно вымерли, потому что были заражены всякими болезнями – и люди стали разводить горлиц, которые с удовольствием поселились в наших городах и, наверное, скоро разучатся летать, так как детки совсем их закармлили.

ДЕД ВАСИЛИЙ: А кошки их, того-этого, не лапают?

ЛАДА: Нет, кошки теперь – редкость, так же, как и собаки.

Райчане рассматривали всё с огромным интересом, следуя за хозяевами.

КИМ: У каждого дома – спортивно-оздоровительный комплекс (и для детей, и для взрослых), бассейн. Если погода хорошая, он открыт, если плохая, то он закрывается шатровой крышей.

Павел Игнатьевич подошел к качелям обтекаемой формы.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*ощупывая качели*): Из чего они сделаны? Материал какой-то странный – и не дерево, и не пластмасса...

АДРИАН: Это ноопропелан – искусственный материал, созданный несколько сот лет назад. Он очень надёжный и экологически чистый. Мы всё строим из него.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*не унимался*): На чём же всё это крепится?

КИМ (*звонко*): Буквально на честном слове!

Райчане засмеялись.

КИМ: Это не шутка! Люди нашего времени умеют строить без специальных инструментов и механизмов.

ДЕД ПРОКЛ (*оторопев*): Как это?

КОСПРОМА

КИМ: Мы открыли в себе множество способностей, благодаря духовному совершенствованию. Мы уже умеем лечить без лекарств, перемещаться без машин, строить без цемента и подъёмного крана... Мы научились использовать во благо разные виды энергий, начиная от энергии самого человека, заканчивая энергией Космоса. Поэтому особо одарённые из нас, а, следовательно, более духовно развитые, получили от Бога знание и умение создавать сверхпрочный материал и строить из него любые конструкции по духовным проектам.

ЗОЙКА: Что значит «по духовным проектам»?

АДРИАН: Современные архитекторы создают проекты будущих сооружений, облекая идеи в слова, слова в энергию, энергию в визуально-голографическую модель, которая при помощи ряда мыслительно-духовных действий с использованием пространственно-временных сил постепенно (это процесс очень непростой) превращается в аморфный ноопропелан, приобретающий те формы и размеры, которые заданы архитекторами. Понятно?

ЗОЙКА: Не очень...

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*подбирая слова*): Значит, люди выступают в роли Творца?

АДРИАН: Ни в коем случае! Они лишь – сотворцы. Любой проект земного строительства вынашивается в умах архитекторов годами, они проходят определённый путь духовного очищения, просветления. Далеко не каждый это выдерживает, а кто остается (их единицы), тот с благословением отцов Церкви и молитвами приступает к созидательному строительству.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*качая головой*): Как всё сложно!

БАБКА ДАРЬЯ (*крестясь*): Значит, Бог-то всё-таки есть!

ЛАДА: Сегодня в этом никто не сомневается. За эти сотни лет в мир пришло много святых и случилось множество чудесных знамений. Нынешняя человеческая цивилизация построена на общих нравственных принципах всех мировых религий.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*осторожно*): Вы пришли к единой религии?

КИМ: Нет! Православная Церковь не примет этого. Однако сегодня христиане, мусульмане, буддисты вынуждены на основании главного духовно-нравственного кодекса мирно сосуществовать, не вмешиваясь в дела друг друга. Ведь на Земле очень давно нет государственных границ, армий, правительств и конституций, но есть множество городов – духовных центров, сохраняющих религиозные, национальные и культурные традиции. Вместе с тем раз в год в Столице Мира в сферическом амфитеатре собираются представители разных религиозных конфессий из всех городов (так называемое Большое Собрание) и обсуждают общемировые проблемы, намечают годовые планы интеллектуального и культурного взаимодействия, а

так же совершенствуют принципы Духовно-нравственного Кодекса человеческой цивилизации, сокращённо – ДНК.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: А добычей природных ресурсов занимаетесь?

ИРИНЕЙ: Это нам совершенно не нужно! Теперь все блага человеческие создаются и доставляются в жилища бесшумно и незримо по нооэнергетическим каналам, которые мы не перестаем открывать. Сегодня на планете нет ни одной фабрики, ни одного завода, но зато есть несколько международных научно-исследовательских лабораторий, в которых изучаются с позволения Большого Собрания свойства различных видов энергий. Всем известно, что само слово «энергия» в переводе с греческого обозначает «деятельная сила», вот мы и стараемся совершать такие деяния, которые бы вели к созиданию, повышали духовный уровень людей, не нарушая естественный природный баланс.

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: А если агрессия всё же каким-либо образом проявится?

ЛАДА: Это страшно! Дело в том, что давным-давно на земле появился страшный вирус, мы его назвали «Возмездие». Видимо, Бог устал от бесконечного зла, творимого людьми, и послал на Землю смертельную болезнь, которая стала уносить жизни миллионов. Но не все люди заражались, а лишь те, чьи души были черны от зависти, жадности, гордыни, разврата, мщениия, ненасытности, неблагодарения Богу. У людей добрых и чистых, чьи души были светлы, а дела созидательны и богоугодны, обнаруживался иммунитет, – и они не заболели! И это длилось много веков, пока население Земли не сократилось до 100 миллионов человек. И сегодня, если кто-то проявляет те или иные духовные пороки, то он слабеет, энергия жизни его покидает, и наступает смерть. Поэтому нам не нужны суды и тюрьмы. Да, вот ещё что... искренним покаянием можно избавиться от этой болезни.

ДЕД ПРОКЛ (*проскрипел, обращаясь к райчанам*): Кабы нас не хрякнул вирус!

АДРИАН: Вам это не грозит, вы здесь – чужие.

КИМ: Вот и пришли! Это гостиница!

Райчане остановились у белого здания – шара, утопающего в цветах розового шиповника.

Явление 4

Двери перед райчанами открылись. Внутри дизайн помещения и мебель были в светло-зелёных тонах. Посередине холла возвышалась оранжевая стеклянная композиция, напоминающая водоросли. На вогнутой стене мерцало объёмное изображение карты

ИРИНЕЙ (*указывая на карту*): Обратите внимание, уважаемые гости, как изменилась наша планета.

КОСПРОМА

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*воскликнул*): Это Земля?! Я её не узнаю!! Суши стало намного меньше!!

ИРИНЕЙ: В начале прошлого тысячелетия на Землю упало несколько мощных метеоритов, один из которых вы видели. Это убыстрило процесс глобального потепления, возникшего из-за нарушения экологического равновесия. Ледники стали таять, и вода затопила огромные территории: почти всю Западную Европу, значительную часть Африки и Южной Америки, прибрежные зоны США, включая Нью-Йорк и Вашингтон. От Австралии остался лишь небольшой остров, от Японии, Индонезии, Филиппин, Вьетнама, Таиланда и большого количества стран – только воспоминания. На территории Бразилии, Канады, Судана, Китая и России появились новые реки и моря. Наш климат стал более влажным, часто идут дожди с грозами, обычным явлением стали смерчи.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Как же вы живёте?

АДРИАН: Привыкли. Тем более что по нашим подсчётам Земля уже вступает в новую климатическую фазу – глобального похолодания. Поэтому не исключено, что через несколько веков география планеты снова изменится.

СИДОР (*указывая на десятки кружочков разного диаметра*): Странно смотреть на карту Земли, окрашенную в один цвет. А что это такое?

АДРИАН: Современные города. А на территории бывшего Алжира находится Столица Мира, где и проходят ежегодные Большие Собрания, мы туда обязательно слетаем.

ЗОЙКА: Все города похожи на этот?

ЛАДА: Нет! Города – абсолютно разные, в облике каждого города – своя религиозно-духовная и культурно-историческая символика. Главные сооружения – это, конечно, храмы и другие религиозно-культурные центры. И только в Столице Мира есть вращающийся сферический амфитеатр в форме глобуса (это общемировой символ), в котором и проходят все важнейшие мероприятия. Архитектура только этого главного города Земли сознательно лишена религиозной и национально-культурной соотнесенности, чтобы у людей мира не создавалось ложное впечатление, что кто-то или что-то в решении судьбы земной цивилизации доминирует. Современный мир многополярен!

СИДОР (*с досадой, разглядывая всё вокруг*): Будто на другой планете!

КИМ: Не печальтесь. Такая жизнь будет только через тысячу лет! Лучше пройдемте в ваши номера.

Райчане задумчиво побрели за Кимом. Прасковья Андреевна и Павел Игнатьевич заняли двухместный номер с душем и ванной и висящими в воздухе кроватями. Проклу достался одноместный номер с бассейном, по дну которого плавали золотые рыбки. Бабка Валя и бабка Агафья с Зойкой расположились в большой комнате, разделенной на две части музыкальной голографической

ширмой в виде водопада. Дед Василий с бабкой Дарьей и Сидор попали в помещение неопределённой формы, где круглые кровати отделялись друг от друга аморфными перегородками, очертания которых можно было изменить по собственному желанию. Сидор не растерялся и быстро вылепил из податливого материала женскую фигуру со всеми прелестями.

БАБКА ДАРЬЯ (с возмущением): Срам-то какой! Тьфу!

ДЕД ВАСИЛИЙ (с одобрением, поправляя некоторые штрихи в вытуклостях красавицы.): А вроде, ничего!

СИДОР (хихикая): Не трогай, дед, тебе уже поздно!

Сидор с разбегу упал на кровать. Сверху сразу же опустился прозрачный полог.

СИДОР (зло): Вот ещё, тряпок повешали, мне бабу-то не видно!

Адриан, Ириней, Ким и Лада попрощались с райчанами на несколько часов, давая им отдохнуть, и сказали, что горничные им объяснят, как чем тут пользоваться. Только Сидор было развалился на кровати, разглядывая свою лепнину, как вдруг в дверях появилась молодая девушка с черными, гладко зачесанными волосами в коротком голубом хитоне. Парень аж подпрыгнул.

СИДОР (ошалело): Ты кто?!

ДЕВУШКА (металлическим голосом): Майя.

СИДОР: Зачем ты тут?

МАЙЯ: Мне поручено тебя вымыть и переодеть. У нас не принято ходить грязными. Раздевайся!

Сидор так обалдел от счастья, что три минуты стоял в полном оцепенении с идиотской улыбкой, а потом вдруг быстро стал стаскивать с себя одежду. Оставшись абсолютно голым, прикрыв причинное место, он подошёл к Майе.

СИДОР: А если я приставать начну?

МАЙЯ (без эмоций): Попробуй!

Сидор сложил губы трубочкой и потянулся к щеке Майи, но она вдруг исчезла, а он, потеряв равновесие, шлепнулся на пол. Раздался звонкий женский смех, и Сидор вновь увидел появившуюся Майю, которая лукаво его рассматривала. Он ужасно смутился.

МАЙЯ: Неужели ты думал, что я – настоящая?

Сидор, насупившись, молчал.

МАЙЯ: Глупый! Я – голограмма. Меня не существует, я – лишь часть комплексного обслуживания этой гостиницы.

СИДОР (с возмущением): А чего тогда зыришь так хитро?

КОСПРОМА

МАЙЯ: Мне дана такая программа. Я во всём напоминаю человека. Пойдём в душ!

Насладившись комфортабельными апартаментами и фантастическим сервисом, райчане, вкусно отобедав, легли спать, и снилась им деревенька Рай, затерявшаяся где-то во времени.

Действие третье

Райчане перемещаются в Столицу Мира, где их ждёт множество впечатлений и одно поистине чудесное событие

Явление 1

Часам к пяти вечера райчане вышли в центральный холл гостиницы, где их уже ждали прежние друзья и незнакомый худощавый мужчина (Гурий) с очень светлой кожей и белыми волосами (видимо, альбинос)

ЛАДА: Это наш экскурсовод Гурий. Он проведёт экскурсию.

ГУРИЙ: Добрый вечер, дорогие гости, для начала прогуляемся по городу Белому, а потом переместимся в Столицу Мира...

Город Белый в вечернем свете и вовсе казался нереальным. Пройдя ряд круглых зданий и встречая горожан, которые смотрели на них с большим удивлением, райчане увидели огромную площадь, а в её центре – величественный христианский храм с золотыми куполами. В него входили, крестясь, люди в длинных светлых одеждах.

ГУРИЙ (*перекрестился*): Это Собор Святой Троицы!

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*стала читать молитву*): Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную.

СЕДОВЛАСЫЙ СВЯЩЕННИК (*благословляет райчан*): Великое счастье для души – постоянно пребывать в неразрывном общении со своим Творцом, всегда ощущать полноту благодатного присутствия Бога в сердце. Пусть Святая Троица хранит вас, путешественники! – благословил райчан седовласый священник.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*с восторгом и удивлением*): Ничего не изменилось за столько лет!

ГУРИЙ: Как может измениться Истина?

Пройдя немного, райчане оказались на возвышенности, откуда открывалась панорама города.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*с замиранием сердца*): И повсюду золотые купола церквей...

ГУРИЙ: Так – во всех христианских городах.

ДЕД ВАСИЛИЙ: А школы сохранились?

ГУРИЙ: Воскресные. В них, кроме Закона Божия, преподают и другие дисциплины: «Мирознание», «Гармонию», «Родной язык».

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: А если ребёнок захочет изучить ну, скажем, иностранный язык или астрономию, то это как?

ГУРИЙ: Пожалуйста! Разработаны специальные обучающие визуально-голографические программы.

СИДОР (*со знанием дела*): Учителя-мультики прямо на дом приходят?

ГУРИЙ: Да! Но самые интересные уроки-беседы проводятся с детьми на природе: в лесу, на берегу моря. У каждого ребёнка – свой духовный наставник, он и учитель, и товарищ, вместе они постигают премудрости жизни, читают стихи, размышляют о красоте, учатся понимать искусство, пишут сами. Особо одарённые занимаются в эстетических студиях, достигая определённого мастерства.

БАБКА ДАРЬЯ: А кто ж трудится?!

ГУРИЙ: Все! Этому обучается каждый ребёнок на уроках-практикумах. Дело в том, что в наше время рядом с любым городом функционируют сельскохозяйственные системы – это и животноводческие цеха, и хлебопашни, и льнопроизводства, и фруктово-овощные теплицы, и даже дендрарии, в которых с научно-опытными целями выращиваются различные деревья и кустарники. Таким образом, каждый город Земли сам обеспечивает себя всем необходимым. Причем предпочтение отдается ручному труду. По определённому графику все горожане участвуют в сельхозработках.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: А где и как люди отдыхают?

ЛАДА: Так же, как и много лет назад! Ходят в театры, в голографические кинозалы, в библиотеки (кстати, сегодня настоящие бумажные книги очень популярны), на выставки, спортивные мероприятия, массовые гуляния и просто в гости. В наше время обычное человеческое общение очень ценится! Нас на планете осталось всего 100 миллионов, и мы, хоть и живём отдельными городами, ощущаем себя одной большой семьёй и подчиняемся единому Духовно-нравственному Кодексу (ДНК), который хранится в Столице Мира. Туда-то мы сейчас и отправимся!

Райчане вновь имели счастье наблюдать за «магическими» действиями белгородцев у зеркальной пирамиды. Гурий подошёл к ней, приложился ладонями и наклонил голову – зеркальная поверхность растаяла, и они вошли внутрь.

Явление 2

Через мгновение люди оказались за тысячи километров от города Белого – в Столице Мира, на берегу моря

ЗОЙКА: Мы на море?

ГУРИЙ: Да, на берегу Средиземного моря, которое весьма увеличилось в размерах. Здесь начинается Столица Мира! – с гордостью ответил Гурий.

КОСПРОМА

Вечернее солнце казалось совершенно круглым и светило ровным розовым светом. Где-то на горизонте мелькали дельфины. У воды группа молодежи в коротких спортивных костюмах громко разговаривала. Чуть дальше в плетёных креслах отдыхала пожилая пара, рассматривая сквозь овальные приборы диск небесного светила. Откуда-то доносилась мелодичная металлическая музыка. Всё это разглядывали райчане, покинув пирамиду и продвигаясь вдоль берега за Гурием и белгородцами. Встречающиеся райчанам люди были по-разному одеты и говорили на разных языках. Начинались строения...

ГУРИЙ: Общая архитектура Столицы Мира подчеркивает не только родство с природой, в которой нет прямых линий, но заставляет людей задуматься о неизвестном, подключая свою фантазию. Посмотрите, текучие массы, криволинейный ритмичный рисунок стен, условная цветовая гамма наполнены глубоким смыслом. Трепетная подвижность форм, которую вы видите в каждом здании, служит метафорой динамического порыва и изменчивой стихии самой жизни. Причудливые цилиндры и кубы строений или вот эти будто искажённые в воде многомерные ракушки и кораллы фасадов пространственно взаимосвязаны, как бы раскрыты друг в друга различными проёмами, мостиками, балконами. А вот те высокие вертикальные постройки, похожие на сталагмиты, которые вы видите вдали, – это деловой центр Столицы Мира, здесь располагаются офисы международных организаций.

Гурий вещал с упоением, не обращая внимания на то, что райчане его почти не понимают и лишь послушно поворачивают головы туда, куда им велят. Навстречу им шли мирно беседующие «потомки». В каждом открытом кафе, коих было множество, звучала странная для слуха музыка. И вот перед взором открылось ещё более удивительное зрелище. Над каменистой возвышенностью, излучающей какой-то серебристо-лиловый свет, висел без всяких креплений огромный вращающийся шар в виде глобуса. Материки и океаны, объемно изображенные на нём, светились изнутри и казались движущимися.

ГУРИЙ: Это наш «Глобус» – сферический амфитеатр. Внутри него – большой зал, в котором места для зрителей возвышаются полукругом и поднимаются вверх уступами. Под куполом – голограмма Духовно-нравственного Кодекса (ДНК). А сейчас я вам покажу самое значимое достижение духовной науки за последние годы!

Райчане обошли несколько зданий и оказались на большой, ничем не застроенной территории, похожей на обычное поле с зелёной травой.

ГУРИЙ (гордо): Это наш Сад!

Белгородцы одобрительно улыбнулись, разглядывая что-то в поле, невидимое для райчан.

ДЕД ВАСИЛИЙ (недоумевая): Но здесь же ничего не растёт... Пусто!

ДЕД ПРОКЛ (*с возмущением*): Чистый обман!

Остальные раздосадовано пожимали плечами.

ЛАДА (*с неподдельным изумлением*): Вы ничего не видите?!

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Поле!

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*пропела*): Русское по-о-о-ле, я твой тонкий колос-о-о-ок...

Адриан подозвал к себе товарищей, они о чем-то посоветались и подошли к райчанам.

КИМ: Дело в том, что это не обычный Сад, а Духовный, здесь растут особенные деревья, созданные духовными садоводами.

ЗОЙКА (*округлив глаза*): Как это?

АДРИАН (*стараясь доступно объяснить, дотрагиваясь до невидимых ветвей невидимых деревьев*): Чем выше духовный уровень человека, тем больше в нём светлой созидательной энергии. Люди, часто целыми семьями, приходят сюда и буквально из ничего, из незримого духовного материала, создают, а потом выращивают деревья. Этот процесс невозможно объяснить, к тому же, он достаточно индивидуален, так как методик духовного просветления много. Здесь мы можем видеть яблоню, здесь – вишню, а это – жасмин, а вот это – каштан... А это... какой-то новый сорт... И весь Сад светится, как множество солнц...

БАБКА ДАРЬЯ (*спросила болью в голосе*): А почему нам-то они не показываются?!

ИРИНЕЙ: Видимо, ваш духовно-нравственный уровень очень низкий...

Райчане задумались.

СИДОР (*сожалея и пристально взглядываясь в воздух, надеясь увидеть сияющий чудесный Сад*): Во как! Красоты-то мы и не увидим!

АДРИАН: Должно пройти время, чтобы человечество прозрело, и по плодам Духовного Сада можно было судить о делах его...

Тут райчане увидели группу людей в белых одеждах, молча сидящих полукругом лицом к закату.

СИДОР: Кто это?

ГУРИЙ: Буддисты медитируют...

ДЕД ВАСИЛИЙ (*догадываясь*): Тоже дерево растят?

ЛАДА: Да!

ИРИНЕЙ (*серьёзно*): А теперь подождите немного. Пришло время – и нам необходимо собрать несколько фитов энергии, чтобы отправить вас обратно.

СИДОР: Чего... фитов?

КОСПРОМА

ИРИНЕЙ: Энергия измеряется не в литрах, не в килограммах, а в фитах.

Ириней договорил и присоединился к своим, которые подняли руки к небу ладонями вверх и замолчали. Только слышно было, как стрекочут кузнечики.

Явление 3

Райчане с белгородцами гуляют по Духовному Саду, где с ними происходят чудесные события

РАССКАЗЧИК: Райчане молчали. Зойка смотрела на Сидора, который вёл себя в этом путешествии весьма достойно, как взрослый: не лез к ней с поцелуями, говорил умные слова, даже руку подавал. К тому же вымытый и подстриженный да в новой «здешней» одежде он казался ей и вовсе неотразимым...

ЗОЙКА (*думала про себя, разглядывая красивый профиль Сидора.*): Хороший парень, хоть и дикий немного...

РАССКАЗЧИК: Сидор, видимо, почувствовал пристальный взгляд и оглянулся, а, заметив нежную улыбку девушки, просиял каким-то весенним мальчишеским светом, и грудь его наполнилась счастливым воздухом...

СИДОР (*думал про себя*): А всё же лучше Зойки никого нет на свете! Хоть Лада, вроде, и видная баба, а чужая, и ноги у неё уж больно тонкие, как она, если что, на таких ногах-то по грядкам бегать будет да за коровой ухаживать? Или вон эта Майя – голограмма чёртова – чего взять-то с неё: ни тепла, ни ласки – один фасон! А вот Зойка вся настоящая, как глянет глазищами своими, так всё везде зашевелится. Видно, люблю её, дуру!

РАССКАЗЧИК: После таких грандиозных мыслей потянуло Сидора на лирику...

СИДОР (*смущённо*): Ты это... какие цветы любишь?

ЗОЙКА (*тоже смущаясь*): Любые, – тихо ответила та, потупив взгляд.

Сидор подошел к невидимому кустарнику, наклонился, делая вид, что раздвигает ветви и выбирает цветы, потом будто отломил что-то и преподнес торжественно Зойке.

ЗОЙКА: А что это?

СИДОР (*краснея*): Белая роза!

ЗОЙКА (*тихо*): Спасибо...

Зойка сделала вид, что берет невидимый цветок. Руки их соединились – и произошло чудо: Сидор и Зойка действительно увидели в своих скрещённых руках сияющую небесным светом белую розу.

ЗОЙКА (*вскрикнула, отдёргивая руку*): Ой! Она меня уколола!!!

СИДОР (*ошарашено*): Ты видела её?! Видела белую розу?!

ЗОЙКА (*растерянно*): Да! Вот даже кровь из ранки идёт...

Сидор поднес её руку к своим губам и поцеловал.

СИДОР (*нежно*): Смотри, цветок не потеряй!

Павел Игнатьевич и Прасковья Андреевна в обнимку сидели на скамеечке и смотрели на вечернее небо.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Скажи, Павлуша, как тебе со мной жилось?

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Очень даже хорошо, Прасковьюшка, а чего это ты спросила, или помирать собралась?

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Да так... Вот и детей у нас не было... Ты, наверно, осуждаешь меня?

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Бог с тобой! Не заслужили, видимо, мы. В жизни ведь всё заслужить надо! Жизнь она – непростая штука, всё в ней продумано. Вот наши с тобой грехи-то и вылились в бездетность, что делать-то?

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: Хороший ты у меня, Павлуша!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ: Ладно! Не прощаемся ещё! Дай Бог, скоро вон нянчиться будем!

Повеселел Павел Игнатьевич, обращая взор на Сидора и Зойку, которая что-то невидимое осторожно держала в руках. А в это время бабка Валя присуседилась к Проклу, который прислонился к дереву и глубоко задумался.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*окликнула Прокла*): Прокл!

ДЕД ПРОКЛ (*сердито*): Чего тебе?

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Скажи, а ты и правда человека убил?

ДЕД ПРОКЛ: Да, убил.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Кого?

ДЕД ПРОКЛ (*вздохнул*): Да был тут скотина один, жену свою обижал, бил сильно. Ну а я по соседству жил. Терпел, терпел, однажды не выдержал... Приползла она ко мне вся в крови и просит о помощи... Я как её, бедную, увидел, так озверел прям, побежал к Митюхе (его так звали)... Ну что? Дрались долго... Если б не я его, то он бы меня прикончил! Но, Валентина, я своё отсидел по-честному. Так что и мне досталось от жизни-то...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: А счас бы смог кого прихлопнуть?

ДЕД ПРОКЛ (*задумался*): Вряд ли... Тихий я стал какой-то, душа размягчилась... Нет, не смог бы! Вот смотрю я на солнце и думаю: ведь для кого-то оно каждый день, понимаешь, выкатывается и закатывается, ведь и для меня тоже, ведь и я, Прокл-каторжник, чести такой удостоен, чтобы до сих пор такую красоту наблюдать!

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА: Прокл, а ты и не злой вовсе! Чего хоть из себя всегда страшил-то корчишь?

КОСПРОМЯ

ДЕД ПРОКЛ (*улыбаясь беззубым ртом*): Да так, больше по привычке... Уж коли бояться все меня, так я и подыгрываю, чтоб людей-то в сумление не вводить.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*вздыхнув*): Я не сужу тебя, самой хвастаться нечем! До седин дожила, а, вроде, ничего хорошего в жизни-то и не сделала... Тяжело на душе – хоть плачь!

Дед Василий с Бабкой Дарьей никаких таких бесед душещипательных не вели, а тихонько брели по пустому полю, руками старались нащупать невидимые деревья.

БАБКА ДАРЬЯ (*ворчит*): Ни хрена тут не растёт!

ДЕД ВАСИЛИЙ: Ясно дело, не растёт! Кабы росло, так мы непременно бы увидели!

БАБКА ДАРЬЯ: А может, и правда – недостойные мы?

ДЕД ВАСИЛИЙ: Это-то, конечно! Только что ж получается? Эдак мы домой вернёмся и чуда местного не увидим?

БАБКА ДАРЬЯ: Может, нам на хитрость какую пойти, Вась?

ДЕД ВАСИЛИЙ: Какую такую хитрость?

БАБКА ДАРЬЯ: Ну... Не знаю ещё...

ДЕД ВАСИЛИЙ: Не знаешь, так и не балабол, как балаболя!

БАБКА ДАРЬЯ (*умоляюще*): А ведь это у нас из-за пьянки с тобой така слепота-то куриная. Вася, может, завяжем с энтим делом! Живут же люди как-то без водки, а?!

ДЕД ВАСИЛИЙ: Оно и понятно, живут... Мда... Вон и внучок-Сидорка ругает нас... А чё? И завяжем!

При этих словах дед Василий ударился обо что-то жесткое лбом и свалился на землю.

ДЕД ВАСИЛИЙ: Ёшкин кот! Дарья, это ж я об дерево... Ну, это невидимое стукнулся!

БАБКА ДАРЬЯ (*с восхищением*): Так значит, и вправду, есть Сад-то!

ДЕД ВАСИЛИЙ (*смеётся, потирая рукой ушибленную голову*): Ну и дела, А синяк-то самый что ни на есть настоящий!!

Тут к райчанам вернулись белгородцы

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: И где же энергия спасительная?

АДРИАН (*кладёт руку на сердце*): Здесь!

СИДОР: Так просто? В сердце?

ЛАДА (*загадочно*): Не просто, но возможно!

КИМ: Сумерки уже. Пора в дорогу!

При этих словах над головами всех появились необычные излучающие синий свет шары.

БАБКА ДАРЬЯ (*отмахиваясь*): Что это?!

ИРИНЕЙ (*успокоил райчан*): Не бойтесь, это энергофонари, они будут освещать нам путь! Посмотрите на улицу – над всеми прохожими зажглись такие же.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*с опаской озираясь по сторонам*): А где Агафья?

И действительно, Агафьи нигде не было. Все стали искать, но её будто след простыл.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА (*кричала*): Агафья, Агафьюшка! Где ты?!

Вдруг со стороны моря со всех ног, как молодая, выбежала бабка Агафья, отмахиваясь от сопровождающего её светящегося шара.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*визжит*): Ой, спасите! Шаровая молния!!!

Её остановили и успокоили, объясняя, что ей ничего не угрожает, что это всего лишь осветительный прибор нового времени. Но бесполезно!

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*топает ногами*): Уберите его! А то убегу!!!

КИМ: Хорошо!

Ким подошёл к Агафье Ивановне и прикосновением руки «выключил» фонарь, который рассыпался на множество сияющих точек.

АГАФЬЯ ИВАНОВНА (*успокоившись*): Уф!

АДРИАН (*обращаясь к райчанам*): Ну вот, теперь все в сборе и можно перемещаться к вашей колокольне!

Попрощавшись с Гурием, путешественники вошли в зеркальную пирамиду. Спустя секунды, они вновь оказались в том же месте, откуда начали своё путешествие...

Явление 4

Райчане вернулись в город Белый и пошли в направлении колокольни. Белгородцы их сопровождали

КИМ (*требовательно*): Пора!

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА (*с некоторым сомнением*): Скажите, а нас там, у себя во времени, всё-таки спасут?

ИРИНЕЙ: Да! Это мы знаем точно!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*дрожащим голосом*): Ну что ж... Прощайте, приятно было познакомиться...

КОСПРОМА

Зойка плакала, прижимая что-то невидимое к груди. Сидор её успокаивал, хотя у самого губы дрожали.

ДЕД ВАСИЛИЙ (*сухо, потирая распухший лоб*): Ну... того-этого, не поминайте лихом!

По мере того, как райчане подходили к колокольне, энергетические шары лопались у них над головами, разбрасывая искры. Осторожно люди забрались на колокольню, и дед Прокл ударил в большой колокол...

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*с колокольни крикнул белгородцам*): Нам можно рассказать про то, что с нами случилось?

АДРИАН (*с усмешкой*): Да! Но вам всё равно никто не поверит!

Райчане помахали им руками и сели, прислонившись к стене. Что там происходило внизу – им было неизвестно. Но только через какое-то время всё вокруг погрузилось в густой сизый туман....

Действие четвёртое

Возвращение. Очнулись райчане на той же колокольне, но уже дома от яркого солнца, освещающего тихую водную гладь

ЗОЙКА (*восторженно*): Ура! Мы, кажется, дома!!

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВИЧ (*еле сдерживая слёзы*): Свершилось!!

Райчане очень радовались, обнимались и звонили в колокола.

ДЕД ВАСИЛИЙ (*вскрикнул, указывая трясущейся рукой в сторону моря*): Эй! Смотрите!

На большой скорости к ним плыли три катера.

ЗОЙКА (*визжала, приплясывая*): Это за нами, за нами!

Катера приблизились к колокольне и заглушили моторы.

КАПИТАН КАТЕРА (*пришвартовывая судно*): Вы, что ли, из Рая будете?

РАЙЧАНЕ (*наперебой*): Мы, мы, мы из Рая!!!

РАБОТНИК СПЕЦСЛУЖБ: Спускайтесь к нам, грешникам!

Райчане суетливо начали спускаться с колокольни и садиться в катера.

ЖУРНАЛИСТ (*с фотоаппаратом*): Какие резвые старички!

СПАСАТЕЛЬ 1 (*к Зойке*): Деточка, а ты чего, боишься, давай руку!

ЗОЙКА: Осторожно, тут у меня цветок, не помять бы!

СПАСАТЕЛЬ 1: Цветка не вижу, зато сама ты – точно цветочек!

СИДОР (*язвительно, отталкивая спасателя*): А я – ягодка!

СПАСАТЕЛЬ 1 (*освобождая место Зойке и Сидору*): Я ж пошутил!

ДЕД ВАСИЛИЙ (*с отсутствующим взглядом*): Чего хоть в мире-то делается?

РАБОТНИК СПЕЦСЛУЖБ (*мимоходом*): Курс доллара падает...

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА: А люди-то, люди как?

СПАСАТЕЛЬ 2 (*будничным тоном*): Живут... Правительство на десять процентов пенсии увеличило!

ДЕД ПРОКЛ (*хитро*): На наш век хватит!

Один луч направляется на рассказчика, другой – на основную сцену

РАССКАЗЧИК: И тут все райчане, будто договорившись, одновременно посмотрели на спасшую их колокольню, которая тянулась в небо своими невидимыми сияющими лучами...

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ (*осматривая потерпевших*): Значит, нашатырь никому не нужен?

РАССКАЗЧИК: Но райчане не услышали её и как-то странно замолчали, загадочно переглядываясь друг с другом...

КАПИТАН КАТЕРА (*скомандовал*): Тогда вперёд!

РАССКАЗЧИК: Двигатели заработали, и катера, рассекая волны, помчались на большую землю... (*Обращаясь уже к зрителям, сидящим в зале*)... А я ведь был там, с райчанами... Как вы думаете, кто я?

НАДЕЖДА ВЛАСОВА – коренная нерехтчанка. С детства увлекается литературным творчеством. Её стихи звучат на муниципальных литературных фестивалях, в концертных программах. Она пишет не только стихи, но и прозу. Герои рассказов – простые люди, но жизненные испытания, через которые им довелось пройти, проявили в них силу духа и высокие нравственные качества. Особое место в её творчестве занимает драматургия. Герои её пьес – исторические личности, жившие на Нерехтской земле в конце 18 – начале 19 вв. Пьеса «Одна из многих» – о Елизавете Дьяконовой, заслуга которой в том, что, родившись в провинциальной купеческой семье, она сумела вырваться из чётко очерченного круга традиций, где женщина не имела никаких прав.

ОДНА ИЗ МНОГИХ

*Трёхактная пьеса о жизни Елизаветы Дьяконовой * ,
написанная по её «Дневникам»*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛИЗА ДЬЯКОНОВА – в 16, 20, 26 лет.

СОНЯ – её подруга, 21 год.

КАТЯ – подруга, 19 лет.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА – мать Лизы, 40-45 лет.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА – бабушка Лизы в Нерехте, мать отца.

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА – бабушка в Ярославле, по линии матери.

ШУРКА – брат Лизы, 10 лет.

БЫЛЕЕВ – офицер, 35 лет.

КАПУСТИН – попечитель округа.

КЛАРАНС – француженка, писательница, 29 лет.

ЛЕНСЕЛЕ – врач-интерн, 30-35 лет.

* Елизавета Александровна Дьяконова родилась в 1874 году в семье купцов Оловянишниковых – Дьяконовых. Заслуга её перед потомками в том, что она сумела, проявив бунтарство, вырваться из чётко очерченного круга традиций, быта, где права женщин мало чем отличались от крепостных. Лиза добилась отъезда в Петербург, стала студенткой Бестужевских курсов (официально женщины получили право быть зачисленными в университет только в 1914 году). Позднее уехала во Францию, чтобы учиться на юридическом факультете университета Сорбонны. Литературный дар Елизаветы Дьяконовой проявился в рассказах: «Выстрел», «Благотворительность», «Сватовство», «Под душистой ветвью сирени» (за этот рассказ она была награждена серебряной медалью в конкурсе парижских студентов). В 11 лет она начинает писать дневник, где размышляет и выражает стремление к самообразованию. Девушка ведёт его 16 лет до своей трагической гибели в альпийских горах в 1902 году. В 2018 году писатель, литературовед Павел Басинский опубликовал книгу «Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой». П.Басинского, как и Н.Власову, прочитавших дневник Лизы, затронули история эмансипации женщины и её тревожная ответственность за будущее.

МАНЯ и ЛЕЛЯ – курсистки.

МАРИЯ ПАВЛОВНА – 30 лет

СОРЕЛЬ – итальянка лет 25-и.

ДАНЕ – студент Сорбонны, 27 лет.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ

АВТОР

Действие первое

Явление 1

Лиза (ей 16 лет) в своей светёлке в ночной рубашке стоит у окна

АВТОР. Какая она была, Лиза? Медлительная, порывистая, меланхоличная? Какой у неё был голос? Я этого уже не узнаю. Иногда казалось, что мы давно знакомы, иногда, что она – это я.

ЛИЗА. Как хорошо здесь, в Нерехте! Я так люблю смотреть в окно по вечерам! Внизу раскинулся город. Не видно реки из-за темноты. В маленьких домишках почти не видно огня. Нерехта спит. *(Пауза)* Какая же тоска в сердце! *(Лиза идёт к столу, но останавливается перед зеркалом. Заплетает косу, рассматривая себя.)* Боже! Какая же я уродка! Тонкие руки, огромные ноги! Почему у сестёр красивые плечи, шея, волосы? Маленькие ножки! А у меня ничего! *(отворачивается, закрывая лицо руками)*. Не могу на себя смотреть! Разбила бы все зеркала на свете!.. *(садится за стол)*. Только в дневнике можно откровенно признаться и посмеяться над собой!..

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Я начинаю реже писать. О чём писать? Моя жизнь так убийственно однообразна, так несложна, что и не стоит задумываться над ней. А я сама? – ведь таких – миллионы! И все они стремятся куда-то, думают, мучаются, радуются, и, в конце концов, умирают. Такова жизнь большинства из нас, женщин. Мы родимся только для того, чтобы дать жизнь другим существам, заботиться о них, стусеваться за этими заботами и тихо незаметно умереть. Я не хотела бы умереть, не оставив после себя никакого следа на земле. Это желание безумно с моей стороны, но... что же делать! Я пишу правду! Пусть хоть немного моя личность не будет забыта, пусть в этом Дневнике сохранится хоть отчасти моё «я» со всеми волнующими его мыслями. А я – это то, что внутри. Я – вечно...

Звучит романс Лизы. Давно огни погасли за рекою
И лишь душа моя не знает сна.
Ни отдыха не знает, ни покоя,
А ночь так величава и темна. *(2 раза)*

Какою будет жизнь моя, как знать?
А на душе так смутно и так странно!
И грустно оттого, что как Татьяну
Меня никто не может здесь понять. *(2 раза)*

Явление 2

Лиза читает, сидя на скамейке в саду. Подходит молодая красивая дама

СОНЯ. Здравствуй, Лиза! Однако, сударыня, как вы увлечены книгой!

ЛИЗА (*удивленно*). Ой, Соня! Голубушка моя! (*Целуются*). Здравствуй! Как ты здесь оказалась?

СОНЯ. Муж поехал в Нерехту по делам, я напросилась с ним. Ужас, как захотелось тебя увидеть! Я иногда по тебе скучаю, скучаю по нашей «сиротской» жизни. Даже не верится, что прошло уже четыре года!

ЛИЗА. А помнишь, как мы рвались домой, в Нерехту? Тогда казалось, что жизнь в Сиротском доме для нас никогда не кончится! А ведь мы там были счастливы!

СОНЯ. Это правда! Но мы не понимали, что счастливы! А помнишь, был день рождения Императора? И мы не учились! Директор говорил речь, а потом все пели «Боже, царя храни».

ЛИЗА. А солнце так ярко светило! Зала огромная, и царь с портрета так ясно смотрит на нас.

СОНЯ. А мы, когда в класс пришли, помнишь, кричали «Ура!» и даже подрались от радости!

ЛИЗА. Конечно, помню. А ещё помню крушение царского поезда. Восемнадцать человек погибло, а всё царское семейство живо и невредимо! Я тогда всё молилась от счастья! (*Садятся на скамейку*). Как ты живёшь, Соня? Ты счастлива?

СОНЯ. Знаешь Лиза, всё так сложно... Мы бываем совершенно слепы, когда выходим замуж. Нам кажется, что он – положительный герой из романа, сильный, мужественный, честный. А потом оказывается, что это только оболочка...

ЛИЗА. Соня! Ты разочарована в замужестве?

СОНЯ. Милая моя подружка! Как бы я хотела, чтобы этого не произошло с тобой! (*Лиза с ужасом смотрит на подружку*). Помнишь, когда-то мы разговаривали с тобой о «Крейцеровой сонате»? Так вот, вся жизнь подобна этому сюжету. И как бы мы ни мечтали о любви, как бы ни лелеяли свои возвышенные чувства, жизнь всё равно их ломает и растопчет.

ЛИЗА. Какие страшные вещи ты говоришь! Неужели в жизни всё, как пишут в романах?

СОНЯ. К сожалению, ещё ужаснее. Никакие самые пикантные романы с ней не сравнятся. Моя теперешняя жизнь тому подтверждение.

ЛИЗА. Я не смею спрашивать тебя о твоих переживаниях, но мне очень жаль тебя. Наверное, после твоих слов, я никогда не решусь выйти замуж.

СОНЯ. Ну что ты, Лиза! Прости мне моё настроение! Кто знает, может быть, ты встретишь порядочного человека. Постарайся не торопиться. Выходи замуж только тогда, когда будешь знать, наверное, что он тебя любит. *(Встает)*. Мне пора. Вернётся муж, а меня нет – будет скандал. Прощай, моя милая подружка! Может быть, ещё увидимся! *(Целуются. Соня уходит)*.

ЛИЗА *(растерянно)*. Прощай, Соня.

Явление 3

Из-за кустов появляется Шурка

ШУРКА *(громким шепотом)*. Лиза!

ЛИЗА. Ой, Шурка, как ты меня напугал!

ШУРКА. Долго мне пришлось ждать, пока уйдёт эта мадам!

ЛИЗА. Это не мадам. Это моя подруга по Сиротскому дому. *(Вдруг с ужасом смотрит на Шурку)*. Так ты всё слышал? Ты слышал наш разговор?

ШУРКА *(мнетя)*. Да нет. Я издали наблюдал.

ЛИЗА. Шура! Я знаю, что клясться грех! Но всё равно поклянись, что ты не слышал, о чём мы разговаривали!

ШУРКА. Зачем мне клясться? Я действительно ничего не слышал. Я и без того знаю, о чём вы разговаривали.

ЛИЗА. Почему это тебе известно? Как ты можешь знать?

ШУРКА. О чём могут разговаривать две женщины? Конечно, о мужчинах!.. Ну, ты-то, конечно, не такая, как та барышня! А такие только и разговаривают о балах да о мужчинах!

ЛИЗА *(с улыбкой)*. Ну, хорошо. Хотя, ты здесь ошибаешься. Зачем ты пришёл?

ШУРКА *(вынимая из-под брюк книгу)*. На, держи. Но Сева дал, только на три дня. Ну, я пошел.

ЛИЗА *(вслед)*. Благодарю, Шурочка.

Явление 4

Лиза в своей комнате прячет книгу под подушку. Стук в дверь

ЛИЗА. Кто там? Войдите.

ШУРКА. Лиза, можно к тебе.

ЛИЗА. Ну, заходи. Ты от кого-то прячешься?

ШУРКА. Ни от кого. Я просто басню проверить.

КОСПРОМА

ЛИЗА. Басню? А что это ты среди лета басню надумал учить? Это на тебя не похоже.

ШУРКА. Да это не я. Это маменька велела.

ЛИЗА. Так! Значит, где-то набедокурил! Ну-ка, признавайся, что ты опять натворил?

ШУРКА. Да таз с вареньем перевернул.

ЛИЗА (*с тревогой*). Ой, Шурка! Ты не ошпарился? (*оглядывает его*).

ШУРКА. Да, нет. Оно остыло.

ЛИЗА. И как же это тебя угораздило?

ШУРКА. Я только пенки хотел попробовать... А тут эта ручка длинная!

ЛИЗА. И ты всё на пол перевернул!?

ШУРКА. Да не всё. Там ещё осталось. И на столе много.

ЛИЗА. Ой, горе ты луковое! А я собираю вишню и думаю: ну, зачем нам столько? А про тебя совсем забыла! Ну, ладно, давай книжку. Какую же басню ты выбрал?

ШУРКА. «Мартышка и очки».

ЛИЗА. Как всегда, что покороче. Рассказывай.

Шурка рассказывает басню, показывая и кривляясь. Лиза хохочет.

ЛИЗА. Bravo, Александр! Ну, прямо настоящий артист! Но если ты так будешь рассказывать маменьке – тебе не поздоровится!

Шурка раскланивается. Открывается дверь без стука – входит мать.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Вот ты где, голубчик! (*Лизе*): Твой любимчик опрокинул таз с вареньем! (*Шурке*): Ты выучил басню?

ШУРКА. Да, маменька. Спросите у Лизы.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Иди в свою комнату, я сейчас приду. (*Шурка убегает*). А ты не забыла, что мы сегодня ждем гостей? Я бы на твоём месте начала собираться. (*Выходит*).

Лиза садится за стол и вынимает дневник. Пишет.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Какими счастливыми были гимназические годы! Я так любила приезжать в Нерехту! Часы, проведённые в бабушкиной комнате за чтением «Жития святых», наполняли душу благоговейной тишиной и умиротворением. До сих пор эти воспоминания озаряются отблесками чего-то тихого и возвышенного.

За дверью слышатся шаги. Лиза быстро прячет дневник и берет книгу. Входит мать.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Через час у нас будут Прозоровы. Ты что, собираешься выйти к ним в этом платье?

ЛИЗА. Мама! Я же сказала Вам, женихи меня не интересуют!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА (вопросительно). В девицах останешься? Так если уж у тебя такие твердые убеждения, постригайся в монахини и не заставляй мать хлопотать попусту!

ЛИЗА. А я не заставляю! Вы сами это делаете, по своим побуждениям.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Дорогая моя! Если бы ты была мне чужая, я бы не стала устраивать твою судьбу. Но раз уж я тебя родила, я отвечаю за тебя и не хочу, чтобы мою дочь обсуждали знакомые.

ЛИЗА. Это их право, пусть обсуждают, если им нравится.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Господи! За что Ты мне послал такое наказание? Если ты собираешься сидеть на моей шее до старости лет, то у меня, кроме тебя, ещё две невесты. Неужели ты не понимаешь, что закрываешь им дорогу?

ЛИЗА. Мама! Я не хочу быть помехой моим сёстрам, пусть венчаются хоть завтра! Я же говорила вам, что пойду на курсы!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Ты опять за своё! Я сказала тебе твёрдо, что не дам своего согласия, а без согласия матери тебя ни за что не примут!

ЛИЗА. Когда исполнится 21 год – примут!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Какая же ты упрямая! Ты знаешь, кто учится на этих курсах? Там все девицы легкого поведения, все курят! Они идут туда, чтобы освободиться от надзора родителей и вести себя так, как им заблагорассудится!

ЛИЗА (*со слезами*): Мама! Ну, откуда вы это знаете?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Знаю! Марья Николаевна мне рассказывала.

ЛИЗА. Марья Николаевна обыкновенная сплетница и лгунья! Как вы можете ее слушать!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Я тебя уже целых полчаса слушаю! А, между тем, Прозоровы вот-вот приедут! Я приказываю тебе одеться и привести себя в порядок. И чтоб без этих вольностей! Собирайся!

Мать, рассерженная, уходит.

Явление 5

Лиза стоит у окна. Плачет. Входит Катя

КАТЯ. Лиза, ты сегодня не в духе?

ЛИЗА. Если б ты знала, Катя, как мне надоели эти свахи и женихи! Господи! Неужели ещё мало подлости и гадости людской на земле? Эти женихи и обожатели, нажившись вдоволь с всякими, идут теперь справляться

КОСПРОМА

о приданом и о нашей нравственности, чтобы жениться, как порядочные люди!

КАТЯ. Но что же делать? Ведь все мужчины без исключения таковы!

ЛИЗА. Но ведь это же гадость, Катя! Это нечестно!

КАТЯ. Какая же ты нервная, Лиза. Они же не могут оставаться чистыми, себя сдерживать! Они лечатся от этого!

ЛИЗА. И всё-таки это гадко! Они до брака удовлетворяют свою чувственность, а после эти же самые пошлецы требуют от нас безукоризненной чистоты и не соглашаются жениться на девушке, у которой было увлечение до брака!

КАТЯ (*испуганно*). И у тебя!?

ЛИЗА. Как ты могла об этом подумать, Катя? Ты же всё обо мне знаешь!

КАТЯ. Ну, тогда все мужчины должны жениться на публичных девках!

ЛИЗА. По крайней мере, это было бы справедливо! Если каждый мужчина скверный человек, стоит ли любить таких? Я потребую от своего жениха, чтобы он был подобен мне, иначе никогда не выйду замуж!

КАТЯ. Лиза, но это же глупо! Таких мужчин просто нет!

ЛИЗА. Пусть меня считают глупой, идеалисткой, максималисткой - мне невозможно так думать. Мне гадко будет вступать в брак с человеком, у которого я заведомо буду десятой по счёту. Это так скверно, так невыносимо, что лучше я лишу себя счастья иметь детей и уйду в монастырь!

Явление 6

Комната бабушки Елизаветы Александровны. Входит мать Лизы

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Бонжур, маман.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Здравствуй, Саша! Хочешь чайку свеженького, скажу?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Не надо, не хочу.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Что-нибудь случилось?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Может, случилось, а может – случится. Лизавета снова прячется у вас. Она уже не ребёнок, а взрослая девица. Пора отвечать за свои поступки, думать о будущем.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Что же она натворила?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Натворила! Творит ежедневно, ежечасно и сама не ведает что!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Помилуй, Саша, ты меня пугаешь!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Она говорила вам, что на курсы собралась?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА (*замявшись*). Да, вроде, говорила.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. А-а... ну, значит, говорила. Ну и что вы ей на это ответили?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Да уж и не помню. Может, передумает. Молода больно.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Пока передумает, всю кровь из меня выпьет! Ну и упрямая! На каждое моё слово – у неё сто ответов! Она никак не хочет понять, что мать желает ей добра! Не будет ей счастья без моего благословения!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Что же такого страшного на курсах-то этих?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Все девицы там курят и свободно живут с мужчинами! Они едут туда, чтобы быть свободными от надзора родителей! Сами посудите: может ли женщина жить и вести себя подобно мужчине?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Но ведь и не обязательно вести себя, как мужчина! Ты ведь тоже мужние дела приняла, когда осталась одна!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Мама! Как вы можете сравнивать! Да и город там чужой, большой! Не Нерехта! Как там жить одной беззащитной девушке?

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Ой, Саша, я ведь на твоей стороне! Да как она умно рассуждает! Как у неё все ладно да красиво!

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Глупа она ещё. Неопытна. А сваты все пороги обили! Поговорите с ней, мама. Меня не слушает, а вас любит. Пойду. Уж не приехали ли? (*Уходит*).

Явление 7

Входит Лиза

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Лиза! Что случилось?

ЛИЗА. Бабушка, ничего не случилось! Просто меня хотели сосватать, а я не хочу замуж.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Дитяtko, милое, тебе уж двадцать лет! Смотри, не засидись в девках!

ЛИЗА. Пусть уж лучше в девках останусь, но такой любви не хочу!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Родная ты моя, любовь-то ведь не всем даётся! Был бы человек добрый, а там – стерпится-слюбится.

КОСПРОМА

ЛИЗА. Если б я не читала «Крейцерову сонату», я б ещё могла себя обманывать, быть в неведении. Бабушка! Они же все имеют до женитьбы не одну женщину!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Лиза! Что ты говоришь! Откуда ты это знаешь?

ЛИЗА. Знаю. Соня мне говорила. И Катя тоже.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Ну и девицы пошли! Вы всё знаете прежде времени! Ещё девицы, а уж всё знают про замужество! Вот Бог счастья и не даёт! Не след было тебе читать эту «Крейцерову сонату!» Прежде девицы ничего не знали, а выходили замуж и были счастливы! А нонче все образованные! Совсем не надо никакого образования! Тогда лучше будет!.. Давай-ко, попей чайку со сливочками, со вишневым вареньем. Успокойся.

ЛИЗА. Нет, бабушка. Сейчас нельзя быть необразованной! Я давно думаю поехать на курсы.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА (*с ужасом*). Лиза! Как же ты там будешь? Ведь все курсистки курят!

ЛИЗА. Далеко не все.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Что-то я тебя не пойму: то все мужчины – проходимцы, то на курсы собираешься!

ЛИЗА. Бабушка! Но это же женские курсы! Зато я получу образование и сама смогу зарабатывать!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Уж очень далеко, Лиза! Ну, зачем тебе эти курсы? У тебя и так приданое хорошее!

ЛИЗА (*обнимает бабушку*). Милая моя, родная! Я хочу стать умной, образованной, хочу работать, людям помогать, найти интересное дело для себя – я не хочу быть лишним человеком!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Помилуй, Лиза! Ты и так у нас самая умная! И что ты говоришь – разве ты у нас лишняя? Просто мать боится, чтобы ты в девках не засиделась!

ЛИЗА. Бабушка! Я так тебя люблю, а ты меня совсем не понимаешь! Лишний человек – это человек бесполезный для общества!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Ой, Лиза, как мудрёно ты говоришь! Смирилась бы. Чует моё сердце – не Божье это дело!

ЛИЗА. Бабушка! Ты не думай, что я уеду, и всё забуду – я буду приезжать в Нерехту на каникулы!

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА. Родная ты моя! Подумай хорошенько! Далеко ведь! Одна в чужом городе!

ЛИЗА. Не бойся, я не пропаду! Я буду писать тебе письма!

Бабушка обнимает Лизу и плачет. Звучит второй куплет романса.

Но почему же мне так одиноко
И страшно в сумрак ночи сделать шаг?
О, Боже, от меня Ты так далёко!
И оттого так мечется душа. (2 раза)

Я не хочу, чтоб мир лежал во зле
И не хочу погибнуть в буре жизни –
Но верно послужить своей Отчизне
И добрый след оставить на земле. (2 раза)

Явление 8

Нерехта. На паперти Никольской церкви Лиза и офицер Былеев, с которым Лиза познакомилась во время поездки по Волге

БЫЛЕЕВ. Можно, я провожу вас? Позвольте, я вам отвечу в продолжение нашего разговора. Вы живёте рассудком и страстью. Я заметил, что вы совсем не живёте душевной жизнью, а между тем, это необходимо. Не принимайте слова «страсть» вместо любви – ведь его можно применять ко многому. В вас видна страсть.

ЛИЗА. Вы имеете в виду страстность. Да, я живу рассудком, но ведь жизнь того требует.

БЫЛЕЕВ. Нет, вы не правы. Живите сердцем. Относитесь душевнее к людям, и вам сразу станет лучше, и вы будете спокойнее. Тогда, на пароходе, я заметил, что между вами, сестрами, нет той задушевности, которая должна быть.

ЛИЗА. Но мы все живем, как одна, всегда стоим друг за друга!

БЫЛЕЕВ. Всё это прекрасно, тем не менее, между вами нет именно задушевности, которая проявляется и в обращении. Примите мой совет: верьте, что я говорю справедливо, – вы живёте только умом, а между тем, вы живёте с людьми – полюбите их.

ЛИЗА. Но я и так люблю людей! Я отношусь и всегда стараюсь относиться к ним хорошо.

БЫЛЕЕВ. Это вы делаете опять-таки рассудочно. Вы дошли до этого умом, а надо дойти сердцем. Ещё я тогда же заметил, что вы, простите, скупы.

ЛИЗА (*смеясь*). Это каким же образом?

БЫЛЕЕВ. Помните, на пароходе, ваш слуга подал счёт, и я заметил, что, расплачиваясь, вы мало дали ему на чай – он не поблагодарил вас. А между тем, Вы должны были подумать, что он – человек бедный, что он этим живёт.

ЛИЗА. А, так поэтому! Не спорю, конечно, должно быть, я мало дала. Только я об этом не думала. Давать мало нехорошо, но я поступила так вовсе не из какого-либо расчёта.

КОСПРОМА

БЫЛЕЕВ. Допустим. Но из этого видно, что вы не подумали об этом человеке, о его бедности.

ЛИЗА. Я не хочу спорить с вами. Вы можете иметь обо мне мнение, какое хотите. Но могу сказать одно: я отношусь к деньгам довольно равнодушно. Конечно, меня нельзя назвать доброй, но нельзя назвать и скупой. Просто моя родословная даёт мне право быть экономной: я – купчиха и не должна быть расточительной.

БЫЛЕЕВ. Да, я понимаю вас. И все-таки, относитесь к людям сердечнее, с большим участием. Верьте, от этого вам будет гораздо лучше, даже здоровее сделаетесь, поправитесь, а то Вы теперь такая худенькая, выглядите совсем девочкой.

ЛИЗА. Ну, едва ли от этого я могу сделаться толще!

БЫЛЕЕВ. Нет, кроме шуток, это превосходный рецепт. Живите сердечной жизнью, полюбите кого-нибудь!

ЛИЗА. Ну, опять вы за своё!

БЫЛЕЕВ. Сердце не знает препятствий.

ЛИЗА. В моей жизни ещё не было повода для подобного чувства. А потом... моя внешность не вызывает восторга у мужчин.

БЫЛЕЕВ. Вы говорите неправду. Вы хорошенькая. Я это говорю без малейшего желания сказать комплимент, я даже слышал это от других. Вам хорошо было бы найти человека, которого можно любить, как это случается со всеми. Это закон природы: негоже человеку быть одному.

ЛИЗА. Вы не подумайте, что я отрицаю любовь. Я признаю, что она существует только для избранных натур, а так как я принадлежу к массе, мне нечего и думать о ней.

БЫЛЕЕВ. Я не согласен. Она существует для всех людей. Кто же сказал вам такое?

ЛИЗА. Жених сестры. Они идеально подходят друг другу. Оба невинны и чисты.

БЫЛЕЕВ. Хоть я и высоко ценю это, но вовсе не значит, что их брак будет идеален. Знаете ли вы, что есть люди, чистые телом и развращённые душой и сердцем до последней степени. Целомудрие – это плод воспитания. Но я видал людей, которые хотя и внешне были такие, но, в сущности, были ужасные пошляки и циники.

ЛИЗА. Вы ведь тоже, по собственному признанию, провели вашу молодость далеко не свято. Конечно, и среди мужчин встречаются хорошие люди, но согласитесь, что девушке естественно предпочесть человека, вполне равного ей.

БЫЛЕЕВ. Значит, вы не могли бы полюбить испорченного человека, не пошли бы за него?

ЛИЗА (*пожав плечами и помедлив*) Уж если судьба когда-нибудь поставит меня в безвыходное положение, прижмёт к стене, то я выйду не иначе, как по самому хладнокровному расчёту, взвешу все за и против.

БЫЛЕЕВ. Ну, а если вы полюбите такого человека?

ЛИЗА. Я и виду никому не покажу. Лучше сама себя сломаю и скорее умру, чем выдам себя.

БЫЛЕЕВ. Как жаль! Я завтра уезжаю в Москву. Поверьте, я не такой испорченный человек, как вы думаете. Прощайте. Хотя, хотелось бы сказать вам: до свидания!

ЛИЗА. Прощайте.

АВТОР. В каждой строчке Дневника – жажда гармонии человеческих отношений. Взаимопонимания, любви. Лиза считает, что причина всех бед – недостаточная образованность, ограниченность, неразвитость женского ума. Ей хочется доказать, что женщина не такова, что она не глупее, а порой, способнее многих мужчин. Упорное сопротивление этому матери, видящей свою дочь женой богатого человека, еще более подстегивает желание Лизы идти наперекор, перестроить, изменить мир. Для этого ей необходимо стать адвокатом. Невзирая на запреты матери и слезы любимой бабушки, Лиза уезжает в Санкт-Петербург.

Действие второе

Явление 1

Санкт-Петербург. Кабинет попечителя Высших женских курсов. Входит Лиза

ЛИЗА. Здравствуйте, Ваше превосходительство!

КАПУСТИН. Здравствуйте, Елизавета Александровна! Ну-с... Я прочёл ваше прошение. Видите ли, сударыня, дело такого рода... Я ничего не могу сделать... (*Лиза закрывает лицо руками*). Хотя вы и совершеннолетняя, но послушание родителям важнее. Все, что я могу для вас сделать, написать письмо вашей матери, уговорить её позволить вам учиться. Может быть, она послушает меня, старика (*садится, берёт перо*). Скажите-ка мне ваш адрес.

ЛИЗА. Ярославль. Дьяконова Александра Егоровна, улица Никольская. (*нервничает, порывается что-то сказать*).

КАПУСТИН. Ну, вот, теперь я напишу вашей матушке, а вы подождите ответа до понедельника.

ЛИЗА. Ваше превосходительство! Я не могу ждать здесь так долго! К тому же, всё равно бесполезно. В силу установившихся предрассудков, она не сдастся ни на чьи просьбы!

КАПУСТИН. Г-м... Но всё-таки я напишу, а она пусть ответит мне телеграммой. Надо подождать до субботы.

КОСПРОМА

ЛИЗА. Ваше превосходительство! Это всё равно бесполезно! И если вы меня не примете, я уеду в Швейцарию! Мне больше ничего не останется.

КАПУСТИН. О, какая вы самостоятельная! Позвольте: а знаете ли вы, что и в медицинский институт должны поступать с позволения родителей? Я сейчас покажу вам правила.

ЛИЗА. Неправда, Ваше превосходительство! Девушки, достигшие двадцати одного года, принимаются без позволения родителей.

КАПУСТИН. Не может быть! Я покажу вам правила! (*Ищет на столе книгу. Читает*)... Вот: «Лица, не достигшие двадцати одного года, должны предъявить позволение родителей». Гм... Н-да... Вы правы. До двадцати одного года. Такой редкий случай... Ну-с, садитесь. (*садится напротив*). Откуда же вы такая самостоятельная?

ЛИЗА. Из Нерехты. Я еще в 14 лет решила, что в 21 год буду на курсах. У меня есть средства от отца и поэтому я поеду за границу, если меня здесь не примут.

КАПУСТИН. Извините, но который же вам год?

ЛИЗА. 15 августа мне исполнится 21 год.

КАПУСТИН. Скажите! Каково нынешнее молодое поколение! Так и рвётся к образованию! Нам, старикам, стыдно. Ну, хорошо, я поговорю о вас с министром. Приходите завтра. (*Ласково взял Лизу за руку*). Постараюсь сделать, что смогу.

ЛИЗА (*со слезами*). Ваше превосходительство!

КАПУСТИН. Ну-ну, успокойтесь. Приходите завтра (*проводит ее до дверей*).

(*Лиза на авансцене*)

ЛИЗА. Мне ничего в жизни не дается сразу, надо непременно пройти через несколько препятствий... что ж, подождём до завтра...

Лиза входит в кабинет Капустина.

КАПУСТИН. А-а, это вы.

ЛИЗА. Здравствуйте, Ваше превосходительство!

КАПУСТИН. Ну-с, пожалуйста сесть! А знаете ли, я все-таки написал письмо вашей матушке. Но, даже если она не согласится, я вас приму. Ну, скажите, почему же вы уверены, что она не согласится и после моего письма?

ЛИЗА. Ваше превосходительство, я отвечу откровенно, чтобы дать вам ясное понятие, как у нас смотрят на курсы. Когда я просила мою мать дать согласие, она сказала мне: «Будешь девицей известного поведения!» Как видите при таком предубеждении трудно идти против. По мнению моей матери, раз я имею средства, я не должна учиться, а сидеть дома и ждать женихов.

КАПУСТИН. Ну, замуж вы всегда успеете выйти, вы еще молоды. Но всё-таки скажу вам, мы очень обязаны нашим родителям. Они – наш неоплатный долг. И ваша мать, когда вы были ребёнком, много делала для вас и теперь, может быть, ещё делает. Будьте к ней почтительны, не раздражайте её сопротивлением. Так сказать, не будируйте против вашей матушки.

ЛИЗА. Я сделаю все, что от меня зависит, Ваше превосходительство.

КАПУСТИН. Ну вот, постарайтесь. А я вам скажу, что ваше желание учиться мне очень симпатично! Я очень рад видеть стремление молодежи к образованию. (*Встает, подает бумагу*) Вот ваше прошение. Можете передать директору.

ЛИЗА (*читает*). Разрешаю принять в число слушательниц... с помещением в интернат... Так меня примут?!

КАПУСТИН. Да-да, ваше желание учиться мне очень симпатично.

ЛИЗА (*со слезами на глазах*). О, Ваше превосходительство! Как я вам благодарна! Но, извините, если моя мать напишет вам резкое письмо, вы не рассердитесь на меня и не велите исключить?

КАПУСТИН. Ну, мало ли я получал в жизни резких писем! Не беспокойтесь, конечно же, вас не исключат (*подает Лизе руку*). Теперь, когда вы приняты, то должны поддержать репутацию курсов.

ЛИЗА. Я буду считать за честь учиться на них.

КАПУСТИН (*проводя ее к двери*). Да-да, именно, считайте за честь.

Явление 2

Интернат. Комната Лизы

ЛИЗА. Ты помнишь вечеринку? Литературно-музыкальное отделение? Грех осуждать, но мне так было стыдно за тех шестерых!

МАНЯ. Да, нельзя было хуже читать, петь и играть! Неужели они не понимают этого? Мне тоже было стыдно, особенно перед профессорами. Потому половина из них и ушла сразу после концерта.

ЛИЗА. Маня! А курсистки хлопали и всем подряд кричали «браво!» Как можно было восхищаться этим завыванием и дурной игрой!

МАНЯ. Но зато как на их фоне выделялись остальные! У Максимовой почти оперный голос!

ЛИЗА. Да, на лицах профессоров читалось восхищение, когда она пела. И таких ценителей у нас немало. Но почему-то более способные отказались выступать!

МАНЯ. Из скромности, должно быть.

ЛИЗА. В таком случае, очень жаль.

КОСПРОМА

МАНЯ. Лиза, а что за молодой человек был рядом с тобой?

ЛИЗА. Когда?

МАНЯ. А там, на вечеринке.

ЛИЗА. А-а ... Катенин? Мы с ним там познакомились.

МАНЯ. А как вы познакомились, расскажи.

ЛИЗА. Ну, он сначала долго сидел рядом на стуле, когда я продавала чай и пирожки, а потом сказал, что я, наверное, устала, и предложил побродить по залам. Мы ходили, разговаривали о преподавателях, лекциях. Он, наконец, представился и спросил, как меня зовут. И попросил позволения навестить меня в интернате. Я согласилась. Но, думаю, он не придёт.

МАНЯ. Почему ты так думаешь?

ЛИЗА. Не застанет меня дома и не осмелится прийти в другой раз. Ну, а если придёт – тоже неплохо. У меня будет возможность доставать через него книги из университетской библиотеки.

МАНЯ. Лиза, а вдруг это твоя судьба?

ЛИЗА. Ой, Маня! Глупости всё это! Сначала нужно окончить курсы, потом университет и я буду прежде всего к этому стремиться. Я еле вырвалась на курсы от этих женихов!

МАНЯ. Неужели среди них не было достойного человека? Ведь можно было и замужем учиться на курсах!

ЛИЗА. Нет! Замужество стало бы помехой моим планам! И я даже не утруждала себя общением и разговорами с ними. К тому же, вряд ли, муж разрешил бы мне учиться! Как я полагаю, моя младшая сестра попала в такую ловушку. Муж не разрешает ей поступать на курсы. К тому же, она уже беременна.

МАНЯ. Как же ты так решилась идти против матери?

ЛИЗА. Я давно это решила. Пример семьи, узость взглядов наших женщин, недостаток умственного развития, наивность, а главное – контраст в разговорах мужчин и женщин.

МАНЯ. Но это само собой разумеющееся! Мы ведь и по природе совершенно разные!

ЛИЗА. Я не о том, Маня. Мужские разговоры всегда были интересны, умны. Женские же – пустая болтовня о тряпках, балах, мелких житейских проблемах.

МАНЯ. Ну, Лиза, ведь не все таковы! Среди женщин есть умные, серьёзные и талантливые.

ЛИЗА. Да, конечно есть. Но даже они в нашем обществе не могут стоять наравне с мужчинами. Юноша по окончании гимназии может пойти в университет и дальше у него полная свобода выбора. А у образованной

девушки три дороги: место учительницы в селе, в городе беготня по грошовым урокам или бесцельное сидение дома до замужества.

МАНЯ. А как бы ты хотела устроить свою жизнь?

ЛИЗА. Мы, интеллигенция, в огромном долгу перед простым народом. Я чувствую этот долг, и я должна его отдать.

МАНЯ. В таком случае, создание своей сельской школы для тебя лучший вариант.

ЛИЗА. Я уже думала об этом. Но эта мечта разлетелась в прах, когда я убедилась, что образование без религиозно-нравственного воспитания не способно подготовить человека. Учительница, с моими убеждениями, немислима ни в какой школе.

МАНЯ. Конечно, мы очень далеки от первых христиан. Они были свободны духом, а наша изнеженная интеллигенция раба своих взглядов и привычек. Но если взглянуть глубже, то даже я более христианка, чем ты!

ЛИЗА. Почему ты так думаешь? Вот Неплюев размышляет о вере. А я не понимаю, как это – не умею молиться? Я с детства молилась и понимала смысл слов. Молилась и плакала. Если бы тогда кто-то мог заметить моё религиозное чувство и от молитв обратить его к жизни, к самосовершенствованию и любви к ближним, гувернанткам не пришлось бы столько жаловаться на мой характер.

МАНЯ. Ой, Лиза! Уже три часа! Опоздаем, закроют выставку!

ЛИЗА. Ой, правда! Идём скорее! *(надевают шляпки и уходят)*.

Явление 3

Лиза в комнате, за столом среди книг. Пишет в дневнике. На заднем плане – фото Лизы

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Я снялась у Мрозовской с распущенными волосами, не то Мадонна, не то кающаяся грешница с виду, но в сущности это и есть мой первый, вполне удачный портрет. Выражает мою духовную сущность, моё «я». Все знакомые удивляются этой карточке. А старший брат даже рассердился: «Ах, какая вы, Елизавета Александровна! На этой карточке вы совсем не та, идеализированная какая-то! Ах, дайте ещё раз посмотреть на это лицо!» Он глаз не мог оторвать от карточки!.. Вечером за чаем он пустился в объяснения, как он меня понимает. «Вы тип любопытный. Смесь буржуазии с интеллигенцией... Воспитанная в чисто буржуазной среде, вы попали в студенческую, интеллигентную и, конечно, восприняли многие её воззрения. Вот и получилась смесь».

ЛИЗА *(откладывает перо, задумывается)*. Интересно, кого пришлёт ко мне Неплюев? Неужели он так заинтересован во мне? Посмотрим...

Стук в дверь, Лиза встает, открывает. Входит Мария Павловна.

КОСПРОМА

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Такое оригинальное знакомство – по письмам! Мария!

ЛИЗА. Здравствуйте! Проходите, я вас ждала. Вы озябли? Давайте чай пить!

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Давайте! (*Лиза разливает чай*). У вас интересная комната. Всё строго, ничего лишнего. А вот книг очень много. Над чем же работает сейчас Ваша творческая мысль?

ЛИЗА. Для меня слишком мудреным кажется толкование Катехизиса Неплюевым. Гораздо понятнее и ближе толкование Церкви.

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Вы знаете, Лиза, меняется время, люди, меняются их понятия. В Европе повсеместно свободное религиозное движение, оно идёт само собою, иногда независимо от Церкви.

ЛИЗА. Я вчера вспомнила лекцию профессора Мушкетова. Он говорил о гипотезе охлаждения Солнца. Зачем же в таком случае создан мир, если он обречён погибнуть? Это ужасное «Зачем?» выросло для меня до колоссальных размеров! И если бы я не верила в бессмертие души, то одним выстрелом разрешила бы задачу жизни. А если моё собственное «я» никогда не уничтожится, то перейду я в лучшее или худшее – неизвестно.

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Выбросьте эти мысли из головы. Надо просто по-другому посмотреть на условности, на церковные обряды. Помните у Введенского: Если всеобщее счастье на земле неосуществимо, то оно осуществится в посмертной жизни.

ЛИЗА. Да. «Исполнение мною нравственного долга искупляет всякое зло» – так кажется. У него получается, что смысл жизни – это служение нравственному долгу, а всеобщее счастье неосуществимо, если нет бессмертия. Но тогда почему нельзя было обойтись без земной жизни? Ведь в вечную жизнь попадут только праведники, а те, кто не были праведниками, но испытали на земле много горя и зла, окажутся обречёнными на вечные муки?

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Вот потому не надо разделять веру и науку, они не антагонисты. Они друг другу помощники и друзья. И наука, порой, может объяснить то, что не может объяснить священнослужитель.

ЛИЗА. Вы тоже так считаете? Но ведь люди такие разные! Есть высокоразвитые личности, но другим-то от этого не тепло, не холодно. Им нужно нечто другое, чем лекции. Наши профессора не хотят сближаться с нами, как с людьми, а молодежь, выйдя из университета, начинает забывать прежние идеалы. Сила науки велика, но не в её власти нравственно преобразовать и объединить пёструю массу молодёжи!

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Вот профессор Неплюев и мечтает объединить людей веры и науки своим братским союзом. Сейчас марксизм и народничество заняли умы, они сбивают с толку молодежь!

ЛИЗА. Да. Неужели люди в конце концов предпочтут кооперацию и борьбу искре Божией, которая живёт в душе каждого человека? Я недавно была на одном студенческом сборище. Профессор, уже в годах, встал и сказал: «Я считаю, что верующим с неверующими быть в одном обществе невозможно! А так как я сам верую в Бога, то не могу быть в обществе атеистов». Я ему возразила, что некоторые не могут верить, потому что не имеют понятия об истинной вере! Но те, у кого есть христианская любовь, не должны отказываться от общения с неверующими. Он ответил, что 14 лет был атеистом, а к Богу пришёл через спиритизм. И он уже не в том возрасте, чтобы начинать всё сначала.

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Лиза, а вы читали у Неплюева «Что есть истина?»

ЛИЗА. Да, совсем недавно. Я написала об этом Маркову и спросила его: знаком ли он с Неплюевым и что думает о его «братстве»? Вот, что он мне ответил: *(читает письмо)* «Не нравится мне это. У него в школе какие-то кружки, надзор старших за младшими, что-то иезуитское. Например, у него для дохода существует водочный завод» *(поднимая глаза)* Неужели это так?

МАРИЯ ПАВЛОВНА. А как вы представляете себе современную жизнь без денег? Что вы предложите взамен?

ЛИЗА. Никогда не думала об этом.

МАРИЯ ПАВЛОВНА. А в чём ваша вера? Вы всё глубоко понимали в выученном вами Катехизисе? Вспомните: «Вера без дел мертва есть». – В ней нет освещающего жизнь смысла!

ЛИЗА. Вспоминая свою веру, я могу сказать, что много раз читала Евангелие, но мало вдумывалась в него. Однажды в детстве, задумавшись о том, «Что такое Бог?», я с ужасом поняла, что не понимаю Бога! Оказывается, Бог был для меня фантомом, призраком поддержки. Но в прошлом году я была в Киеве у монаха Антония. Он долго беседовал со мной, и я ушла от него ободрённая и успокоенная.

МАРИЯ ПАВЛОВНА. Вот видите, ведь это тоже своего рода педагогика. Если вы будете чаще общаться с членами братства, из вашей головы уйдут все упаднические мысли. Мы засиделись с вами. Я не прощаюсь. В среду занятие кружка. Жду вас.

ЛИЗА. Очень рада была познакомиться. До свидания *(Мария Павловна уходит)*... Теперь я знаю, что моя вера с одной стороны служила доказательством моей слабости, с другой – слепого упрямства. Не зря ведь говорят, что надо изучать свою веру. А для этого надо иметь любовь. Я вышла на дорогу и думала идти по ней уже без препятствий, но спустился туман, и я не вижу теперь, куда идти, и должна ожидать, пока он не рассеется...

АВТОР. Потрясающие строчки, потому, что она точно охарактеризовала себя и предсказала свою судьбу, но пошла наперекор ей – не стала ждать, когда рассеется туман. Она спешила жить. Ей казалось, что остановка и ожидание – смерти подобно. Университетские волнения, временное закрытие курсов, новые

КОСПРОМА

знакомства и серьезная болезнь – в этом водовороте событий меняется её характер, её мировоззрение, но страшнее всего то, что она начинает терять веру, которая на родине давала ей силы, успокоение и мир её душе.

Явление 4

15 августа 1899 года. Лиза, Маня, Леля за чайным столом

ЛИЗА. Страшно подумать, что мне уже 25! Сколько за эти годы можно было бы сделать, если б я была свободным человеком! Я бы давно уже окончила курсы и приносила бы пользу народу! Я вспоминаю себя четыре года назад: за всенощной в ярославском соборе стояла пламенно молящаяся девушка. Что от неё осталось? Жаркую молитву заменили тяжелые раздумья.

ЛЕЛЯ. Лиза, ну хватит меланхолии! Окончились курсы. Теперь мы на пороге жизни!

Садится за фортепиано, играет, Маня поет романс «Сон».

Ах, этот необычный сон!
Смутил мой разум, сердце, душу.
Но, нет, я клятвы не нарушу
И сном пусть остаётся он.

Я в нём так счастлива была!
Кружилась в вальсе, птицей пела.
И к вам душа моя летела,
И вас любовью обожгла.

Но наяву совсем не так!
Мы лишь друзья – того не боле.
И сделать шаг – всё в вашей воле,
Но он немислим, этот шаг.

В глазах же ваших не прочесть
Ни откровенья, ни признанья,
Лишь где-то в тайном подсознанье
Надежда маленькая есть.

Я знаю, ждать не нужно мне –
Сны не сбываются буквально.
И в этой жизни то банально,
Что удивительно во сне.

Зачем же был он, этот сон?
Смутил мой разум, сердце, душу.
Но, нет, я клятвы не нарушу
И сном пусть остаётся он...

ЛИЗА. Да. А к финишу пришло меньше 60 человек.

ЛЕЛЯ. Лиза, ты знаешь, что Дашкевич получила выгодное место в пансионе?

ЛИЗА. Знаю, но почему-то желающих на эти места нет. Зато замуж сколько вышло!

МАНЯ. Да, я считала кольца на экзаменах – сбилась со счёта!

ЛИЗА. Знаешь, я думаю, теперь будут организованы курсы в Москве. Мне кажется, что я способна на выполнение этой задачи.

МАНЯ. Ну, и как ты это себе представляешь? Без средств, без связей и знакомств соваться в такое дело!

ЛИЗА. Да, пожалуй, не стоит строить воздушные замки! Но я ещё более интересуюсь теперь женским вопросом. И теперь уже не просто в области высшего образования, но меня волнуют политические права женщин.

МАНЯ. Ты уверена, что это тебе необходимо?

ЛИЗА. Понимаете, девочки, мне душно, хочется простора, широкой деятельности! Моя натура никогда не уляжется добровольно в узкие рамки жизни, разве жизнь сама её уложит.

ЛЕЛЯ. Да, это похоже на тебя. Но ты за эти четыре года очень изменилась. Стала терпимее к другим, спокойнее.

МАНЯ. Если вдуматься, мы в последний раз встречаемся вместе!

ЛЕЛЯ. Да, время неумолимо. Интересно знать, о ком из нас останется память?

ЛИЗА. И здесь сказывается несвобода женщины! Мужчины могут строить широкие планы, мечтать о будущем, им принадлежит политическая власть.

МАНЯ. А вы знаете, что брат нашей Кретовой поступил в министерство иностранных дел?

ЛЕЛЯ. Да, ему предстоит блестящая будущность, он очень способен, умён, имеет связи. А это много помогает в работе.

ЛИЗА. А мы можем двигаться только узкими ограниченными путями. Будь я свободна – я бы строила для себя совершенно иные планы!

МАНЯ. Кто о чём, а Лиза о своём!

ЛИЗА. Я уверена, что в будущем в России роль женщины будет интересна: будет введено высшее женское образование и появится целый ряд женщин, способных к участию в управлении страной. Но если вдруг после будущих исторических событий у нас попытаются отнять это драгоценно право – мы не сдадимся без борьбы!

МАНЯ. Лиза, ты пророчествуешь?

КОСПРОМА

ЛЕЛЯ. Давайте поднимем наши бокалы за то, чтобы наши мечты сбылись!
(*поднимают чашки с чаем, чокаются*).

ЛИЗА. И всё-таки, какую дорогу вы выберете, мои дорогие товарочки!?

ЛЕЛЯ. Я поеду на родину, в свой любимый Таганрог. Там меня ждет мой жених и место директора гимназии. Прежняя директриса выходит за штат.

ЛИЗА. А ты, Маня?

МАНЯ. А мы с Лелей сговорились: делать, как одна, так и другая! Меня ждёт жених и гимназия – только в Твери. А ты, Лиза? Ну-ка, раскрывай нам свои планы!

ЛИЗА (*задумчиво*). Сначала я хотела поехать в деревню, изучать там народную жизнь, заниматься с крестьянскими ребятами, отдохнуть до весны, а потом уехать за границу. Но у меня нет ни одного знакомого помещика, а забраться в глухую деревню и жить по-крестьянски, да ещё учить детей без надлежащих разрешений – это, наверняка, подвергнуться подозрению. Ещё думала сделать попытку подать прошение на Высочайшее имя государыне Александре Федоровне о разрешении сдавать экзамены параллельно со студентами-юристами. Но даже если это пройдет, мне никогда не разрешат стать адвокатом. За последние 30 лет три женщины добивались высшего сельскохозяйственного образования, но им было отказано. Можно было бы ехать за границу на осенний семестр, но есть денежное затруднение. А просить у матери я ничего не хочу.

МАНЯ. Лиза, ты же сама говорила, «не важно, что делать», а «как делать»!

ЛИЗА. Есть ещё один план: открыть частную гимназию в Ярославле с солидной программой и педагогическим персоналом исключительно из курсисток, там давно жалуются на недостаток вакансий в обеих гимназиях. Дело только в деньгах.

ЛЕЛЯ. Так-так... а что же сказал тебе Короленко? Тебе ведь удалось с ним встретиться?

ЛИЗА. Ничего от вас не скроешь! Он сказал: «Посмотрим, посмотрим. Через неделю я прошу вас прийти». Я сказала, что лучше приду через две, а то он, пожалуй, не успеет прочесть. Он снова принял меня очень любезно. Сказал, что по мысли оба рассказа хороши и написаны вполне литературно, но конкретно ничего не может сказать. Добавил, что сама это узнаю по нескольким удачам и неудачам.

МАНЯ. Да-а. Уж точно конкретно ничего не сказал. Но из-за этого не стоит расстраиваться. Некоторые большие писатели вообще начинали в 40 лет! Леля! Тебе не кажется, что нам уже пора домой?

ЛЕЛЯ. Да, пожалуй! Прощай, дорогая подруга! (*Обнимаются. Лиза провожает их*).

ЛИЗА. Прощайте, подруги.

Явление 5

Лиза на авансцене

ЛИЗА. Я проехала прямо в Нерехту, на могилу бабушки. Здравствуй, милая, дорогая, любимая Нерехта! Впервые в жизни я так надолго расставалась с тобой. Весенний воздух холодный, свежий, проникает в самую глубину легких, освежает и оживляет всё существо. И даже такое большое горе не затмило для меня встречу с милой Нерехтой. Я радовалась всему – даже грязи на улице!.. По завещанию бабушки «справляли», как она говорила, «сороковой день». А потом – в Ярославль.

(В Ярославле. Комната бабушки Ираиды Константиновны)

ЛИЗА. Бабушка, милая, здравствуйте!

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Лиза, матушка, наконец-то приехала! *(целуются)*. Садись, милая, *(сажает её за стол)* небось проголодалась в дороге-то. Давай-ка, чайку с куженькой*... Что же, ты теперь делами будешь заниматься?

ЛИЗА. Делами, бабушка. Все сделаю и опять уеду, экзамен сдавать.

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. А на лето приедешь на вакации?

ЛИЗА. Вряд ли. Теперь уж до будущего года.

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Ну, и то хорошо! Хоть теперь посмотрю на тебя... Ишь ты, какая стала нарядная, хорошенькая! Платья-то уж хорошо в Париже шьют, не по-нашему. *(Бабушка разглядывает Лизу со всех сторон. Та смеется и целует бабушку.)*... Что ж, ты с мамкой-то не поводишься?

ЛИЗА. Хоть я и отрезанный ломоть, но если хотите...

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Какая ни есть, а все-таки мать. Все-таки поводишься. Иди.

Лиза идёт в комнату матери.

Явление 6

Комната матери. Она полулежит на диване

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА *(с насмешкой)*. А-а, юристка... здрасьте! *(протягивает руку для поцелуя)*.

ЛИЗА. Здравствуйте! *(целует руку)* Как ваше здоровье?

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Ничего. Как ты живёшь в Париже?

ЛИЗА. Хорошо *(садится)*.

* Куженька - простореч. ватружка

КОСПРОМА

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Когда уедешь?

ЛИЗА. Ещё не знаю... (*Пауза. Встает, чтобы уйти*).

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Постой. Ты должна съездить в Изборск. Там Александр что-то натворил в гимназии. Эдакий мерзавец! Вторую гимназию меняет!

ЛИЗА. Хорошо, если вам угодно, я поеду завтра утром.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Нет, надо ехать сегодня. Нечего откладывать. Поезжай.

Лиза молча выходит.

Явление 7

Комната бабушки Ираиды Константиновны. Лиза входит и садится вновь за стол

ЛИЗА. Надо ехать в Изборск, к Шурке. У меня три часа до поезда.

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Съезди, голубушка. Некому за него похлопотать. Вот бабка твоя умерла честь-честью. И причастилась, и завещала на помин души. Вот я теперь думаю про твою маму: плоха она. Пора о завещании подумать. Живём, грешим. После смерти кто помолится?

ЛИЗА. Бабушка! Что вы говорите! Да разве можно с ней об этом разговаривать! Вы же знаете, как она боится смерти!

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. А Бога она не боится? Будет лежать в могиле без вечного поминовения, как собака какая, прости, Господи! (*плачет*)

ЛИЗА. Пусть уж лучше я сама дам за неё на поминовение, только не говорите с ней об этом!

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. А Бог-то! А грехи-то!.. А вы, дочери, чем хуже сыновей? Коли ты не хочешь, сама с ней поговорю.

ЛИЗА. Бабушка, миленькая, не надо! Будет только хуже! Я вас умоляю: не говорите с ней об этом!

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Ладно. Не буду.

Лиза выходит. Бабушка идёт в комнату матери.

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Саша, пока Лиза здесь, распорядилась бы насчёт поминовения.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Какого поминовения?

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Ну, ведь, все мы не вечны. Я, конечно, могу за тебя подать, но лучше бы ты сделала это сама, это Богу угодно...

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Ах, вот оно что! Все вы хотите похоронить меня, все желаете моей смерти!..

Явление 8

Стук в дверь. Входит Лиза

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. А, вот кто вас научил! Как ты посмела подлая тварь! Отвечай! Как только ты посмела?

ЛИЗА. Что случилось? В чём я виновата? *(смотрит на бабушку)*.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Ах, она не понимает!

ИРАИДА КОНСТАНТИНОВНА. Саша, побойся Бога! Не возводи на неё напраслину! Это я, я – сама! Я только на монастыри, на помин души...*(плачет)*

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Неправда! Знаю я вас! Это вы не о монастырях, а о внучках хлопчете! Нет! Я вам дам себя знать! Не напишу! Пусть всё идёт мальчикам! Я очень рада! Какие они мне дочки? Одна замуж вышла, другая на курсы уехала! Пусть живут, как знают!

ЛИЗА. Вы же сами вышли замуж против воли бабушки! Вы же произвели нас на свет, чтобы воспитать себе из нас рабынь? *(подходит к бабушке, словно оцепеневшей в кресле)*. Пойдемте, бабушка, милая, уйдем скорее.

АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВНА. Ишь, чего захотели! Что выдумали! Пусть все идет мальчикам, так вам и надо! Подлые...

ЛИЗА. Идемте, бабушка, ее не переубедишь...

Лиза с бабушкой уходят.

Действие третье

Явление 1

Больница в Париже. Входит Ленселе

ЛЕНСЕЛЕ. Мадемуазель, вы ко мне?

ЛИЗА. Да, месье, у меня письмо для вас.

ЛЕНСЕЛЕ. Спасибо, мадемуазель. *(Читает)*. Вы уже приходили сюда?

ЛИЗА. Да. Месье.

ЛЕНСЕЛЕ. Проходите сюда, мадемуазель. *(Лиза садится на стул, он – напротив)*. Откуда вы? Давно приехали в Париж?

ЛИЗА. Я из России. Учусь в Сорбонне, на юридическом факультете.

ЛЕНСЕЛЕ. Давно вы больны?

ЛИЗА. Меня и раньше мучили головные боли, но здесь, в Париже, они усилились, и я совсем не могу заниматься. У меня появляется страх: а что если я сойду с ума?

КОСПРОМА

ЛЕНСЕЛЕ (*улыбаясь*). Вот фантазия! Это просто переутомление. Отдохните недельки две-три в деревне и всё пройдёт.

ЛИЗА. Но это состояние делает из меня ни к чему не пригодное существо!

ЛЕНСЕЛЕ. Видите ли, жизнь в Париже слишком сложна. Сюда надо приезжать уже вполне сложившимся человеком лет 25 – 28-ми.

ЛИЗА. Но мне уже 25 лет!

ЛЕНСЕЛЕ (*удивленно*). Не может быть! Вы выглядите совсем девочкой!

ЛИЗА. Очень даже может быть, месье.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ: Мне очень хотелось ответить русской поговоркой «Маленькая собачка до старости щенок», да не знала, как перевести по-французски «щенок». Я слишком горда, слишком привыкла скрывать от людей своё состояние, даже разговор с врачом казался мне унижением. Я страдала от вопросов, как раненые, когда исследуют их раны.

ЛЕНСЕЛЕ. В таком состоянии, в каком вы находитесь теперь, Вам лучше всего вернуться домой, в свою семью.

ЛИЗА. Ах, моя семья! (*закрывает лицо руками и рыдает*) Простите, месье.

ЛЕНСЕЛЕ. Видите ли, вы больны не физически, а нравственно... Вам не надо жить одной. Непременно надо иметь около себя кого-нибудь, кто бы мог заботиться о вас, развлечь, когда вам не по себе... Вам необходимо иметь знакомых. Я дам вам лекарство, но при том образе жизни, какой ведёте сейчас, трудно будет вылечиться. Одни лекарства не помогут. Где вы живёте? Я пришла к вам одну особу.

ЛИЗА. Улица Арбалет, 36...

ЛЕНСЕЛЕ. Делайте растирание всего тела два раза в день, утром и вечером, только не сами. Ни в коем случае...

ЛИЗА. Мне некому это делать. Я живу в пансионе, где все жильцы - студенты и никто не согласится, хозяйка занята с утра до вечера...

ЛЕНСЕЛЕ. Постарайтесь все-таки как-нибудь это устроить, вам это полезно. И пилюли... Три раза в день перед пищей. Нравится вам электричество?

ЛИЗА. Да, я ходила в Петербурге.

ЛЕНСЕЛЕ. Ходите сюда три раза в неделю на электризацию. Вот вам направление. С ним придёте в понедельник к доктору Фуршо. Он даст вам билет на пользование ваннами. Только помните: не ждите прямой пользы от этих лекарств, одни они вам не помогут. (*Дает Лизе рецепты. Лиза встаёт, он провожает её до дверей*). Приходите, когда захотите.

Лиза выходит, садится на садовую скамейку, плачет.

ЛИЗА. Он прав, прав... Но мне невозможно, немислимо изменить условия своей жизни, нельзя создать семью, мне не с кем жить! Если я совершенно одна – кто позаботится обо мне? Приговор простой и ясный: меня нельзя вылечить! Значит, придется жить под гнетом этого ужасного состояния! Хочется крикнуть: «Люди! Среди вас гибнет человек, которому нужно так мало, так мало... искра любви, ласки, участия!» Дайте мне её, и я оживу, я снова буду в состоянии работать! Но гордость запрещает мне показывать людям, как я страдаю. Им просто не до меня.

Явление 2

Лиза на авансцене. За спиной освещенный праздничный Париж

ЛИЗА. Вот и Рождество. Здесь в обычае сочельник праздновать, как у нас Пасху. Все лавки открыты и ярко освещены. Пение, шум, музыка, крики, смех... Какая большая разница между этой шумной, пестрой Рождественской ночью в Париже и нашей, в России. И мысль уносится далеко-далеко, в бесконечные снежные равнины родины, среди которых затерялись столицы, города и деревни. Чудная, таинственная, мистическая северная ночь! Сколько в ней поэзии, сколько странной грусти!

Лиза входит в квартиру Сорель, красиво и со вкусом обставленную.

ЛИЗА. Здравствуйте! Я решила навестить вас.

СОРЕЛЬ. А-а, очень-очень рада! Проходите! Мужа нет дома, я одна...

Лиза снимает пальто и шляпку. Садится на диван. Сорель подложила дрова в камин

СОРЕЛЬ. Садитесь ближе к огню. Как вы поживаете? Занимаетесь? А мне некогда, я нынешний год кормлю мою девочку.

ЛИЗА. Сколько ей месяцев?

СОРЕЛЬ. Пять. Она теперь спит, и я не могу вам показать её. Ах, как я устала! Сегодня ночью она опять плакала, и я до шести часов не спала. Муж целыми днями на работе, на няню: у нас пока нет средств, и мне приходится всё делать самой.

ЛИЗА. Но мне кажется, что ваш муж очень хороший человек.

СОРЕЛЬ. О, несомненно! Вы же знаете, что мы познакомились в университете? Он – удивительный человек! Он не только умный и талантливый – он любит меня и нашу малышку. Ой, кажется, она подаёт голос. Я на минуту оставлю вас.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Эта пара действительно могла считаться исключительной. Они сошлись с двух концов Европы в Парижском университете, оба одних лет, оба южане, оба красавцы, талантливые, интеллигентные писатели-социалисты. Они точно созданы друг для друга, и

КОСПРОМА

всякий, кто их видит, невольно поражается таким счастливым совпадением обстоятельств. Точно судьба, создавая столько несчастных браков, решила вдруг сделать им подарок: соединила мужчину и женщину, в которых бездна всяких достоинств, начиная с внешности.

СОРЕЛЬ (*входит*). Ну вот, малышка снова уснула. Нельзя хорошо говорить о своём муже, но я скажу, что это редкий человек. Он такой идеалист – никогда не идёт на компромиссы с совестью. Вот и сейчас он пошёл к одному депутату, хлопотать по делу рабочего.

ЛИЗА. Да, далеко не каждый согласится хлопотать за другого. Для многих это удивительно.

СОРЕЛЬ. Моя малышка уже может сидеть в подушках, произносит какие-то звуки, смеется. Я так её люблю! Мне кажется, она вырастет красавицей и умницей, непременно будет играть на фортепиано и петь. Хорошо ведь, когда женщина всесторонне образована. Как вы думаете?

ЛИЗА. Я совершенно согласна с вами. Какое счастье, что у вашей дочери такие родители! Вы сделаете всё, чтобы она была счастлива. К сожалению, таких родителей очень мало. Оттого люди и мучаются, даже несмотря на своё приличное социальное положение. (*Плач ребенка*).

СОРЕЛЬ. Простите, Лиза, нужно идти к ребёнку. Приходите в любое время. До встречи!

ЛИЗА. Вы меня простите. До свидания (*уходит*).

Явление 3

Лиза на авансцене

ЛИЗА. Ещё несколько дней и человечество встретит новый век. Во всех уголках земного шара люди ждут его, рассуждают, подводят итоги, пытаются заглянуть в темную даль не только нового года, но и нового века. Ни один из предшествующих веков не вступал в жизнь при такой обстановке. Прогресс в эти сто лет летел буквально на всех парах. Никогда человеческий гений не работал с такой силой, не охватывал столько сторон жизни, не проникал так глубоко во все её изгибы. Мы вступаем в двадцатый век с Толстым и Ибсенем... Мы живём и не думаем о смерти – каждый раз она является для нас неожиданностью. Смерть это нечто чудовищное, страшное, но вечно новое, как любовь. В любви творческая сила, потому что она создаёт будущее – детей. На пороге двадцатого века мои мысли снова летят к родине.

Лиза входит в кабинет Ленселе.

ЛЕНСЕЛЕ. Присаживайтесь, мадемуазель. Вы ходите сюда на электризацию? Не хотите ли, я дам вам письмо в госпиталь Брока? Это гораздо ближе к вам и удобнее ходить...

ЛИЗА. Спасибо, месье...

ЛЕНСЕЛЕ. Вы всё в том же состоянии? Не ходите на лекции?

ЛИЗА. Нет, я совершенно не в состоянии работать. Я потеряла умственные способности...

ЛЕНСЕЛЕ. Ну, это вздор! Вы просто находитесь в угнетённом состоянии. Вам надо выйти из этого состояния.

ЛИЗА. Но я не могу. И жить так не могу... Мне не надо жить...

ЛЕНСЕЛЕ. Я ожидал, что вы это скажете. Вы, славянская раса слишком чувствительны, мистичны, скажу даже – иногда слишком экзальтированы. К чему думать о самоубийстве? Вы вовсе не так безнадежно больны. Вам надо справиться с собою – и только. Чтобы жить в этом мире, надо иметь цель. Какая Ваша цель?

ЛИЗА. Какая цель? Я поступила на юридический факультет, чтобы открыть женщине новую дорогу, добиться её юридического уравнивания с мужчиной, чтобы её допустили к адвокатуре.

ЛЕНСЕЛЕ. Вы хотите посвятить свою жизнь защите интересов женщины? Хорошо. Вот и сосредоточьте ваши силы, чтобы овладеть собою, чтобы потом была в состоянии работать.

ЛИЗА. Но я не могу, не могу... У меня нет сил, эта головная боль измучила меня совершенно. Лучше умереть.

ЛЕНСЕЛЕ. Выкиньте эти мысли из головы, успокойтесь.

ЛИЗА. Но если вы в своей жизни сделали ошибку... Разбили жизнь человека, что тогда?

ЛЕНСЕЛЕ. Что вы сделали? Какую ошибку? Скажите мне...

ЛИЗА. Не спрашивайте, не скажу, не могу... *(плачет)*

ЛЕНСЕЛЕ. Врачу можно сказать всё...

ЛИЗА. Ну, да, ошибка! И за эту ошибку отдана жизнь моей сестры! Это было шесть лет назад. Мы – сироты, отца у нас нет, мать-деспот держала нас взаперти. К нам ходил учитель, давал уроки братьям и влюбился в мою младшую сестру. Та сначала его не любила... Тогда он устроил целую драму: признался мне в любви, а потом написал сестре письмо, что он солгал с отчаянья, что он с ума сходит от любви к ней. А я была полностью занята мыслями о поступлении на курсы, читала, занималась и ждала совершеннолетия, чтобы ехать в Петербург. Сестре тоже хотелось учиться, но она на два года моложе меня. Так он притворился, что сочувствует нам. Обещал сестре отпустить её на курсы, только бы она согласилась выйти за него замуж. Я решила, что он и самом деле может помочь сестре. Стала содействовать их браку, хотя мать была против: я, старшая, должна была выйти замуж первой. И когда сестра вышла за него, он тотчас изменился. Ему незачем было больше притворяться. С первых же дней сестра стала беременна. Он стал убеждать её, что теперь нечего и думать о курсах. Теперь сестра не говорит мне прямо, что

КОСПРОМА

несчастлива с ним, но не перестаёт упрекать меня в содействии её браку. А разве я не была в то время так же наивна и неопытна, как она?

ЛЕНСЕЛЕ (*после молчания, когда Лиза перестала плакать*). И вас так угнетает сознание своей ошибки? Вы сами говорите, что были неопытны и мало видели людей. Да и так ли несчастна ваша сестра, как кажется? Есть у неё дети?

ЛИЗА. Да, две дочери

ЛЕНСЕЛЕ. Значит, есть утешение. И если б она была действительно очень несчастна, то оставила бы мужа. Но раз живёт с ним, значит, находит в нём что-нибудь такое, что привязывает её к нему. И притом, очевидно, у неё не было такого твердого стремления к знаниям, как у вас.

ЛИЗА. Это правда. Она всегда больше говорила, чем делала...

ЛЕНСЕЛЕ. Ну, вот, Вы вовсе не так виноваты пред своей сестрой, как думаете. А если она упрекает вас за то, что вы способствовали её браку, видя и зная, как вы страдаете от сознания своей ошибки, это уж прямо жестоко с её стороны. Вы должны теперь сосредоточить всё своё внимание на том, что можете сделать для других. Старайтесь восстановить свои силы. (*Смотрит на часы, Лиза встает*). Повторяю: успокойтесь и не мучьте себя... Я уже доказал вам, что вы вовсе не так виноваты, как кажется. (*Провожает Лизу к двери*). Если что понадобится, обращайтесь... Я всегда к вашим услугам.

Явление 4

Квартира Кларанс. Она, экстравагантно одетая, открывает Лизе дверь с пером в руке

КЛАРАНС. А, это вы! Я уже села работать, но все-таки вы проходите...

ЛИЗА. Извините меня, я опоздала. Выполняла просьбу мадам Муратовой.

КЛАРАНС. Ничего. Проходите в спальню. Это будет менее церемонно, чем в гостиной. Там теплее. Там я топлю день и ночь. (*Ведёт Лизу, обняв. В спальне большой диван. Лиза садится, блаженно закрывает глаза*). Посидите немного в одиночестве. Я сейчас приготовлю чай. (*выходит*).

ЛИЗА (*громким шепотом*). Господи, как здесь хорошо! Тепло! Тихо!

Кларанс возвращается. Ставит на маленький столик поднос, садится на медвежью шкуру.

КЛАРАНС. Если хотите, идите сюда. Вам там удобно? Будем пить чай. Я очень рада познакомиться с женщиной независимой и без предрассудков. Это такая редкость у нас во Франции. Вы, русские женщины, такие энергичные! Учитесь, всюду ездите одни. Вы заметили, что у меня бывают почти исключительно мужчины? Это потому, что наши женщины такие буржуазки, клерикалки, ужас!

ЛИЗА. Да, может быть, наши женщины более развиты духовно, но у французенок есть достоинства, которых нет у нас.

КЛАРАНС. Нет, нет! Наши женщины невозможны! Они прямо пропитаны буржуазной моралью! Раз замужем. Можно иметь десяток любовников, и всё будет, как это у вас говорят: шито-крыто! Вот почему я их не люблю и не завожу знакомств. А вы... Я смотрю на вас – такая чистая, точно дитя. Сколько вам лет?

ЛИЗА. Двадцать шесть.

КЛАРАНС. Поразительно! Вам по виду нельзя дать более восемнадцати!

ЛИЗА. Да ведь и вы, я уверена, кажетесь моложе своих лет. И ничего тут удивительного. Сколько вам?

КЛАРАНС. Двадцать девять. Но я не люблю об этом говорить.

ЛИЗА. Простите меня.

КЛАРАНС. Ну, что вы. Это я только так, к слову. Между нами только три года разницы. Но вы ещё дитя... Скажите, вы девственница?

ЛИЗА (*удивленно*). Конечно!

КЛАРАНС (*громко хохочет*). Ох, простите, моя милая! Ну, нечего сказать, спросила! Но в ваши-то годы! Я бы ни за что не смогла! (*хохочет*). (*Лиза смотрит на неё недоуменно*). Извините, не подумайте, что я над вами насмехаюсь! Не обижайтесь, ради Бога! Я смеюсь, потому что у нас не принято... Как можно так жить? Вы ещё не любили?

ЛИЗА (*опустив голову и пряча глаза*). Нет.

КЛАРАНС (*лукаво*). Не может быть! Невероятно!

ЛИЗА. Да, это так.

КЛАРАНС. Дайте-ка мне вашу руку!

Лиза отрицательно мотает головой

КЛАРАНС. О, да вы с характером! У вас аналитический ум. вы всё анализируете. Неужели вы нисколько не чувственны? Если полюбите кого-нибудь, то со стороны нравственной или умственной. Но я считаю, что так жить нельзя! Мы состоим из души и тела. А вы... (*опять хохочет*). (*Лиза смущена*) Должно быть, вы стоите за добродетель? И охота вам поглощать её принципы?

ЛИЗА. Разве это преступление?

КЛАРАНС. По-моему, люди неправильно понимают добродетель в этом смысле. Девственность в вашем возрасте отнюдь не добродетель, а противоестественный порок. К чему атрофировать то, что нам дано природой? Мы должны жить согласно её законам! И величайшая ошибка буржуазной морали в том, что она построена на культе такой добродетели!

КОСПРОМА

ЛИЗА. А вы сами – девственны?

КЛАРАНС (*хохочет*). Вот так вопрос! Ах, какое же вы дитя! Конечно же, я люблю свободной любовью, как хочу! И замуж никогда не пойду.

ЛИЗА. Отчего же вы не живёте открыто, перед всеми?

КЛАРАНС. Оттого, что не хочу, чтобы все видели мою интимную жизнь. Общество так полно буржуазных предрассудков, что, не задумываясь, забрасает меня камнями. А вы видите, какая я жалкая калека, мне бороться с ними не под силу. Поэтому для всех я – барышня. У меня бывает так много народа, что никто никогда не догадается, с кем я живу. А жить без любви невозможно, это единственная радость в нашем печальном существовании.

ЛИЗА. Но отчего же вы не вышли замуж?

КЛАРАНС. Замуж? Ни-ког-да! И ни за что! Замуж нужно выходить только тогда, когда хотите иметь детей. А я не хочу. Кроме того, я обожаю свободу. Литература не приносит мне ничего, но я занимаюсь ремеслом: пишу романы и фельетоны.

ЛИЗА. Но почему же вы не хотите иметь детей?

КЛАРАНС. Оттого, что это страшная ответственность! Детей надо хорошо воспитывать, а в нашем обществе воспитание молодого поколения очень и очень дурно. Большинство родителей об этом просто не думают. Дети являются на свет, как случайное следствие нашей похоти. Подумайте только: появляется на свет мыслящее, чувствующее существо! Какова ответственность! Сами посудите: какая я мать – жалкая калека. В детстве у меня была страшная болезнь. Я осталась жива, а ноги, как последствие – атрофированы. К тому же – истеричка. Какую бы наследственность я бы им передала?

ЛИЗА. Может быть, вы и правы. Я вспоминаю свою мать, для которой все мы – пятеро детей – случайные последствия. Мы всю жизнь были для неё обузой.

КЛАРАНС. Да, жизнь надо производить осторожно. Она слишком тяжела. Я заболтала вас. Вы, наверное, устали от меня?

ЛИЗА. О, нет-нет, что вы! просто я думаю над тем, что вы сказали. Мне пора. Это я утомила вас поздним посещением.

Кларанс провожает Лизу до дверей.

Явление 5

Лиза входит в комнату Ленселе в его сопровождении

ЛАНСЕЛЕ. Я прошу вас подождать в моей комнате. Мы обедаем. Вы читаете по-немецки?

ЛИЗА. Да.

ЛАНСЕЛЕ. Почитайте пока. А если хотите, вот медицинские книги. Я скоро вернусь.

ЛИЗА (*осматривает комнату*). Как странно. Комната словно не жилая. (*Берёт в руки книгу, раскрывает, на пол падает визитная карточка*). «Монсир, я не застала вас дома». (*быстро прячет визитку в книгу*)... Боже, как стыдно. Это же чужое письмо! Он использует женские письма для закладок... (*Лиза углубляется в книгу. Возвращается Ленселе с толстым томом в руках. Кладёт книгу перед ней*).

ЛАНСЕЛЕ. Даже если вы и узнаете что-то из этой книги, вы не сможете помочь своему брату. Вы слишком далеко от него. Сосредоточьте лучше своё внимание на том, что непосредственно важно для самой. (*Садится напротив, пишет*).

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Как он красив! Такого совершенного изящного лица я ещё никогда не видела. Человек, который мне сделал столько добра, так прекрасен!

ЛАНСЕЛЕ. Помните. Что у вас есть цель!

ЛИЗА. Но я так устала! Мне кажется, что я совершенно ни к чему не способна! И это в моём возрасте... память просто ужасна!

ЛАНСЕЛЕ. Это вам только кажется. Вы просто на время потеряли волю, а память вернется. За это нечего бояться. Вы должны овладеть собой.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Боже, я готова слушать его целую вечность!

ЛИЗА. Помните, вы советовали мне выйти замуж? В Москве ко мне сватались два молодых человека, но они мне совершенно не интересны. Поэтому я снова приехала сюда.

ЛАНСЕЛЕ. С вашей стороны естественно было уехать, если молодой человек вам не нравится. Выходить замуж нужно не иначе, как по взаимной любви или симпатии.

ЛИЗА (*с отчаяньем*). По любви?.. Но любовь - это мираж, обман! Читали ли вы у Шопенгауэра о метафизике половой любви?

ЛАНСЕЛЕ. Да.

ЛИЗА. Ну, так вот, там верное представление о любви. Это мираж, обман и больше ничего! И потом замужество с человеком, который вдоволь попользовался молодостью и свободой... Я этого в браке не допускаю. А по вашим законам, женщина, вышедшая замуж, окончательно теряет право на свою личность и собственность. Её имущество принадлежит мужу. Это возмутительно! Несправедливо!

ЛАНСЕЛЕ. А я нахожу, что вполне справедливо. Ведь она не заработала приданое, а его дает ей отец. И потому она не может им распоряжаться.

ЛИЗА. Как вы можете так рассуждать! Ведь это же её отец! Разве можно утверждать опекунство над взрослым человеком? Неужели женщина,

КОСПРОМА

вышедшая замуж, должна быть на положении ребёнка!? У нас в России имущества мужа и жены разделены. Уже темно. Мне пора.

ЛАНСЕЛЕ. Я провожу вас до остановки трамвая. Все мы страдаем, кто-то более, кто-то менее. Люди на земле – прах. И единственное утешение – это делать добро.

ЛИЗА. В таком случае жизнь теряет всякий смысл!

ЛАНСЕЛЕ (*насмешливо, грустно*). А в чём её смысл?

ЛИЗА. В том, чтобы идти к прогрессу. Ведь если люди на земле прах, зачем делать добро?

ЛАНСЕЛЕ. А что такое добро?

ЛИЗА. Добро есть справедливость!

ЛАНСЕЛЕ. Поддерживать ближнего – вот наша задача. А мы слишком ничтожны без Бога.

Уходят за сцену.

АВТОР. Теплый майский вечер, ожидание трамвая рядом с ним. Сколько во всём этом, казалось, мистического смысла! Душа раскрылась, словно цветок. Она, наконец, полюбила! Рождение любви – это так прекрасно! Человеку кажется, что он родился заново. Конечно же, Лизе хотелось видеть в нём только добродетели и совершенство. Проходит время, и Лиза, старавшаяся всегда сдерживать свои чувства, меняется внутренне. Молодой доктор Ланселе оказывается тем солнцем, которое растопило лёд в её сердце. Бессознательно она чувствует в этом человеке христианскую душу и потому её тянет к нему.

Явление 6

Лиза в своей комнате, пишет дневник

ЛИЗА. Отчего я всё чаще думаю о нём? Неужели полюбила его? До сих пор я не знала, что такое любовь, и не понимала. Надо всё испытать в этом мире. А любовь для меня нечто новое. Мне кажется, что я и не жила до сих пор. Точно чего-то ждала. Теперь начинается новая жизнь!

АВТОР. Бедная, бедная Лиза! Она и не подозревает, что эта новая жизнь – начало таких страданий, каких она ещё не испытывала никогда!

Лиза подходит к окну. Звучит романс.

Только видеть тебя и с тобой говорить...
Радость взгляда и нежность улыбки дарить...
Слушать голос – божественней музыки нет!
И на старый вопрос вдруг услышать ответ.

Говорить, своё сердце навстречу открыв,
И выравнивать мыслей спешащий наплыв.
Безоглядно поверить, простить и прощать,
А потом этот миг каждый раз возвращать,
Если нету тебя, если ты далеко...
Потому что ты в сердце моём глубоко
И оттуда не вырвать тебя, не стереть,
Даже если случится мне вдруг умереть...
И оттуда не вырвать тебя, не стереть,
Даже если случится мне вдруг умереть, –
Ты останешься в вечности рядом со мной,
Как молитва, как сон неразгаданный мой...

Звонок в дверь. Лиза открывает, почтальон передает письмо. Радостная, торопливо вскрывает конверт. Читает, перечитывает, прижимает письмо к груди.

ЛИЗА. Как хорошо он пишет! У меня не получится в двух словах ободрить вас, но я приглашаю вас прийти утром или в пятницу вечером в Бусико. Мы побеседуем с вами обо всём. *(Лиза, напевая романс, надевает шляпу и смотрится в зеркало. Затем, быстро выходит).*

Явление 7

Лиза входит в кабинет Ленселе

ЛЕНСЕЛЕ. Здравствуйте, мадемуазель. Присаживайтесь. Как вы себя чувствуете?

ЛИЗА. Очень плохо.

ЛЕНСЕЛЕ. Опять головная боль? *(садится напротив)*. Ну, рассказывайте, что же случилось с вами, пока я вас не видел?

ЛИЗА. Моя хозяйка сдала салон консерваторке. Гаммы и упражнения шесть часов подряд! Мне надо писать перевод с русского на французский, а она садится упражняться! Я пробовала сосредоточиться – напрасно! Голова болит весь вечер...

ЛЕНСЕЛЕ. Этому очень легко помочь! *(с улыбкой)* Стоит только переменить квартиру!

ЛИЗА. Но мне жаль оставить эту комнату. Там так хорошо и удобно. И если при всяком подобном случае будет болеть голова, лучше умереть!

ЛЕНСЕЛЕ. Вы не имеете права.

ЛИЗА *(перебивает)*. Нет, теперь уже есть другие юристки, кроме меня, они будут работать лучше и принесут больше пользы. Значит...

КОСПРОМА

ЛЕНСЕЛЕ. Значит, вы не даёте мне высказаться. Я хотел сказать, что вы не имеете нравственного права распоряжаться своей жизнью. Пусть другие работают на этом поприще – прекрасно! Но у вас есть способности быть полезной людям. И вы должны развивать их.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Я слушала его слова, и они пробуждали во мне что-то хорошее, веру в себя. Его голос звучал так ласково, так гармонично, и весь он, со своим серьёзным лицом, прекрасными голубыми глазами, казался мне существом лучше, выше из всех, кого я когда-либо знала.

ЛЕНСЕЛЕ. Ну, как, вы успокоились?

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. И он спрашивает об этом! Страдание острое, как лезвие ножа, охватило меня. Ведь этот человек, которого я так люблю, не любит меня! *(Лиза плачет)*.

ЛЕНСЕЛЕ. Значит, вы находитесь по-прежнему в угнетённом состоянии! Надо быть мужественной. Что же делать, если жизнь так устроена? Она тяжела, я согласен и сам бы не хотел иметь детей в наше время. Но раз уж мы родились, то наш долг стараться делать всё как можно лучше и совершенствоваться самим. *(вздыхнул)*. Я дам вам лекарство, принимайте ежедневно три раза. И если вы думаете, что я могу служить вам нравственной опорой – я сделаю все, что в моих силах.

ЛИЗА. Благодарю, месье. *(Он провожает её до дверей)*.

АВТОР. Скорее всего, содержание последнего, переписанного, Дневника не расходятся с реальностью. Возможно, лишь в деталях, потому что перенесены из одного временного отрезка в другой. И это в силу раскрывающегося литературного таланта. Почему же она переписывает французский Дневник? Она стала другим человеком. Она уже не может писать в прежней манере, ибо её пуританские максималистские взгляды меняются. Она безумно любит и оттого готова на всё. Она ищет хотя бы ниточку, которая могла бы их связать и пока есть надежда, она мечется, мучается, но живёт этой надеждой.

Явление 8

Вновь звонок. Входит Дана. Лиза сушит волосы

ДАНЕ *(словно потеряв дар речи, смотрит на Лизу восхищённый)*. О, мадемуазель! Какие волосы! Боже, какие волосы! Я никак не подозревал! Какая красота! *(Пораженный, стоит посреди комнаты, держа в руках шляпу и перчатки. Лиза, лукаво улыбаясь, берёт из рук Дана шляпу и надевает её. Оглядывает себя в зеркало)*. О, как вы хороши! Вы – просто произведение искусства! Если вас одеть в пеплум так... с распущенными волосами... А я буду римлянином. Да ведь это чудо, как хорошо будет! Все умрут от зависти! Мы произведем такой эффект!.. Слушайте! Мы пойдем вместе на бал

интернов. Я сегодня же нарисую для вас костюм, (*уже неуверенно*) а дома у нас его сошьют...

ЛИЗА. А что это такое – бал интернов?

ДАНЕ. А, это очень интересно! Видите ли, интерны дают бал в зале Бюлье. И вот некоторые госпитали делают ложи и устраивают процессии. Мы выбрали текст из Тита Ливия: богатый помещик даёт праздник в честь освобождения своего любимого раба. После празднества он отправился в храм Юпитера и теперь возвращается к себе домой, окруженный друзьями. Вот мы и рисуем вид Помпеи у подошвы Везувия. Наша ложа должна быть римская. И оденемся в античные костюмы.

ЛИЗА. О, как это должно быть интересно!

ДАНЕ. Да, будет весело.

ЛИЗА (*робко*). А мне можно будет попасть на этот бал?

ДАНЕ. Не знаю... этот бал очень весёлый и очень свободного нрава. Но я готов сделать для вас всё, только бы вы позволили видеть себя такой!.. Что за волосы! Я никогда такие не видел! Что же вы молчите? Так едем вместе на бал?! Ведь это такое интересное зрелище! Да?

ЛИЗА (*неуверенно*) Хорошо. (*Дане вновь с жаром целует ей руку*)... Но с условием: дайте мне слово, что ни на курсе, ни в больнице никто не узнает об этом.

ДАНЕ. Клянусь вам, это останется тайной. Приезжайте завтра ко мне, и мы будем творить ваш костюм! Я очень-очень жду (*целует руку и уходит*).

ЛИЗА. Боже, как мне страшно... Конечно со мной. Невидимая цепь приковала меня к нему. Это сильнее меня. Или сейчас или никогда!

Явление 9

Лиза пишет в дневнике

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Вчера в 8 часов вечера я одевалась в рабочем кабинете Дане. Когда я вышла, Дане окинул меня быстрым взглядом и воскликнул: «Прекрасно! Посмотрите на себя!». И я увидела в зеркале прекрасную бледную молодую женщину с темными бровями и волной белокурых волос, которые падали почти до колен... в тунике и пеплуме, падающем с плеч красивыми мягкими складками. Дане любовался мной с восторгом артиста. Здесь, в Париже, я научилась ценить и понимать внешность. Если бы кто-нибудь год назад предсказал, какой стану – я бы рассмеялась ему в лицо: Не может быть! Немыслимо! В самом деле: что я делаю? Куда иду!? За это время я забыла обо всем на свете, забыла о России. Я должна дать нравственный отчет обществу. Что же я делаю?.. И я чувствовала, что стремглав падаю куда-то. Я совсем потерялась и не знаю, что с собой делать. Зачем он пришёл сюда?! Зачем? Ведь он знает, что это за бал и всё-таки пошёл... Я чувствовала, если только увижу,

КОСПРОМА

что он, как все, развратничает с женщинами, я не вынесу этого. Убью её, его и себя! Я люблю его. Он должен быть лучше других. А если ничем не лучше, так пусть погибнет и он, и я сама. «Сейчас пойдут процессии, – сказал Дане, – пойдёмте в ложу». Женщины весёлые, хорошенькие, в самых разнообразных костюмах рассыпались по ложе. Вдруг одна из них, сидевшая рядом со мной, сняла фланелевую подкладку, оставшись в одной газовой тунике, и спокойно прошлась по ложе. Две другие последовали её примеру. Я осмотрелась: кругом мелькали голые женские фигуры – или вовсе без одежды, или прикрытые прозрачным газом. Сердце у меня остановилось.

Явление 10

Лица в госпитале. Рядом медсестра мадам Делавинь

ДЕЛАВИНЬ. Мадемуазель, вы на электричество? Вам придётся подождать пять минут. Ваша кабинка пока занята. Как у вас дела? Я все хотела спросить вас: как идёт лечение?

ЛИЗА. Пока нет никакого улучшения.

ДЕЛАВИНЬ. Вы ведь лечитесь у месье Ленселе?

ЛИЗА. Да.

ДЕЛАВИНЬ. Ну, он иезуит.

ЛИЗА. А почему? Неужели есть тайные иезуиты?

ДЕЛАВИНЬ. Вам нечего бояться. У нас называют иезуитом всякого фальшивого, неискреннего человека. Ну, вот и он такой. Он сделал мне много зла.

ЛИЗА (*дрогнувшим голосом*). За что же? Как это нехорошо с его стороны. Вы такая добрая.

ДЕЛАВИНЬ. Тут была история. Он любил одну больную: у нас по правилам – больные без сопровождения сиделок не могут ходить к доктору в лабораторию, я за этим слежу. Так вот, он за это соблюдение правил и придирался ко мне. Как бы я ни сделала мазь – всё было нехорошо...

ЛИЗА. Как всё это ужасно!

ДЕЛАВИНЬ. А вы знаете, он женится! Она очень хорошенькая, воспитанница монастыря. Может быть, она сумеет смягчить его сердце? (*Лица, словно оцепенела. Делавинь смотрит на неё, испуганно закрывает рот ладонью*). Мадемуазель, ваша кабинка свободна. Прошу вас. Уходят.

Явление 11

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Со странным чувством поднималась я по лестнице. Каждая ступенька, каждый шаг приближал меня к нему...

Звонок. Лиза входит в комнату Ленселе.

ЛЕНСЕЛЕ. Здравствуйте, мадемуазель. Садитесь. Извините, но я никак не мог прочесть вашей телеграммы. Разобрать в ней что-нибудь было невозможно.

ЛИЗА (*борясь с волнением*). Я просила вас ответить, можно ли принимать лекарство каждый раз, как усиливается головная боль.

ЛЕНСЕЛЕ. Но это лекарство не производит моментального действия, нужен курс лечения.

ЛИЗА. Извините, что я пришла к вам сюда, но я принуждена... Я не хотела больше обращаться к вам, потому что теперь это слишком унижительно для меня. Вы сами говорите, что я могу в любое время к вам приходиться. Я верю каждому вашему слову. Вы думаете, у меня нет никакого самолюбия?.. Но вы сами назначаете мне дни. (*Голос Лизы срывается*)...

ЛЕНСЕЛЕ. Извините, я был слишком небрежен к вам, ещё раз прошу прощения. Ну, расскажите же, что с вами случилось за эти дни.

ЛИЗА. Вы не искренни, месье...

ЛЕНСЕЛЕ. Ну, почему? Почему?

ЛИЗА (*волнуясь*). Я случайно услышала разговор. Я беседовала с одной особой. Она говорит: «Знаете ли, Ленселе – иезуит». Я спросила: «Почему назвали его иезуитом?» Она ответила: «Потому что невозможно доверять его словам».

ЛЕНСЕЛЕ. Мадемуазель, возможно, есть люди, которым я невольно причинил зло, но мне всё равно, что они думают про меня. Но если вы встретите моих друзей – они скажут обратное. Впрочем, вы не можете сказать, что я был с вами неискренен. Мы достаточно говорили, чтобы вы могли убедиться в моей искренности. Возможно, я иногда говорил вам неприятные вещи, но это по необходимости.

ЛИЗА. Да, да, месье, вы безупречны, потому что моё поведение по отношению к вам таково, но я уверена, что вы по-другому вели бы себя, явись я к вам напудренная с виднеющимся розовым бельем.

ЛЕНСЕЛЕ (*удивленно*). Почему вы так думаете?

ЛИЗА. Потому что я знаю. Вы так любите забавляться.

ЛЕНСЕЛЕ. Кто вам сказал такое?

ЛИЗА. Никто, месье... Мужчины созданы для этого...

ЛЕНСЕЛЕ (*глядя на Лизу*): Женщины тоже. Они ничуть не лучше. Наоборот, они более порочны, чем мужчины. И, часто, менее умны, чем мужчины. Они ниже нас. Женщину Бог создал из ребра мужчины...

ЛИЗА. Я не буду вам противоречить, вы ведь смотрите на женщину, как и все французы.

КОСПРОМА

ЛЕНСЕЛЕ. Я дам вам лекарство (*холодно*). Вы будете принимать его в течение десяти дней. А потом – приходите...

ЛИЗА. О, нет, я больше не приду. У вас ведь нет на меня времени. У интернов в мае экзамены.

ЛЕНСЕЛЕ. Экзамены? Но они ничего не значат – это пустая формальность, я занят другой работой.

ЛИЗА (*вставая*). Прощайте. (*Он провожает её до дверей*).

Лиза на авансцене.

ЛИЗА. Уходя, я почувствовала, что не увижу его больше никогда. Я люблю человека чуждых мне убеждений, которому не понятны самые дорогие, самые заветные мои чувства...

АВТОР. Помните, ещё в Нерехте, разговор с офицером Былеевым? «Ну, а если вы полюбите испорченного человека? – спросил он». «Я и виду не покажу. Лучше сама себя изломаю, и скорее умру, чем выдам себя, – последовал ответ». Мы знаем, что мысли материализуются. И получается, что она вновь напророчила сама себе. Вот они, последние строчки в дневнике: «Жить? Нет, нет и тысячу раз нет! По крайней мере, покой и забвение... Их надо мне. Родина, милая, прости... И ты любовь моя, прощай!». Эти строчки написаны за полгода до ее гибели. Она шла навстречу смерти, совсем не думая умереть! Но к смерти нельзя относиться легкомысленно, как к чему бы то ни было земному! Есть некая странная связь её имени с названием источника, в котором она, по-видимому, решила искупаться... По женской, а, возможно, и по христианской логике, она хотела «обновиться», измениться, искупавшись в этом источнике. Но нелепая случайность – туман, сквозь который и на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно, всё испортил. Лиза сорвалась вниз и разбилась о камни. Она перебила голени и, возможно, ещё долго была жива... Образование, достигнутое дорогой ценой, не дало ей ожидаемого. Те пуританские взгляды, провинциальные запреты, которые нивелировала Европа, возможно бы, сохранили ей жизнь, изменили её, и она смогла бы принести пользу и себе и окружающим. Полное разочарование в своей мечте, обида на весь мир, страсти, с которыми она не смогла справиться одна – без Родины, без близких, – без Бога. Но я верю в то, что Господь дал ей время покаяться – Он не мог допустить гибели этой души.

Нерехта.

июнь 2000 – июнь 2019 гг.

Памяти Олега Михайловича Хомякова

ОЛЕГ ХОМЯКОВ (1934-2021). Окончил ВГИК, факультет кинодраматургии. С 1957 г. по 1981 г. работал редактором художественных фильмов на Свердловской киностудии, с 1981 г. по 1991 г. – редактором художественных фильмов на Одесской киностудии. Член Союза кинематографистов России и Союза писателей России. Участник «Литературных встреч в русской провинции» (г. Красноярск, Овсянка) 1996 и 1998 гг. Лауреат Республиканской премии за участие в конкурсе «Ради жизни на земле» (1985 г.), лауреат премии еженедельника «Литературная Россия» за 1997 г. Автор десяти книг поэзии и прозы: «Молодая Вселенная», «Караван мулов», «След колесницы», «Приз века», «Все до последнего слова», «В кадре и за кадром», «Моя Одесса», романов «Судьба капитана», «Веселое кино», сборника лирики «Русский век» и нескольких драматических произведений. Публиковался в журналах «Урал», «Енисей» и др. Последние годы жил в городе Шарье Костромской области, некоторое время был членом Костромской областной писательской организации.

Из очерка М.Ф. Базанкова «Олег Хомяков»

В Шарье, воспитывался в семье потомственных железнодорожников. Было четверо детей. Жили дружно, интересно, каждый со своей мечтой. Олег получил золотую медаль за среднюю школу. Поступил на сценарно-редакторский факультет ВГИКа. После окончания работал редактором художественных фильмов на Свердловской и Одесской киностудиях. Увлёкся, конечно, драматургией, но и поэзия не оставляла его в покое. Веселый, естественно эмоциональный редактор общался с талантливыми писателями, актерами – богатый у него опыт общения. Снялся в нескольких эпизодических ролях (фильмы Киры Муратовой). Оказался лауреатом республиканской премии за повесть для детей, премии еженедельника «Литературная Россия», имеет знак «Отличник кинематографии». Была увлеченная и результативная пора. Теперь – в роли пенсионера... В Шарье вернулся по семейным обстоятельствам... Остался в родительском доме с намерением осуществить давние литературные замыслы... Пишет роман-портрет, роман-воспоминание, веселые повести и рассказы. Спасается тем, что ему дано и доступно. Иногда прорывается у него: «пребываю в стойком убеждении, что народ погружается в ужасное безразличие к подлинной

КОСПРОМЯ

культуре. Не будут люди покупать душевные книги. Им сегодня ничего не надо по одной самой существенной причине... Но пишу, надеюсь. А как же иначе? Объемную рукопись посылаю – в подтверждение»... Годы идут – житейские проблемы накатываются волнами. Родительский дом пришлось «покинуть»... Спасают стихи, иногда получаются драмы, повести, роман «Парень в чёрном бушлате» напечатал в местной типографии. Иногда прорвутся кинематографические воспоминания. Для своего юбилея напечатал в городской газете «Автопортрет» (поэтический)... И не успокоился. Драматургия тревожит. Не вызывал – сама напросилась драматическая баллада в пяти картинах «Певец во стане красных воинов»... А пьеса «Любовь-морковь человека без имени» участвовала в Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы».

ЛЮБОВЬ – МОРКОВЬ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ИМЕНИ

Лирическая комедия в одном действии, четырёх картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛАРИСА

СЕРГЕЙ

ЛИДИЯ ИВАНОВНА ЗЕРНОВА

АНГЕЛИНА ПАВЛОВНА ЧЕРТКОВА

МАША

Действие происходит в Москве, в середине лета.

Картина 1

Гостиная в квартире московской «высотки». Подготовленная к ремонту, она полупуста: раскладное кресло, пара стульев, подставка для горшочка с цветами. Ещё не вынесено в соседнюю комнату настенное зеркало. Как и висящие рядом фотографии: кадры из памятных кинофильмов. Две женщины осматривают помещение. Это хозяйка квартиры Лариса Майбукова, в которой угадывается стать «знатной дамы» - кинозвезды, и её домработница Маша, расторопная девушка.

МАША. Готовая к ремонту комната, смотрится как зало. Правда, Лариса Петровна?

ЛАРИСА. У меня другая ассоциация, Маша! Я киноактриса, но, наверное, ты знаешь, что в театре во времена Шекспира отсутствовали декорации. Стояли таблички с надписями: «ДВОРЕЦ», «ЛИЕС», «БЕРЕГ МОРЯ»... Вот и наша гостиная сейчас как сцена – без табличек. Унеси жасмин в кухню. Цветы из комнаты-библиотеки тоже – их там легче поливать. Зной не спадает. *(Подходит к зеркалу поправить прическу).* Но без музыки я не могу

репетировать, и на место горшочка поставь, пожалуйста, магнитофон, который мне подарили заводчане.

В передней звенит звонок. Маша торопится встретить гостя и – возвращается в сопровождении женщины в форменной белой блузке. Это офицер железнодорожной полиции Лидия Зернова.

ЗЕРНОВА. Приятно оказаться в доме кинозвезды хотя бы и по служебному поводу! (*Представляясь*). Майор Зернова, Лидия Ивановна.

ЛАРИСА. Здравствуйте! Лариса Петровна Майбукова.

ЗЕРНОВА. Вам представляться не надо. Имя известное миллионам людей.

ЛАРИСА (*словно извиняясь*). Не успела въехать, затеяла ремонт...

ЗЕРНОВА. Домработница мне сказала.

ЛАРИСА. Присаживайтесь. Как вы меня нашли? В Справочнике Союза кинематографистов моего нового адреса нет.

Приглашенная в кресло гостя кладёт на колени планшетку. Маша приносит к креслу один из стульев, на котором устраивается хозяйка квартиры, а сама, прихватив горшочек с жасмином, выходит из гостиной.

ЗЕРНОВА. Позвонила на студию. В теленовостях сообщили, что две знаменитости – Лариса Майбукова и Юлий Луговой – вновь снимаются в одном фильме. На этот раз она уже не медсестра Ася Ивкова и он не лейтенант Берёзкин, они: партизанка-радистка и наш агентурный разведчик, по легенде оберштурмфюрер Гросс. В картине «Человек в чёрном мундире»...

ЛАРИСА (*поправив*). «...в чёрном плаще».

ЗЕРНОВА. Съёмки завершены.....

ЛАРИСА. Приостановлены. Юлий Луговой попал в ДТП.

ЗЕРНОВА. Ах, так? И где он сейчас?

ЛАРИСА. В клинике, правая нога в гипсе.

ЗЕРНОВА. Сочувствую... Лариса Петровна! Меня, майора транспортной полиции, привело к вам необычное обстоятельство. Пассажир ехал в Москву. Познакомился в вагоне со вчерашними школьницами, абитуриентками театральных училищ. Каких несколько в столице, и конкурс в них, где больше, а где меньше. Мужчина очаровал девиц! «Почему вы не артист?? Вас в киноинститут, на актерский факультет, приняли бы за внешние данные. За фотогеничность. Есть у вас фотография? Покажите». Но где же быть снимку? В паспорте! Показал – сообщив, что и впрямь была у него мысль о ВГИКе, участник клубной самодеятельности. Но предпочел все же науку, поступил и окончил физмат МГУ. И тут незадача: в купе появляется проводница, просит рассчитаться за чай, приготовить к выходу на перрон. В этой суতোлке девушки забывают вернуть красавцу-спутнику документ.

ЛАРИСА. И сам он о нём забыл?

КОСПРОМА

ЗЕРНОВА. То уже другая история.

Зернова достает из планшетки фотоснимок. Со словами: «Это мы его у себя в отделении сфотографировали!» Передает актрисе. Та замечает, всмотревшись: «Видный мужчина. И чем-то похож, по-моему, на Юлия Лугового».

ЗЕРНОВА (*возвращая себе фото*). Это подметил и наш фотограф.

ЛАРИСА. Но что за история? Что случилось?

ЗЕРНОВА. Приходилось вам слышать о таком казусе человеческого сознания, как локальная амнезия?

ЛАРИСА. Что-то с расстройством памяти?

ЗЕРНОВА. Именно так. Шок, стресс... И даже обычные перегрузки... Если сразу не принять меры, временное может развиваться в постоянное. Несчастный потеряет способность не только помнить: кто он? Что он? Но и логически мыслить, соображать. А уж забыть о паспорте, коли такое случилось, как комара убить.

ЛАРИСА. Но ваши сотрудники начеку??

ЗЕРНОВА. Нельзя было не заметить фигуру в дальнем углу зала с дорожной сумкой под боком. Есть камеры наблюдения, человек в неподвижной позе...

Пауза.

ЛАРИСА. И что с ним делать?

ЗЕРНОВА. Увезти в клинику Кащенко: уложат на исследование – долгая, малоприятная история! А человека где-то хватились, ждут.

ЛАРИСА. Мобильник, наверное, на поясе?

ЗЕРНОВА. Но пользы от него?.. Вот из кармана, когда он искал в куртке паспорт или командировочное удостоверение, вынул – вместо документов – буклет. Книжечку из серии «Звезды советского экрана». Вся она посвящена Ларисе Майбуковой.

ЛАРИСА. Это мне льстит, хотя о пользе здесь, по-моему, речи нет. Я о восстановлении памяти!

ЗЕРНОВА. Мне пришла в голову мысль: что если его свести с вами? Познакомить друг с другом.

ЛАРИСА. Его со мной?! Зачем?

ЗЕРНОВА. Он испытает своеобразный антистресс, потрясение: при встрече с любимой актрисой. Вы дадите ему автограф... Пообщаетесь! Пока я объезжаю театральные училища, включая ВГИК, ГИТИС... Пытаясь найти тех его попутчиц. Угостите С е р е ж у чаем, кофе.

ЛАРИСА. «Серёжу»?

ЗЕРНОВА. Мы в отделении так его между собой назвали. Для удобства общения. Я его спрашиваю: «Вы Александр?.. Николай?.. Владимир?..» На «Сергея» он как-то отреагировал, но мельком...

ЛАРИСА. Где он сейчас?

ЗЕРНОВА. В нашей машине. Что стоит у вашего дома.

ЛАРИСА (*хмыкнув*). Как я не догадалась?.. Рекомендую ваш объезд начать со «Щуки».

ЗЕРНОВА. Со «щуки»?!

ЛАРИСА. Это самое известное из московских театральных училищ – имени актера Щукина. Потом в «Щепку» – имени Щепкина, и обязательно в мой ГИТИС – в Государственный институт театрального искусства. Оставьте мне свой сотовый.

ЗЕРНОВА. Он в визитке. (*Достает карточку и, откозыряв, уходит*).

Картина 2

Та же гостиная, в которой к скудной обстановке добавилась лишь оставленная у двери дорожная сумка. Двое стоят друг против друга: Лариса и «Сергей» (в дальнейшем имеет смысл, называя его временное имя, обходиться без кавычек) – рослый молодой мужчина приятной наружности.

ЛАРИСА (*протянув руку*). Лариса.

СЕРГЕЙ (*светясь радостью*). Лариса Петровна?

ЛАРИСА. Разве в буклете указано моё отчество?

СЕРГЕЙ. Нет, но оно мне известно.

ЛАРИСА. А как вас зовут?

СЕРГЕЙ (*смутясь*). Пусть я буду для вас «Сергеем». У меня неприятность с памятью.

ЛАРИСА. Хорошо... То есть хорошего мало, но, надеюсь, это затруднение временное. Присаживайтесь в кресло!

В гостиную входит Маша. Идя за стулом у стены, хозяйка дома спрашивает домработницу: «Маша, ты знакома с Сергеем Сергеевичем?» Та отвечает, что «товарищ из полиции» познакомила. «Принеси нам столик и приготовь гостю угощение...»

ЛАРИСА (*ставя стул рядом с креслом*). Сергей, что будете пить: чай, кофе?

СЕРГЕЙ. Что вы, то и я.

ЛАРИСА (*домработнице*). Завари «Липтон». Покрепче!

Маша удаляется, не забыв прихватить и цветочный горшочек.

ЛАРИСА. Как вам стало известно моё полное имя?

КОСПРОМА

СЕРГЕЙ (*сидящей визави*). Школьный друг работает в киностудии. У него есть Справочник Союза кинематографистов, где и указаны ваши имя, адрес.

ЛАРИСА. Прежний адрес. И всё же вам он зачем понадобился?

СЕРГЕЙ. Я подумал, когда купил эту книжечку (*достает из куртки буклет*), что приеду в Москву – в командировку – и приду к вам за автографом.

Между сидящими появляется столик, меченый шахматными клетками, накрытый скатертью-временкой. Маша спешит вернуться в кухню.

ЛАРИСА (*гостю*). Дайте мне буклет. И есть у вас ручка?

СЕРГЕЙ (*выполнив просьбу, обведя взглядом стены*). А можно я посмотрю фотографии?

ЛАРИСА. Это кадры из фильмов. С моим участием.

Пока актриса листает странички буклета, метя их своей подписью, поклонник таланта обходит комнатную выставку.

СЕРГЕЙ. Лариса Петровна! Фильм «Ночь без рассвета», в котором вы играете медсестру Асю Ивкову, я смотрел раз пять, не считая показов по телевизору. Но вот этого кадра не помню. Где вы у берёзы стоите с госпитальным хирургом, которого играет Юлий Луговой.

ЛАРИСА. Да – Юлий Васильевич. В меня по сюжету влюблены двое прекрасных мужчин: хирург и ранбольной, как их тогда называли в госпиталях, лейтенант Березкин. Наша сцена с Юлием в больничном сквере была трогательной. Но режиссер, жёсткая женщина, её вырезала!

СЕРГЕЙ. «Скверный» с её стороны поступок?! (*Любуясь кадром*). А вы – «Сладкая парочка», говоря языком современной рекламы!

ЛАРИСА. Спасибо на добром слове, Сережа... Вы, кстати, тоже можете называть меня здесь, в домашней обстановке, по имени...

Актриса возвращает буклет владельцу и тот молча, благодарно, прижимает его к сердцу. Двое вновь располагаются друг против друга.

ЛАРИСА. «Скверный поступок»?.. Отдаю должное вашему чувству юмора, но вы не знаете эту даму – режиссера двух фильмов – «Ночь без рассвета» и «Человек в чёрном плаще». Это Ангелина Павловна Черткова. Ангел она только по имени. А по характеру – «Чёрт в юбке». Другое её прозвище на студии – «Железная мисс».

СЕРГЕЙ. Но «Ночь без рассвета» – любимое зрителями кино!

ЛАРИСА. Талантливый мастер экрана. По выражению Фаины Георгиевны Раневской, талант, он как прыщ: вскочит неведомо на ком, неведомо когда. Сейчас «железная мисс» клянёт Юлия Лугового за то, что тот купил иномарку – немецкий «хорьх» – и, не умея управлять им, врезался в фонарный столб. Авто в ремонте, нога у актера в гипсе, но Чертковой это до

лампочки. Фильм консервируется: уходит летняя натура. А снять осталось всего три эпизода. Два разговорных, один без реплик: финальный бой с фашистами на мосту на их КПП...

Маша появляется теперь с круглым подносом в руках, на котором всё, о чем гость может только мечтать в данный момент. Сама, отклонив приглашение хозяйки почаевничать вместе с ними, уходит. Лариса разливает напиток по чашкам.

СЕРГЕЙ. А почему нет сегодня на экранах в других фильмах «лейтенанта Березкина»? Артиста-артиллериста из «Ночи без рассвета»?

ЛАРИСА. Актера пригласили в советско-польский проект и, оказавшись в Варшаве, он влюбился без памяти в полячку.

СЕРГЕЙ. И женился на ней?

ЛАРИСА. Стал «поляком», а уж снимается ли там в кино, не знаю.

СЕРГЕЙ. Когда вы, Ася Ивкова, танцуете с Берёзкиным последний вальс, я всегда думаю: съемки – одно, но актер в жизни не мог не влюбиться в вас, Ларису Майбукову. Какая Польша? Какая полячка?? Перед вами, русской красавицей, все эти «пани» меркнут, как свечные огарки перед современным светильником!

ЛАРИСА. Я была уже замужем, когда начались съемки...

СЕРГЕЙ (*невольно вскрикнув*). Почему «была»?

ЛАРИСА. Потому что муж, геолог, нашел себе потом «геологиню»: их объединил, или, можно сказать, поженил Тунгусский метеорит: поход на реку Тунгуску... А как сложилась ваша семейная жизнь?

СЕРГЕЙ. Складывалась. Пока жена не объявила вердикт: «Построить семью, живя в гражданском браке, и дурак может. А вот построить карьеру – не всякому трудоголику дано». Я из недотёп!

ЛАРИСА. И что же – она ушла от вас?

СЕРГЕЙ. Вместе с дочерью.

ЛАРИСА (*после паузы*). Так мы брат и сестра – по несчастью?.. И всё же «жизнь продолжается, – как поётся в хорошей песне, – жизнь продолжается, и каждый из нас за счастье сражается».

СЕРГЕЙ. Всегда приходила в голову и другая мысль. Хирурга играл в фильме Юлий Луговой – он ведь любовь миллионов женщин!.. Прости, что я вдруг перешёл на «ты»!

ЛАРИСА. Пусть это будет – взаимно.

СЕРГЕЙ. Я выражусь глупо, смешно! Но ты разве могла стать – исключением из миллионов?

КОСПРОМА

ЛАРИСА (*с улыбкой*). Коварный, Серёжа, вопрос! Вот начнёшь сниматься и узнаешь: неотменимое, неизбежное в кинематографе: кончаются съемки и рвутся связи.

СЕРГЕЙ. Однако на фильме «Человек в черном плаще» прошлое к вам вернулось.

ЛАРИСА. «К вам»... Мне остается вспомнить фильм «Простая история». И одну из самых задушевных песен, прозвучавших с экрана былых лет: Юлий одинок. «Огней так много золотых на улицах Саратова...» (*Взглядом приглашает гостя допеть строфу*).

СЕРГЕЙ (*явно делая усилие, чтобы вспомнить*). «Парней так много холостых, а я люблю женатого».

ЛАРИСА (*ликуя*). Вспомнилось? Молодец! Это шаг по ступеньке памяти.

СЕРГЕЙ. Так то песня.

ЛАРИСА. А если тебе нужна справка о том, как оно обстоит в жизни, пожалуйста! Изольда Марковна, жена Юлия, самая ревнивая женщина на белом свете. Она не отходила от мужа на съемках ни на шаг, а сейчас в клинике не отходит ни на сантиметр от его кровати.

Входит, задержавшись у порога, Маша. Сообщает: «Лариса Петровна! Магнитофон не включается. Я проверила». Для хозяйки дома сомнительно: «А ты умеешь его включать?» - «Ничего сложного!»

ЛАРИСА (*взглянув на гостя*). Мне этот пластмассовый чемодан, если можно так выразиться, преподнесли ветераны завода «Серп и молот». У них свой филиал заводского ДК. Встреча была теплой, памятной!

СЕРГЕЙ. Разреши, я взгляну! Советская продукция, если даже не блистала дизайном, марку качества всегда держала.

Едва двое вышли из гостиной, Лариса снимает с полки у зеркала мобильник. Связаться с абонентом – минутное дело, но что-то заставляет актрису отойти в ближний угол.

ЛАРИСА (*прижав к уху аппарат*). Ангелина Павловна? Это Лариса Майбукова. Добрый день! «Доброго» мало? Но что-то есть... Будете сегодня у Юлия? И, значит, встретите Изольду? Скажите им, что небо благоволит нашему фильму. Представьте, что в данную минуту в моей квартире находится человек во вкусе обожаемых нами зрителей. Он не супер, не мачо, но с другим ценным преимуществом: Сергей – так его зовут – лицом и даже статью очень похож на Юлия Лугового!.. Даже полиция признает сходство!.. Ну с чего вы взяли, Ангелина Павловна?! Он не скрывается от неё, он не в розыске. Ему полиция оказывает содействие! Но это не для телефонного разговора... Мне, моему актерскому чутью, вы можете верить?.. Спасибо. Но ситуация по ряду причин не безотлагательна. Актёр ждёт режиссёра (пока это шутка!) приезжайте ко мне, Ангелина Павловна – вы знаете мой новый адрес! Это рядом с «Мосфильмом», с нашей костюмерной. Как принято в этих

случаях говорить, в ножки мне не поклонитесь, но спасибо скажете!
(*Выключает аппарат*).

В гостиную входит Сергей - с магнитофоном в руках. Маша указывает, куда поставить, а сама – освобождая от посуды стол – возвращается в кухню. Сергей докладывает: «Всё в норме или ажуре, но на панели западает центральный клавиш».

ЛАРИСА. Ты починил?

СЕРГЕЙ. Ну, если это можно назвать починкой... Другое мне важно! Вспомнилась моя профессия: я инженер-наладчик микроэлектроники. Работаю на радиозаводе. А где, в каком мегаполисе? – это пока в тумане... Вижу, закрыв глаза, ряд труб: заводских труб...

ЛАРИСА. Прекрасно! К сожалению, нить которую могла бы дать «киностудия» – на которой работает твой друг, – тоже пока очень тонкая. Киностудии были, работали в советские времена на Урале, в Свердловске, в Поволжье...

СЕРГЕЙ (*покачивая головой*). Я сибиряк.

ЛАРИСА. И фильмы снимались – всех жанров и играли в них великие актеры: Вячеслав Тихонов, Василий Лановой, Евгений Самойлов... А женщины-звёзды: Татьяна Самойлова, Алла Ларионова, Людмила Гурченко... Сегодня кому встать рядом?

СЕРГЕЙ. Лара! Ты лучше их всех!.. Извини, я очень люблю имя «Лариса» и не мог не назвать тебя ласково... сорвался!

ЛАРИСА. Что за нелепое слово в таком случае: «Сорвался...» Я не к тому, что разделяю философию жены Лугового – Изольды Марковны. Она считает, что по причине замены натуральных продуктов на суррогатный эрзац, на синтетическую подставу, наша нация лишилась – красивых людей. «Одни картошки в мешках, а где же яблоки в вазах?» Личности, являющие собой природную красоту, должны быть хранимы, окружены заботой как бесценное национальное достояние!

СЕРГЕЙ. Это неправда – по вырождению русского национального типа! У нас в школе, классе половина парней и девчонок смотрелись как украшение хоть экрана, хоть сцены! Но стали они «технарями», врачами, учителями, воинами, чья профессия «родину защищать»...

В глубине квартиры, в передней раздаётся громкий, «требовательный» звонок.

ЛАРИСА (*вздвигнув*). Это «железная мисс»! Приготовься: у тебя с ней будет ответственный разговор – творческий.

СЕРГЕЙ. Творческий? (*Моргает удивлённо глазами*).

Картина 3

Гостиная. Заглянувшая в неё Маша объявляет: «Ангелина Павловна Черткова!» - и исчезает за порогом. Лариса и Сергей, как по команде, встают с мест. Вошедшая женщина из той породы людей, о которых принято говорить «буря и натиск». Темперамент, нетерпеливость, как и нежелание сидеть на месте, напротив громкая речь. Одетая «киношница» в джинсовый костюм, на голове белое кепи с красным «бейсбольным» козырьком, на спине увесистый рюкзак. Замершую посреди комнаты пару она не столько обходит, сколько обегает. Бросив открытисто:

ЧЕРТКОВА. Вы смотрите вместе. (С долей иронии). Но пока, Лариса Петровна, – отойдите от своего кумира!

Последнее слово заставляет актрису вздрогнуть, но сказывается привычка выполнять беспрекословно режиссерскую волю.

ЧЕРТКОВА (встав перед мужчиной, представляясь). Черткова. Кинорежиссер. Здравствуйте.

СЕРГЕЙ. Здравия желаю!

ЧЕРТКОВА (двинув плечом). Вы что, офицер?

СЕРГЕЙ. Нет.

ЧЕРТКОВА. И я не служу в армии.

СЕРГЕЙ. Но у вас офицерский взгляд.

ЧЕРТКОВА. Гм... (Ларисе). Как вам это нравится? (Сергею). А вы кто по профессии? по должности?

Лариса, пожевав губами, выразительно кашляет.

СЕРГЕЙ. Я инженер.

ЧЕРТКОВА (сообразив). Ну вот и познакомились. Повернитесь!

СЕРГЕЙ. Куда?

ЧЕРТКОВА (жестулируя). Волчком. «Вокруг оси». (Обращая взор к актрисе). Похож. Вы правы и отдаю должное вашей мысли: она работает в нужном направлении.

ЛАРИСА. Наш гость инженер и сибиряк.

Постановщица фильма отходит к стульям, приставленным к стене. Снимает с головы кепи, а с плеч рюкзак. Один из стульев выносит на середину комнаты, повелев жестом сесть на него «человеку с размытой памятью, с временно присвоенным ему именем».

ЧЕРТКОВА (встав перед «сибиряком» со сложенными на груди руками). Откуда конкретно вы родом? Где являются на свет такие русские красавцы?

СЕРГЕЙ. Это я «красавец»?!

ЧЕРТКОВА. Не кокетничайте. Вы не жених, я не невеста. Где вы родились?

СЕРГЕЙ. В Свердловске.

ЧЕРТКОВА. Такого города давно нет. Есть Екатеринбург.

СЕРГЕЙ. Но он был Свердловском. А свой трудовой путь я начал уже в Екатеринбурге – в математическом институте имени Стеклова. Позже, однако, мне предложили место на радиозаводе в городе Омске.

ЛАРИСА. В Омске?! Вы это точно помните?

СЕРГЕЙ. Сейчас вспомнил.

ЧЕРТКОВА (*обойдя стул кругом*). Может, вспомните и свою фамилию, номер паспорта?

СЕРГЕЙ. Нет, это заклинило. Помню только, что фамилия у меня «строительная», а номер паспорта начинается с цифр «19-89». По совпадению это год рождения моей жены.

На прямой вопрос: «Вы женаты?» следует ответ: «Был женат».

ЛАРИСА. Жена от него ушла.

ЧЕРТКОВА. Крышу снесло? Или в Свердловске такие мужики валялись тогда на дороге? Вы же вылитый Юлий Луговой! Гордость российского экрана!

СЕРГЕЙ. Я не думал об этом.

ЧЕРТКОВА. Так ваша жена не могла не подумать. А у нас неприятность на фильме – с участием Лугового.

ЛАРИСА. Ангелина Павловна! Наш сибиряк в курсе дела и не отказывается: согласен!

СЕРГЕЙ (*чуть оторопев*) На что я... «согласен»? Лара, о чём речь?

ЛАРИСА. О том, что ты не откажешься сняться в фильме «Человек в черном плаще» – вместо Лугового.

Пауза.

ЧЕРТКОВА (*Ларисе*). Вы с ним уже на «ты»?

ЛАРИСА (*конфузливо*). Это обмолвка.

ЧЕРТКОВА. Как и «Лара»? «Ларочка»? Я не ослышалась?

ЛАРИСА (*Сергею*). Вы блистали некогда в клубной самодеятельности...

СЕРГЕЙ. Чаще в школьной. Но не блистал. Меня даже однажды заменили – перед премьерой.

ЛАРИСА. Что в порядке вещей – в актерской жизни.

ЧЕРТКОВА (*Сергею, резко*). Вы умеете плавать?

СЕРГЕЙ. Да.

КОСПРОМА

ЧЕРТКОВА. А если нашему разведчику, по легенде оберштурмфюреру Гроссу, придется прыгнуть в реку с моста? В мундире, в сапогах?

СЕРГЕЙ. Сапоги легко сбросить, оказавшись в воде. Я служил в Псковской гвардейской воздушно-десантной дивизии. Мы прыгали в воду и в сапогах, и с оружием. А уж его-то не сбросишь!

ЧЕРТКОВА (*Ларисе*). Он нравится мне всё больше.

ЛАРИСА. Я это предвидела.

ЧЕРТКОВА. Предвидели?!

ЛАРИСА. Интуитивно.

ЧЕРТКОВА. Тогда мы с Сергеем пройдем в соседнюю комнату! С вашего разрешения!

ЛАРИСА. Милости прошу!

Черткова не забывает прихватить рюкзак. Лариса, едва двое скрылись за порогом, спешит воспользоваться сотовой связью.

ЛАРИСА (*в мобильник*). Лидия Ивановна! Это я, Лариса Петровна! Сергей у меня. Подвижки в восстановлении памяти есть, но небольшие: именно просветы, проблески. Он из Омска, радиоинженер... Прибыл в Москву, в НИИ радиоэлектроники...А вы это знаете?.. Из его командировочного удостоверения, вложенного в паспорт? Который обнаружился у абитуриентки Щукинского училища?.. Вы самая везучая «ищейка», говоря языком телесериалов!.. И вы на пути ко мне?? Я держу дверь открытой. (*Спешит в прихожую, а потом к зеркалу заняться прической*).

И на самом деле майор Зернова появляется из дверей, «как чёрт из коробочки». Она явно в победительном расположении духа. Расстегивает планшет.

ЗЕРНОВА. Абитуриентки, соседки по купе Алексея Сергеевича Кирпичникова – таково его паспортное имя – пробовали поступить во ВГИК. Но там, на актерском факультете, конкурс 200 человек на место!..

ЛАРИСА. В мое время было 100.

ЗЕРНОВА. И девчонки разошлись наудачу по разным театральным точкам – от «Щуки» до «Щепки». (*Передает паспорт актрисе*).

ЛАРИСА (*заглянув в документ*). Всё ясно! Как на ладони! Но раз уж мы общими усилиями вернули ему память, пусть пока остается «Сергеем». В театре существует такое понятие – «предлагаемые обстоятельства».

ЗЕРНОВА (*достав из планшета лист*) А это направление «Сергея» в НИИ: в научно-исследовательский институт электроники...

ЛАРИСА (*кладывает бумагу в паспорт*). Победа, если её не отметить, просто красный лист календаря. У меня есть хорошее грузинское вино.

Но о вине тотчас приходится забыть. Из боковой комнаты выходит «человек в чёрном плаще». «Сергея» не просто узнать – на голове нацистская фуражка с белым черепом, с низко опущенным на лоб козырьком, на левом рукаве красная повязка с «паучьей» свастикой... Женщин охватывают разные чувства: Лариса – в восторге, Зернова – в шоке. «Оберштурмфюрер» скидывает руку. Зернова выхватывает из кобуры – пистолет.

ЗЕРНОВА. Руки вверх!!

«Немец» подчиняется приказу. Но тут уж хозяйка квартиры не может не разрядить обстановку. Да и режиссер – с торжествующим видом – переступает порог.

ЛАРИСА. Лидия Ивановна! Это «Сергей», он же Алексей Сергеевич Кирпичников, – в актерской роли советского разведчика. Тот самый «человек в черном плаще»!

СЕРГЕЙ (резко отвернувшись от стены). Лариса! Откуда тебе всё известно – про меня??

ЛАРИСА (смеясь). От верблюда! (Протягивает «разведчику» его российский паспорт).

ЧЕРТКОВА (не сводя глаз с «нациста», Ларисе). Плечи тесны. Но наш костюмер завтра займется ими. А сегодня снимет мерку. (Сергею). Вы сейчас поедете со мной на студию. Прямо в этом плаще, в моей машине!

Однако стоило властной женщине ухватить новоявленного артиста за одну руку, как свой офицерский навык являет майор Зернова, ухватив другую.

ЗЕРНОВА. Нет, Ангелина Павловна! При всем уважении к вам и к вашему фильму, я не могу теперь остаться в стороне. Наше 4-ое управление охраны общественного порядка на транспорте завтра отмечает свой юбилей. 100 безупречных лет на страже закона. Торжества будут происходить в ДКЖ, в Доме культуры железнодорожников, Звучит?

ЧЕРТКОВА. Ну и «юбилейте»! Кто вам мешает?

ЗЕРНОВА. Мешать всегда легче, чем помогать. Мы помогли вашему «киноартисту» восстановить память, а он поможет нам своим участием в праздничном концерте. Расскажет о новом брэнде, о мосфильмовском подарке зрителям, о своей роли в нём. (Сергею). Вы поедете на моей машине.

ЧЕРТКОВА. Куда он поедет? В КПЗ?? Что, кроме камеры предварительного заключения, вы можете предложить ему на ночь? А на студии есть гостиница.

ЛАРИСА. Минуточку, любезные благодетели! Где при всем том мы, актеры, будем репетировать наши сцены? Гостиница не гостиница – здесь, в этом доме! (Выразительный жест).

КОСПРОМА

«Раздвдвигаемый» по сторонам Сергей обращает взор к женщине, любовь к которой привела его в эту комнату. Оставаясь пленником женских рук, он падает перед хозяйкой гостеприимных стен на колени.

СЕРГЕЙ (*драматическим шепотом*). Лара! Оставь меня у себя!! Я хороший. Я не «белый, пушистый», но, клянусь, я – хороший. Ты не пожалеешь, убедишься – на репетиции!

Осознав правоту логики Сергея, женщины выпускают его руки из своих цепких ладоней.

ЧЕРТКОВА (*не без сарказма*). Верните хотя бы плащ!

ЛАРИСА. Мы привезем его – вместе с фуражкой – завтра утром в костюмерную.

ЧЕРТКОВА. И спать Алексей Сергеевич будет тоже в этой гостиной – на полу?

ЛАРИСА. На кресле. Оно раскладывается: можете убедиться! (*Раздвигает – с торжествующим видом – подушки*).

Женщины-гости, званые и незваные, неожиданно для себя, произносят в один голос: «Спокойной ночи!!»

Картина 4

Гостиная. В левом углу кресло, в совинутом для сидения положении, столик с приставленными к нему стульями. Лариса Сергей и Маша образуют угощающийся вином круг. Краса застолья – початая бутылка марочного вина.

ЛАРИСА. Я предлагаю тост за дебют. Известная по истории театра истина: для актера дебют – это второй день рождения! Видела бы ты, Маша, как наш «оберштурмфюрер» под «руки вверх!» явил животный страх: встал к стене с поднятыми руками, да так, что все пальцы завибрировали! От убедительной игры до реальности расстояние в кино иной раз короче воробьиного скака. При том, что майор полиции могла – в состоянии амбивалентности – и впрямь нажать на спусковой крючок.

СЕРГЕЙ. Ну, положим, стрелять бы она не стала. Усадила бы в полицейскую машину и увезла в московскую военную комендатуру.

ЛАРИСА (*подняв бокал*). Итак, за вступление на актёрскую стезю!

СЕРГЕЙ (*чокаясь*). За нового лицедея хочешь сказать?

ЛАРИСА. Откуда тебе известно само это слово: лицедей?

СЕРГЕЙ. Смотрю телевизор.

МАША. Даже я его знаю. Человек, который делает дело, добиваясь известности своим лицом.

СЕРГЕЙ. Актеры в век масс-медиа есть кто? Новоявленные дворяне: цвет любого народа. Их любят, их знают, им подражают. Хоть иные из них даже

разговорной речью владеют плохо. Слушаешь и мало что понимаешь! А если ещё звук плохо записан?

ЛАРИСА. Есть грех! Хотя речь, техника движения – это первые ступени обучения актерскому мастерству. Поступая даже театральную школу, на курсы – почти выразительно стихотворение! Ты мог неудачно его выбрать. Но мастер, возглавляющий приемную комиссию, откроет том классики, лежащий у него под рукой, и попросит прочесть что-нибудь из него даже без подготовки... Машенька, принеси с библиотечной полки книжечку, стоящую в торце, ближе к окну. Устроим кастинг нашему дебютанту!

Пока Маша выполняет просьбу, Сергей дистанцируется: «Я не поступал ни в «Шуку», ни в «Щепку», а уж о кастинге в такой «акуле», как ВГИК, даже в кошмарном сне не думал». Но в ответ слышит от актрисы: «Мужайся! Не забудь, что нам с тобой предстоят два разговорных эпизода». Получив в руки сборник, Лариса предлагает экзаменуемому закрыть глаза. И добавляет: «Назови наугад страницу!» Сергей, поняв её замысел, называет: «49-ая».

ЛАРИСА. Отлично. (*Протянув сборник испытуемому*). Перенесись теперь мысленно в 41-ый год...

Наскоро пробежав глазами строфы, собрав всю волю в кулак, Сергей читает:

«В пехотном строю»

Листвой ли, снегом просек заметенный,
где даже танк стальной едва ползёт,
на «передок» в колонне батальонной,
в шинели серой девушка идет.

«Родная армия призвала нас с тобою
и назвала – военную сестрой.
Спешите, девушки! На грозном поле боя
красноармеец ранен молодой...»

«Живи, браток! Не умирай!» – шептала
солдату подоспевшая сестра.
Бывало, среди разрывов бинтовала
его – до госпитального двора.

Чем не на месяц длила жизнь – на годы,
перехватив у смерти её власть...
Так мать у колыбели вспомнит роды,
с которых жизнь ребенка началась.

Маша, тронутая декламацией, ударяет в ладоши.

ЛАРИСА (*оценив*). Я бы сказала: хорошо, сдержанно и проникновенно.

КОСПРОМА

СЕРГЕЙ (*возвращая книгу*). А знаешь почему? Потому что это стихотворение – о тебе! О Ларисе Майбуковой в роли санитарки Аси Ивковой.

ЛАРИСА. Нет, та колонна шла на «передок» – на передний край. А я в фильме госпитальная сестра.

СЕРГЕЙ. Какая разница? Эти девушки из «бессмертного санитарного полка», где бы они не оказались, исполнили свой медицинский долг... А теперь тостующий, я прошу слова! Когда на столе прекрасное вино, а за столом прекрасные женщины, лучший тост всегда поднимается за любовь.

МАША. И правильно! (*Разливает остатки вина по двум бокалам*). Вы тут пейте, пожалуйста, мне не велит гипертоническая норма. (*Прихватив свой бокал, уходит*).

СЕРГЕЙ. Хоть у меня лично, какие сейчас права на этот тост? Всё с самого утра, со спутниц в поезде, само потом имя, профессия, любовь-морковь к женщине-мечте...

ЛАРИСА (*двинув бровью*). «Морковь»?.. А мне показалось, что ты о своих чувствах ко мне говорил серьёзно.

СЕРГЕЙ. К тебе?! Да за них, за эти чувства, я выпью не бокал одним глотком, а целую бутылку! Потому что люблю обеих – и Асю, и Лару!

«Назвался груздем – полезай в кузов»: чокнувшись, Сергей демонстрирует залповый глоток.

ЛАРИСА (*пригубив*). Ты обратил внимание, что Ангелина Павловна ни разу не присела, пока была здесь? Ходила, кружила по комнате?

СЕРГЕЙ. Страсть?

ЛАРИСА. Привычка. Она была неплохой актрисой, блистала во МХАТе. А одно из правил подмостков: декорацию надо обжить. Нельзя сидеть на сцене сиднем, не стоять столбом.

СЕРГЕЙ. Но я-то как раз стоял столбом – посреди «сцены»!

ЛАРИСА. Всё уместно, потому что вписывалось в сиюминутную роль. Зато на прощание она мне шепнула: «Проверьте его моторику, пластику: как он движется? Надеюсь, парит над полом, как бывший парашютист!» И у меня есть идея! Помнишь «Случайный вальс» из фильма «Ночь без рассвета»? Текст, музыку?..

СЕРГЕЙ. Я могу прочитать и напеть – от первой до последней строки.

ЛАРИСА. Читать не надо. Мы его протанцуем. Займёмся: я пространством, ты клавишем в магнитофоне. Там на бобине именно тот «Вальс» и записан в мою честь. Дар заводчан!

А всё же освободить «сцену» – одно, а справиться с технической неполадкой сложнее. «Мне нужна маленькая отвертка!» – сообщает Сергей, коснувшись лентопротяжного механизма. Лариса предлагает ему

обратиться к Маше. И снова в схожей ситуации её первое желание – воспользоваться мобильником. Теперь на связи супруга Юлия Лугового.

ЛАРИСА. Изольда Марковна, это вы?.. А это я, Лариса Майбукова. Вы всё ещё в клинике? Как Юлий? как его нога?.. Приятно слышать. Пусть лечится спокойно: мы окончательно определились с возможностью завершить съемки в ближайшие недели... И с одобрения, и при участии Ангелины Павловны. Что имею в виду? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить нашу с вами дискуссию о закате русской национальной красоты. Жизнь вновь подтверждает мою правоту. Россия – по её духовному складу, по особому Божьему промыслу – страна искателей, талантов, самородков, как и несравненной человеческой красоты! Я здесь именно о «внешних данных». Вы говорите, что на сцене, на экране красавцы и красавицы стали редкими гостями. Но так это лишь потому, что русские люди – с их воплощённой православной скромностью – не мнят себя ни королями сцены, ни кумирами экрана. Ему бы покорять залы, не выходить из кинопавильонов!.. Нет, он спросит отвертку и весь с головой уйдет в радиоэлектроннику!.. Кого имею в виду? В фильме, когда он выйдет на экран, увидите... Не влюбилась ли я в него? Тут приятная для вас новость, Изольда Марковна, влюбилась! В моем оказался вкусе этот «парень из тайги». Так что из вашего «Чёрного списка» ревностных подозрений меня, Ларису Майбукову, можете вычеркнуть. Навсегда!.. *(Закрывает связь).*

В гостиной появляется Сергей и уже издали демонстрирует мини-отвертку.

ЛАРИСА. Но где-то в доме есть набор отверток?

СЕРГЕЙ. Он потребуется, когда будет снят последний кадр! А пока обойдёмся «малышкой».

Казалось бы, и впрямь обошлось! «Чемодан» включился, бобины – под шорох ленты – закрутились, но таковы уж капризы всякой и любой техники: доверяться ей абсолютно, 100 %-но нельзя...

ЛАРИСА *(положив мобильник на полочку под зеркалом)*. А где же музыка??

СЕРГЕЙ. Сейчас вступит. А пока – от имени фронтовиков-артиллеристов и в память их бессмертных подвигов – разрешите мне, дорогая Ася, она же Лара, пригласить вас на «Прощальный вальс».

ЛАРИСА. На «Вечерний вальс» Так по сценарию, Серёжа, фильма «Ночь без рассвета». А «Случайным» его позже стали именовать в «Песенниках».

Из магнитофона долетают первые песенные слова:

«Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог спит городок.

КОСПРОМА

Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок....

Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного...»

Увы, мелодия обрывается. Замерли диски бобин. Но танцующие, не сговариваясь, живут песней и в песне:

«В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём.
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём!»

В гостиную входит Машиа. Останавливается, прислоняясь к косяку, и, зачарованная, следит за танцующими. А «озвученный» песней танец продолжается...

«Утро зовёт снова в поход.
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.
Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного,
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем.
Так скажите мне слово.
Сам не знаю о чём!»

«Случайный вальс», который совсем не случайно завершается нежным поцелуем, тихо уплывает в зазеркалье памяти.

III. ПЬЕСЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВАЛЕНТИН КОЗЛОВ родился в 1965 году в д. Хмелёвка Вохомского района. В 1991 г. окончил Костромской государственный педагогический институт имени Н.А. Некрасова по специальности «общетехнические дисциплины и труд». Работал учителем в Хорошевской неполной средней школе и в Боговаровской средней школе. С 2013 г. по 2022 г. работал в Вохомской межрайонной больнице специалистом гражданской обороны. Литературным творчеством начал заниматься во время работы в школе при подготовке к праздникам. Первая пьеса написана в 2001 г. Пишет стихи и исторические эссе по краеведению. Участник СВО, доброволец. Проживает в Вохме, женат, имеет пять детей. Член ЛИТО «Северные Увалы».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАШИ И ВАНИ В ПАЛЕСТИНЕ

Рождественская сказка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВЕДУШАЯ

ВАНЯ

МАША

БАБУШКА АГРАФЕНА

СИМОН, ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

МАРФА, ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ

ЛИЯ, ДОЧКА СИМОНА И МАРФЫ

ПАСТУХ 1

ПАСТУХ 2

ДЕВОЧКА 1

ДЕВОЧКА 2

ВОЛХВ ВАЛТАЗАР

ВОЛХВ ГАСПАР

ВОЛХВ МЕЛЬХИОР

ТОРГОВЕЦ

ПРИЕЗЖАЯ ГОСТЬЯ

АНГЕЛ

АНГЕЛОЧКИ И ДЕТИ, НЕСУЩИЕ ДАРЫ

Сцена 1

Сцена в доме у бабушки. Бабушка читает за столом Евангелие.

Дети играют на полу в игрушки

ВЕДУЩАЯ: История, которую мы хотим вам сегодня поведать, произошла в самой обыкновенной российской деревеньке. В какой именно, мы вам не можем сказать, но жители каждой деревеньки считают, что это произошло именно у них... За окном тихо кружатся редкие снежинки. Луна сквозь переплёт замёрзшего окна пытается заглянуть в маленькую избушку бабушки Аграфены, к которой приехали на каникулы внуки из города.

БАБУШКА: ...И рече им Ангел: Се бо благовестую вам радость велию, яже будет всем людем, яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове...

ВАНЯ: Баб, а кто родился-то, чего ты там читаешь?

БАБУШКА: Наш Господь.

МАША: Когда?

БАБУШКА: Завтра Рождество. И поэтому мы с вами сегодня в честь этого праздника нарядим ёлочку.

ВАНЯ: Какую ёлочку? Новый год ведь уже прошёл.

МАША: Да, бабушка, мы уже наряжали её в этом году.

БАБУШКА: Но сегодня сочельник, и мы нарядим её перед Рождеством. Как всегда делали в старину.

ВАНЯ: Ура! Я люблю наряжать!

МАША: И я!

Бабушка достаёт игрушки и дети их рассматривают

ВАНЯ: Бабушка, а это что? *(показывает на игрушку)* Какая-то странная звезда.

БАБУШКА: А это не простая звезда, а Вифлеемская – символ праздника. Давайте-ка повесим её повыше, пусть она освещает наше жилище.

Все радостно наряжают ёлку. Играет музыка

БАБУШКА: Посмотрите, а вот и особенная игрушка – Ангел, возвестивший пастухам о рождении Иисуса Христа.

ВАНЯ: Баб, дай я её повешу.

БАБУШКА: Осторожнее, внучек! Она старинная, мне она от бабушки досталась!

Ваня пытается повесить игрушку на ёлку. Бамм! Разбилась.

МАША: О-ой! Разбилась!

ВАНЯ: Я нечаянно, правда.

Бабушка, подняв осколки, пытается что-то сложить, причитая:

БАБУШКА: Батюшки святы, как же так!

МАША: Ба! Не переживай, ну на счастье! Мы всё заметём, купим других игрушек.

БАБУШКА: Нет. Эта особенная. Это ангел, возвестивший о Рождестве Спасителя.

ВАНЯ: Бабушка, это всё придумали, как Деда Мороза и Снегурочку.

МАША: Мы же знаем, что всё это сказки, и никаких Ангелов не существует.

БАБУШКА: Кто вам сказал такое: не существует? Где я такого ангелочка найду, он был единственный и такой красивый!

БАБУШКА: (*уходя*) Сама виновата, зачем дала.

Дети между собой:

ВАНЯ: Ну, бабушка, темнота: телевизор не смотрит, по компьютеру не шарит, вот и не знает ничего.

МАША: Бабуля в своём мире живёт, совсем от жизни отстала.

ВАНЯ: Да-а, и эта, её соседка – Глафира. Как сойдутся, так только нас и учат.

МАША: И всё-таки жаль нашу бабушку – верит во всякие чудеса. В Пришествие, Воскресение, а я знаю только одно воскресение – когда в школу не надо ходить.

ВАНЯ: В наш век компьютеров и айфонов чудес не существует.

МАША: Ваня, что-то я так сегодня устала, давай отдохнём.

ВАНЯ: Давай.

Дети засыпают. Звучит волшебная музыка. Появляется Ангел, касается каждого большой тростью и говорит:

АНГЕЛ: Чудес, говорите, нет? А отправляйтесь-ка на 2023 года назад в город Вифлеем, в страну Палестину.

Звучит музыка. Смена декораций.

Сцена 2

Ваня и Маша чудесным образом оказываются в старинном городе Вифлееме. Пастухи сидят у костра и о чём-то беседуют. Звучит Рождественская песня

ПАСТУХ 1: Вы слышали? Спаситель! Он родился! Спешим!

ПАСТУХ 2: Мы должны поклониться Ему! *Пастухи уходят.*

Ваня и Маша кружатся и просыпаются в Вифлееме.

ВАНЯ И МАША: (*хором*) Где это мы?

КОСПРОМА

ВАНЯ: Что это? Какая необычная местность! Не похожа на бабушкину деревню. И снега нет. Наверное, я сплю.

МАША: И горы вокруг, как в Палестине. Помнишь, в книге видели?

ВАНЯ: Точно! Вот чудеса-то! Правда, похоже на Палестину!

МАША: Смотри – там овцы пасутся, и дети играют, пойдём туда.

ВАНЯ: Пойдём.

Подходят к девочкам.

ВАНЯ: Привет, девчонки!

ДЕВОЧКА 1: Что такое привет?

ВАНЯ: Здравствуйте! Мы где?

ДЕВОЧКА 2: На пастбище. Где же ещё?

МАША: А в какой стране?

ДЕВОЧКА 1: В нашей стране.

ВАНЯ: Понятно, что не в нашей, а в вашей. А кто у вас правитель?

ДЕВОЧКИ: *(вместе)*: Ирод!

МАША: Пойдём, Вань, а то они и нас обзовут. Вон, там, кто-то из взрослых идёт, спросим у них.

Появляются пастухи.

ВАНЯ: Дяденьки, скажите, какой это город?

ПАСТУХ 1: Это Вифлеем. Сегодня в этом городе родился Спаситель.

МАША: Вот чудеса-то! Бабушка значит, была права!

ПАСТУХ 2: Какая бабушка? О чём вы, дети?

МАША: Да так..., мы о своём.

ВАНЯ: А вы куда путь держите?

ПАСТУХ 1: А мы идём поклониться Спасителю в этот самый город. Нам сегодня Ангел возвестил о Его рождении.

МАША: И тут бабушка была права! Ангелы существуют.

ВАНЯ: А ты всё: «Бабушка в своём мире живёт, отстала от жизни».

МАША: А ты? В своём глазу не замечаешь: «Бабушка темнота, телевизор не смотрит, в компьютере не шарит». Да она, если ты хочешь знать, побольше нас с тобой знает.

ВАНЯ: Ну, и откуда же она это знает?

МАША: Помнишь, она нам всё повторяла: «Имеющий уши, да слышит»? Из Евангелия.

ПАСТУХИ: Так вы идёте с нами, или мы одни?

МАША и ВАНЯ (*хором*): Идём-идём. Только не оставляйте нас.

ПАСТУХ 1: Спаси Господи! Идёмте с нами.

Сцена 3

Гостиница. Сарра подметает пол, пританцовывает и напевает песенку. Звучит музыка. Сарра, уставшая, садится, входит Марфа

ВЕДУЩАЯ: А в это время правитель Ирод издал указ о всенародной переписи населения. В связи с этим в городе Вифлееме скопилось народу – видимо-невидимо! И все гостиницы были переполнены. Одну из них содержали Симон с женой Марфой и дочерью Лией. Жила с ними также и племянница Симона – сиротка Сарра. Несладко жилось ей в доме дядюшки под брань и шлепки тёти Марфы, но она смиренно всё переносила. И вот что случилось накануне Рождества...

МАРФА: Сарра! Бездельница! Опять сидишь! Воды наносила, осла накормила, овец загнала и думаешь всё? А кто тебя кормит, поит, одевает, обувает?

САРРА: Ты, тётя. Я только отдохнуть присела.

МАРФА: Отдохнуть она присела! А кто будет золу из печей выгребать, клиентов обслуживать? У нас ведь гостиница, а не забегаловка какая-нибудь!

САРРА: Так я не успеваю.

МАРФА: Ты когда встала?

САРРА: С первым лучом солнца.

МАРФА: Безобразие! А ночь-то на что? Работать надо.

САРРА: Помилосердствуйте, тётушка!

МАРФА: Ничего, не переломишься. Заканчивай подметать и бегом на кухню, гостям готовить. Столько понаехало!

САРРА: Хорошо, тётя Марфа.

МАРФА: Чего хорошего? Ты приезжей из двенадцатой комнаты постельное бельё поменяла? Подушки взбила? Не-е-т? О, горе мне, горе! Кругом глаз да глаз нужен. А мне и ванну принять некогда, в гости наведаться недосуг, прогуляться по рынку времени не хватает. Да ещё за работой следить! Сколько сил надо! Ой... в боку заболело!...

САРРА: (*всхлипывая*) Тётя Марфа, тётя Марфа! Простите. Я больше не буду, я всё сделаю.

МАРФА: Давай, давай. Сделаешь, куда ж ты денешься. (*Сарра уходит*) Да-а-а! Гостей то понаехало. Тут ещё забота – куда всех разместить? Ни одной свободной комнаты не осталось. Ох уж эта мне перепись народа. В нашем

КОСПРОМА

городе столько людей собралось (*обводит рукой присутствующих*), что и не сосчитать, не то, что переписать.

Входит дочь Марфы Лия

ЛИЯ: Утром спала, днём спала, вечером спала, кости все и болят... А ещё ночью спать.

МАРФА: Лия, страдалница ты моя! На вот тебе пироженку! Не хочешь? А халвы с изюмом? Нет? Мёду с овсяной булочкой? Ничего не хочет.

ЛИЯ: Я уже всего наелась – скучно мне!

МАРФА: Ну, а что же ты хочешь?

ЛИЯ: Поработать бы, Сарре помочь.

МАРФА: Ещё чего выдумала! Нищенке помогать!

ЛИЯ: Она моя сестра!

МАРФА: Она работой спасается, чтобы кости не болели. Иди в свою комнату. Ой..., опять в боку заболело...

Лия уходит. Стук в дверь! Входит торговец с расписной шкатулкой.

ТОРГОВЕЦ: Добрый вечер, хозяйюшка! Нет ли у вас свободной комнаты переночевать?

МАРФА: Что ты, господин! Всё занято, ни одной комнаты, ни одного свободного угла.

ТОРГОВЕЦ: Сколько времени я трачу из-за этой переписи. Теперь вот и переночевать нигде. Может всё-таки найдётся угол, мне бы только переночевать. Я хорошо заплачу.

МАРФА: Прости, господин, но мест нет. Накормить – это можно. Отдохнёшь с дороги.

ТОРГОВЕЦ: (*присаживается, ставит шкатулку на стол*) Жаль, жаль... Я бы дорого заплатил (*открывает шкатулку, вынимает ожерелье*). Может быть тебе, хозяйюшка, что-нибудь из моего товара понравится? Смотри – ожерелье, совсем как царское! Камни – так и переливаются блеском огней, а оправа из чистого золота. А?

МАРФА: Ах, какая прелесть! Просто загляденье!

Сарра перестаёт мести, смотрит со спины Марфы на ожерелье.

МАРФА: (*сердито*) Что смотришь? Подметай быстрее!

ТОРГОВЕЦ: (*копается в шкатулке*) А у меня и для дочки твоей найдётся украшение.

МАРФА: Какая она мне дочка! Сирота. Племянница мужа. Пригрели на свою шею. Да толку от неё мало.

На входе появляется приезжая гостья

ПРИЕЗЖАЯ ГОСТЬЯ: Я просила принести воды. Почти час прошёл, а никто не несёт!

МАРФА: Сарра! (*обращается к торговцу*) Вот видите, что это за девчонка! Всё забывает. (*обращается к Сарре*) Сейчас же сбегай за водой! И помни, пока всё не сделаешь, не накормим. Ходи голодная. Понятно?

Сарра берёт кувшин и уходит.

МАРФА: (*обращается к проезжей гостье*) Вы уж извините. Такой толчеи у нас ещё не бывало. Просто голова кругом идёт!

ТОРГОВЕЦ: Ну, если тебе, хозяйюшка ожерелье не нравится, тогда прощай.

ПРИЕЗЖАЯ ГОСТЬЯ (*разглядывая ожерелье*) Ох-х, какая тонкая работа. А какие камни!..

ТОРГОВЕЦ: Я и говорю – царское ожерелье. Готов за ночлег отдать. Где утра дождаться? Хоть в поле ночуй! (*собирает вещи в шкатулку*) Пойду, может быть, в другом месте ночлег найдётся...

МАРФА: Пстой, добрый человек! Кажется, маленькая комната у нас найдётся. Вот этой девчонки. Она и с овечками поспит. Ничего с ней не делается.

ТОРГОВЕЦ: Мне бы только крышу над головой да мягкую постель.

МАРФА: Я провожу тебя, пойдём.

Торговец: (*отдаёт ожерелье Марфе*) Благодарю, хозяйюшка. Вот возьмите за комнату.

Марфа принимает ожерелье и уходит

ПРИЕЗЖАЯ ГОСТЬЯ: А хозяйка-то не глупа. Такое ожерелье заработала!

Приезжая гостья уходит, входит Симон, садится на скамью

СИМОН: Фу-у-у! Устал. Ну и денёк! Гостей столько, что не знаешь, что и делать.

Вбегает Сарра

САРРА: Дядя Симон! Милый мой дядя!

СИМОН: Что такое, девочка?

САРРА: Обещай, что можно! Пожалуйста!

СИМОН: Что можно? О чём ты, милая?

САРРА: Там двое пришли из Назарета. Он то старый, а она молоденькая. И такие уставшие.

СИМОН: Все приезжие устали, моя девочка. Из-за этой переписи народ со всех концов земли идёт сюда – весь род царя Давида. Ты уж скажи им, милая, что у нас нет больше места.

САРРА: Дядя, я им свой чуланчик отдам! Можно? Я в хлеву переночую.

КОСПРОМА

СИМОН: Бедная моя, добрая девочка, ведь устала ты, тебе отдохнуть надо.

САРРА: Дядя Симон, пожалуйста! Они так устали, так устали. Позволь мне им помочь!

СИМОН: Ну, Бог с тобой, веди их в свой чуланчик.

САРРА: Спасибо, дядя, спасибо! Ты не беспокойся за меня, я свою работу сделаю: и двор подмету, и овощи почишу, и воды принесу. Я всё сделаю.

Входит Марфа, на шее у неё новое ожерелье

МАРФА: Ты воды принесла?

САРРА: Я сейчас... Вот только двух путников проведу в мой чуланчик. Дядя Симон позволил.

МАРФА: В чуланчик?!

САРРА: Я в хлеву, на соломе буду спать. А они такие усталые...

МАРФА: Ты и так там будешь спать, и местом своим не распоряжайся! Непослушная девчонка!

СИМОН: Да полно тебе, Марфа!

МАРФА: А ты не вмешивайся! Я её чулан уже сдала торговцу.

САРРА: *(плачет)* Они такие усталые, такие хорошие...

МАРФА: И слышать не хочу. Делай свою работу! И поторапливайся! *(уходит)*

СИМОН: Не плачь, милая, не плачь, *(прижимает к себе Сарру)* как-нибудь устроим. Не плачь.

САРРА: Не могу я, дядя, оставить их! Она мне так улыбнулась, точно мама моя! Они добрые, бедные... Может быть, они со мной в хлеву переночуют, а?

СИМОН: Не захотят, я думаю...

САРРА: А я спрошу. Можно?

СИМОН: Ну, беги, спрашивай. Если согласятся, пусть ночуют в хлеву.

Сарра убегает.

Сцена 4

За городом. Встреча Сарры с пастухами и детьми

ВЕДУЩАЯ: И пошла плачущая Сарра размещать бедных путников в холодном хлеву, куда запирались на ночь осёл, несколько овец и коз. После всего случившегося она очень переживала за грубое обращение хозяйки. Её маленькое доброе сердечко не вынесло несправедливости. Нет, не за себя, а за бедных путников Иосифа и Марию. И решила сиротка уйти из дома.

САРРА: Уйду куда глаза глядят, пусть меня волки съедят, или разбойники схватят.

Появляются пастухи и Ваня с Машей

ПАСТУХ 1: Добрый день, девочка!

САРРА: Здравствуйте, куда путь держите?

ПАСТУХ 2: Мы идём вслед за звездой (*показывает на звезду*), она приведёт нас к Спасителю мира.

САРРА: Меня бы кто спас, сирота я нищая, и тётя меня совсем замучила.

ВАНЯ: А пойдём с нами, поклонимся Спасителю, и тебе легче станет.

САРРА: Нет, не могу я возвратиться в город, увидит тётушка, что я убежала, попадёт мне.

Пастухи уходят, а Сарра идёт дальше, и ей навстречу идут волхвы.

САРРА: Добрый день, дедушки.

ВАЛТАЗАР: Здравствуй девочка! Только мы не дедушки, мы волхвы.

САРРА: Идёте поклониться Спасителю?

ГАСПАР: Истинно говоришь. Наверное, пастухи тебе сказали?

САРРА: Да-а-а, а вы откуда знаете?

МЕЛЬХИОР: Мы же волхвы, мы всё знаем.

САРРА: А что у вас в руках?

ГАСПАР: Золото, ладан и смирну мы несём Спасителю в дар.

ВАЛТАЗАР: Для нас большая честь принести дары Младенцу, который вырастет и станет Спасителем всего мира!

САРРА: Младенец – Спасителем? (*плачет*)

ГАСПАР: Радоваться надо, а ты плачешь.

САРРА: Я бы тоже хотела что-то подарить, но я такая бедная, что у меня ничего нет! Совсем ничего (*девочка продолжает плакать*).

Звучит Рождественская песня. Дети (не только Ваня и Маша – у них нет даров) и пастухи несколько раз проходят по сцене с дарами, имитируя движение к Спасителю. Из капель слёз Сарры незаметно вырастают цветы.

САРРА: (*вытирая слёзы*) Розы!!! Откуда они? Какие красивые! Я подарю их Спасителю! (*Срезает цветы аккуратно неизвестно откуда взявшимися ножницами, нюхает и говорит*) Жаль, что их так мало, я бы подарила Ему все розы мира. Побегу скорее догонять пастухов! (*Догоняет*) Я с вами! Как мы найдём дорогу к Спасителю?

ВАНЯ: Так вот же, звезда горит, она нас и приведёт.

КОСПРОМА

САРРА: Но она указывает как раз на нашу гостиницу, где меня ничего хорошего не ждёт.

ПАСТУХ 2: Не бойся, девочка, звезда не ошибается, это же Вифлеемская звезда!

Сцена 5

Танец ангелочков под Рождественскую песню

ВЕДУЩАЯ: А тем временем у бедных путников в хлеву родился Младенец. Мария, спеленав, положила Его в ясли. И ослик согривал Новорожденного своим дыханием... А пока к родившемуся Спасителю спешат пастухи, дети и волхвы, чтобы поклониться Ему и принести свои дары.

Вертеп. В яслях лежит Младенец. Входят пастухи, затем Маша с Ваней и приносят свои дары.

ПАСТУХИ: Тот самый Младенец, который станет Спасителем мира!

ВАНЯ: А мы проделали такой путь, чтобы поклониться Ему.

МАША: И всё благодаря бабушке и чудесам, в которые не верили!

Входят волхвы, приносят дары, кланяются. Вслед за ними – Сарра.

САРРА: Боже мой, так это те странники, которых я пустила! И у Них родился Младенец!

Звучит Рождественская песня.

Сцена 6

Гостиница. Вбегает Сарра

ВЕДУЩАЯ: Всё в природе: и люди, и звери, и даже звёздочки со снежинками радуются приходу в мир Спасителя Христа!

САРРА: Тётушка, дядя, разве вы ещё ничего не знаете? В нашем хлеву родился Спаситель

МАРФА: Что за вздор? Спаситель мира – в хлеву? Такое придумают!

СИМОН: Нет, ты погоди. Ведь у нас в хлеву сегодня люди ночуют.

МАРФА: Что-о-о? Какие люди? Это всё проделки Сарры! Пойду и выгоню их оттуда. Безобразие! (*уходит*)

СИМОН: Мне бы им свою комнату уступить! А я их в хлев! О горе, мне, горе...

Возвращаются Марфа с Саррой.

МАРФА: Симон, в яслях Младенец лежит.

Садится в задумчивости на скамейку, перебирает в руках ожерелье

САРРА: Ах, дядя Симон! Ты бы поглядел на Младенца! Он такой!..

МАРФА (*задумчиво*): Странно, когда я смотрела на Него, у меня так тихо, так спокойно на душе стало!

САРРА: А когда Он смотрит, словно душу твою видит!

СИМОН: Марфа, Ему бы у нас в доме родиться, а мы Его не пустили.

МАРФА: (*закрывает лицо руками и плачет*) Знаю, знаю...

САРРА: (*обнимая Марфу*) Не плачь, тётя Марфа, не плачь...

МАРФА: (*прижимая Сарру к себе*) Ведь я в твою комнатку их не пустила. И всё из-за своей жадности.

САРРА: Но ведь ты не знала... Не знала, что Младенец...

МАРФА: Не знала, это правда. Но ведь ты тоже не знала, а пожалела их. А я и слушать не хотела. Выгнать их собиралась. (*Поднимается со скамьи, снимает с себя ожерелье и отдаёт его Сарре.*) Прости меня, доченька. Отнеси и подари нашим путникам ожерелье, им оно важнее.

Сарра уходит с ожерельем.

СИМОН: Вот видишь, Марфа, и ты Спасителю дар принесла!

Марфа: Стыдно мне, Симон. За жадность мою стыдно. Ожерельем этой вины не загладить... (*думает*) Вот разве комнату свою им отдадим.

СИМОН: Теперь уже поздно.

МАРФА: Нет, Симон, грех свой загладить никогда не поздно. Знаешь, а давай всегда одну комнату для бедных оставлять. Не за деньги, а так. В дар Младенцу.

СИМОН: Вот и хорошо. Значит, и мы Ему дар принесём.

МАРФА: А Сарра! Зачем, зачем я с ней так поступала! Симон, с сегодняшнего дня Сарра тоже будет нам дочерью! И никакой тяжёлой работы.

Появляется с веником в руках Лия, подметает пол.

МАРФА: Лия, что ты делаешь? Ты же болеешь!

ЛИЯ: А я работой спасаюсь, чтобы кости не болели. Мы теперь с Саррой всё вместе будем делать.

СИМОН: Слава Богу! Какое счастье, что родился Спаситель!

Сцена 7

За городом. Дети идут и рассуждают между собой.

МАША: И всё же, почему Младенца назвали Спасителем?

ВАНЯ: Надо у бабушки спросить, она всё знает.

КОСПРОМА

МАША: Или у батюшки нашего. Бабушка всегда в таких случаях говорит: «Батюшка сказал, батюшка благословил»... Вань, я домой хочу, к бабушке.

ВАНЯ: Для этого нам надо перенестись на 2023 года вперёд!

МАША: Но как?

ВАНЯ: Бабушка всегда говорит в таких случаях: «Помолитесь, и Господь поможет».

МАША: А я знаю только одну молитву: Господи помилуй!

Появляется Ангел

АНГЕЛ: Вот и заканчивается ваше путешествие в начало веков. Возвращайтесь обратно, на 2023 года вперёд!

Ангел дарит детям фигурку ангела и прикасается к детям жезлом. Звучит колокольный перезвон. Дети кружатся и оказываются в доме своей бабушки.

ВАНЯ: Маша, мы дома!

Подбегают к бабушке и обнимают её.

ВАНЯ и МАША (*радостно хором*): Бабушка, бабушка! С Рождеством!

ВАНЯ: А знаешь, мы кого видели? Младенца-Спасителя! Он родился далеко-далеко в городе Вифлееме!

БАБУШКА: Всё верно, родные вы мои, но Он всегда рядом с нами.

МАША: Ой, но мы же ничего Ему не подарили!

ВАНЯ: И правда ничего. Но что мы можем подарить Спасителю мира?

БАБУШКА: А вот и можем. Давайте подарим Ему свою любовь! И будем славить Его и всем возвещать эту новую радость!

ВАНЯ: Всё как будто в сказке! А ещё мы видели Ангела, того самого, как на ёлке. И смотри, что он нам подарил. *Показывает бабушке фигурку ангелочка.*

БАБУШКА: Вот это чудеса!

МАША: Бабушка, ты прости нас, что мы не слушались.

ВАНЯ: И вообще, баб, ты такая продвинутая.

МАША: Ваня! Ну как ты можешь?..

ВАНЯ: То есть... я хотел сказать, что ты, бабушка самая-самая!

МАША: Умная и добрая!

БАБУШКА (*умленно*): Видела бы это Глафира!..

МАША: А пойдёмте её с Рождеством поздравим!

ВАНЯ: Точно! И всех-всех, кого встретим!

ВСЕ ВМЕСТЕ: (*обращаясь к зрителям*) С Рож-дес-твом!!!

Все поют Рождественскую песню

ЕВГЕНИЯ РЕВАКОВА – преподаватель дополнительного образования нерехтской школы-гимназии, музыкант. Специфика педагогической деятельности, руководство театральной студии «Синяя птица» гимназии требуют творческого подхода к созданию сценариев школьных праздников. Стихи, песни, пьесы, написанные Евгенией Павловной, читают и исполняют как школьники, так и взрослые. Стихи печатались в литературных сборниках Нерехты, Костромы, Волгореченска, Иваново, в журнале «Иртыш-Омь» г. Омска, в серии «Библиотека современной поэзии», в книге № 8 «Стихия природы» и в книге № 9 «Связующее слово». Изданы пять авторских поэтических сборников. Является соавтором коллектива российского альманаха «Наследие». Член Союза российских писателей, участница нерехтского литературного объединения «Лира».

КРАСОТА

пьеса-сказка

Действие первое

Звучит райская музыка, исполняется «Танец цветов»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

В синем небе плывут облака,
Проплывая над райской долиной,
Где течёт полноводьем река
И струят ароматом жасмины.
Там цветочные всюду поля
В ярком, солнечном чудо-цветенье.
Не насытится раем земля,
Тем божественным мира твореньем.
А в долине жила Красота,
Поселилась, о счастье мечтая,
Днём и ночью молила Христа,
На людскую любовь уповая.

КРАСОТА:

Дай мне, Господи, чудо-цветок,
Чтобы с ним я от счастья сгорала,
Чтобы с ним я встречала восток,
В отраженье заката сверкала.
Чтобы люди любили меня
И склоняли свой лик предо мною,

ЖОСПРОМЯ

Чтобы в жизни всей день ото дня
Любовались моей красотой...

ДОБРОТА:

Может, милостив будет Господь,
Может быть, снизойдёт благодатью,
Только ты усмири свою плоть,
Будь смиренна, молясь у распятия.

КРАСОТА:

Кто ты?

ДОБРОТА:

Я? – Сама Доброта!
Окружаю всех лаской, заботой.
Будь добра – не получишь и зла,
И удачлива будешь...

КРАСОТА:

Всего-то?

ЛЮБОВЬ:

Послушаньем любовь заслужи,
Будь нежна, и скромна, и гуманна,
И людьми научись дорожить –
Станешь людям красива, желанна.

КРАСОТА:

Ну, а ты кто, скажи?

ЛЮБОВЬ:

Я – Любовь!
Без меня людям туго на свете,
Потому что Любовь – это Бог,
Верь Ему – Он за нас всех в ответе!

КРАСОТА:

Для чего мне приспело любить
Всех на свете, кого б ни попало?
Я красива – и так тому быть!
Говорить с вами мне не пристало!

ЛЕСТЬ:

Только сил понапрасну не трать,
Иногда можно быть и спесивой,
Лишь бы мненье своё отстоять,
Чтоб по праву считаться красивой!

КРАСОТА:

Мне по нраву твой сказ! Кто ты есть?
Так приятна беседа с тобою!
Я, голубушка, тонкая Лесть,
Так пойдём же мы тропкой одною!

ЛОЖЬ:

Всем великая сила дана,
Кто владеет тем даром с рожденья,
Я склоняюсь во сне и без сна
Пред твоей красотой, без сомненья!

КРАСОТА:

Как твой норов с подругою схож,
Как зовут тебя, слышь, признавайся?

ЛОЖЬ:

Я всего-то – изящная Ложь,
Так что слушай меня, наслаждайся!

ЛЕНЬ:

Я готова на том же стоять
И согласна, конечно, всецело!
Можно в праздности день коротать,
Только б лишь красота не смлела!

КРАСОТА:

Что я слышу, моя красота?
Как же вы возразить мне посмели?
Я – одна в этом мире звезда,
Вы во мне усомниться хотели?

ЛЕНЬ:

И не думала я возражать,
Не спеши, я сказать лишь хотела,
Срочно надо тебе полежать,
Отдохнуть и душою, и телом.

КРАСОТА:

Ты откуда взялась, не пойму?

ЛЕНЬ:

Лень! К тебе я на службу явилась.
Отдыхать я привыкла в миру,
Полежи, вишь, как ты утомилась!

КРАСОТА:

Ну, уж нет! Нет, не буду я спать!
Кто ж тогда про меня всё узнает?

КОСПРОМА

ЛЕСТЬ:

Что я вижу? Слезинки опять?
Красота оттого цвет теряет!

ЛЕНЬ:

Говорю же, приляг, отдохни,
Всё успеешь, ведь утро – не вечер.
А ещё лучше просто усни,
День сегодня и ярок, и светел!..

ЛОЖЬ:

Дни и ночи твоя красота
Целый мир застилает собою.
Остальное – всё блажь, суета,
И не спорьте, не спорьте со мною!

КРАСОТА:

Надо в путь мне скорей поспешить
Завоёвывать чудо-пространства,
Ведь с моей красотой покорить
Можно в мире и земли, и царства!

ЛЕСТЬ:

Безусловно, смелее, скорей,
Овладеть миром всем постарайся,
Всех своей красотой обогрей,
Чтобы впредь обрести постоянство.

КРАСОТА:

Обогреть? Ну, уж нет, ну, уж нет!
Грейте сами, коль так вам охота!
Предо мной на ладони весь свет,
Остальное – не ваша забота...

ДОБРОТА:

Что же будет? Погибнет она,
Разве можно с упрямством родниться?

ЛЮБОВЬ:

Как спасти свет души ото сна,
Ели в разуме гордость таится...

ГОРДЫНЯ:

Кто посмел говорить обо мне,
О достойнейшей, важной персоне?
Я – Гордыня внутри и извне,
Я века пребываю на троне!

Безразлична к роптанию других,
Лишь собою я только довольна!
Ты, красавица, в гору иди,
Торжествуй красотой привольно.
Становись на крутой пьедестал,
Пусть отныне завидует каждый,
Мы сольёмся в единый кристалл
На пути этом брэнном однажды!

ЛОЖЬ:
Как красива и пламенна речь!
С вами мы на одном пьедестале.

ГОРДЫНЯ:
Помолчи лучше! Мне не перечь!
Я – Гордыня и быть мне в начале!

ЛОЖЬ:
Кто же против, но всё же без лжи
Будет трудно кристальной казаться...

ГОРДЫНЯ:
Язычок только попридержи,
Впрочем, можешь со мною остаться!

ЛЕСТЬ:
Вы забыли ещё про меня...

ГОРДЫНЯ:
А тебе до меня что за дело?

ЛЕСТЬ:
Не прожить вам без Лести и дня!

ГОРДЫНЯ:
Оставайся! Как всё надоело!

ДОБРОТА:
Нет, не будет тех слов без добра!

ЛЮБОВЬ:
И любовь мира свет в ней угаснет!..

ЛОЖЬ:
Ах, не верь им, не верь, Красота,

ЛЕСТЬ:
Вот увидишь, найдёшь своё счастье!

ЛЕНЬ:
А по мне, что зря ноги топтать?

КОСПРОМА

Только сердцу напрасно тесниться.

КРАСОТА:

Замолчите! Прошу не мешать –

Я хочу вдоволь славы напиться!

Ухожу своё счастье искать

Красотой и блистать, и искриться!

ГОРДЫНЯ, ЛОЖЬ И ЛЕСТЬ:

Мы с тобой будем вместе мечтать!

КРАСОТА:

Нет! Хочу в славе одна я кружиться!

Музыка. Красота уходит «завоёвывать мир»

Действие второе

КРАСОТА:

Как темно! И не видно пути,

Красота моя сгинет без света.

Наталкивается на Жадину, которая ест огромный каравай.

ЖАДИНА:

Это кто тут, а ну-ка пусти,

Что стоишь, не даёшь мне ответа?

КРАСОТА:

Пред тобой Красота – посмотри,

Накорми-ка меня, постарайся!

ЖАДИНА:

А я – Жадина, вся изнутри!

Деньги есть? Если нет – убирайся!

Я сама люблю вкусно поесть,

До тебя нету вовсе мне дела!

А, хотя... мысли всё-таки есть:

За еду красоту мы поделим!

КРАСОТА:

За кусок пирога – красоту?

ЖАДИНА:

Ну, а ты по-другому хотела?

Я из жалости хлеб не даю,

Как бесплатно просить есть посмела?

КРАСОТА:

Пред тобой Красота!

ЖАДИНА:

Ну и что?

КРАСОТА:

Есть хочу я!

ЖАДИНА:

Весьма сожалею, –
Денег нет, заработай тогда,

КРАСОТА:

Как? Ведь я ничего не умею....
Красота я! А труд мне во вред!

ЖАДИНА:

Ты изволь, Красота, не сердиться...
Хорошо, ты получишь обед,
Но тебя я заставлю трудиться!

Появляется Зависть

ЗАВИСТЬ:

Это с кем ты ведёшь разговор?
Чем помочь? Я имею сноровку!
Кто стоит тут, потупивши взор?
Неужели поймала воровку?

Жадина прячет каравай, накрывает платком Красоту.

ЖАДИНА:

Говорит, что она – Красота
К нам свалилась, не знаю откуда.
Только с нею одна маета,
Так что ты не завидуй, подруга!

ЗАВИСТЬ:

Зависть я! Так, что дай мне взглянуть,
Больно речи ведёшь ты забавно!

ЖАДИНА:

А потом не успеешь моргнуть,
Обведёшь вокруг пальца исправно!

ЗАВИСТЬ:

Покажи, деньги я заплачу!
Сколько спросишь за эту девчонку?
Я серьёзно прошу, не шучу,
Отойди-ка, подруга в сторонку!

ЖОСЛПРОМЯ

ЖАДИНА:

Нет мне дела до денег твоих,
То добыча плыла в мои сети.

ЗАВИСТЬ:

Мы поделим приплод на двоих –
Мы с тобою подруги на веки!

ЖАДИНА:

Уходи!

Зависть хочет снять накидку с головы Красоты, а Жадина не даёт

ЗАВИСТЬ:

Ни за что не уйду!
Пусть мне станет от этого худо!
Всё равно, всё равно загляну
Под накидку, где прячешь ты чудо!

Срывает накидку, перед ней – Красота.

Кто, скажи мне ты?

КРАСОТА:

Я – Красота!

ЗАВИСТЬ:

Красота!!! Не могу оторваться!
Ах, достоин твой образ венца,
Не хочу я с тобой расставаться!

Берёт за руку, хочет увести за собой

ЖАДИНА:

Отпусти, то моя Красота!

ЗАВИСТЬ:

Не подумаю, быть ей со мною!

ЖАДИНА:

Нет, моя!

ЗАВИСТЬ:

Нет, моя!

ЖАДИНА:

Нет, моя!

ЗАВИСТЬ:

Ну, заплатишься ты головою!

Завязывается потасовка, на шум приходят Доброта и Любовь

КРАСОТА:

Не хочу вслед за вами идти,
Не хочу жить в корысти и злобе,
Я хочу лишь в душе обрести
Доброту и Любовь, и свободу!
Жить трудом, людям радость дарить,
Ощущая мир счастья душою,
Разве можно всё это сравнить
С той ненужной моей красотой?

ДОБРОТА:

Ты на верном пути, Красота –
На пути, что ведёт к исцелению,
Лишь в молитвах своих у Христа,
Бог простит все твои прегрешенья.

ЛЮБОВЬ:

Успокой двуличие и зависть,
Прогони тщеславие и ложь,
Чтоб в тебе прозрением остались
Доброта и кротость, зло не множь!

ДОБРОТА:

Пусть торопит Ангел пробужденье,
Пусть ликует, грех людской круша, –
Потому что новое рожденье
Обретёт с молитвою душа!

ЛЮБОВЬ:

И в долине ярко вспыхнет снежной,
Свет небесный чудо-естества –
Это – Знак Свершений и Надежды,
Это – Светлый Праздник Рождества!

ОЛЬГА КОЛОБОВА (Алексеева) родилась в Ярославле в 1966 году. Живёт в Костроме. Окончила музыкальное училище, музыкально-педагогический факультет КГПУ им. Н.А. Некрасова. Стихи пишет с детства. Печаталась в газетах «Северная правда», «Молодёжная линия», «Фонтан», в сборниках стихов «Происшествие в городе К.», «Летняя тетрадь», «Поют любовь вам ангелы-поэты...», в журнале «Бабы радость» (Архангельск, 2008 г., 2013 г.); «Костромской собеседник» (2017 г.), в альманахах Каблуковских литературных встреч (Тверь, 2007, 2013 гг.) и др. Лауреат конкурса поэзии «Предлог» (Кострома, 2014 г.), лауреат V поэтического конкурса памяти К. Васильева «Чем жива душа...» (Ярославль, 2014), лауреат литературного конкурса «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь» (Рыбинск, 2019). Автор трёх сборников лирики и книги стихов для детей. Член Союза писателей России.

СНЕГУРОЧКА*

пьеса в стихах для детей по мотивам русской народной сказки

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАССКАЗЧИЦА 1

РАССКАЗЧИЦА 2

ДЕД

БАБА

СНЕГУРОЧКА

ПОДРУЖКИ СНЕГУРОЧКИ

ИСПОЛНИТЕЛИ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ СЦЕН

Декорации: в одной части сцены деревенская изба с лавкой перед ней, в другой – лес. С краю, на авансцене, – лавка для рассказчиц.

Вступление

На фоне музыки в записи звучат стихи

Город старинный над Волгой-рекой
С давних времён наречён Костромой.

* Пьеса рекомендуется к постановке в детских дошкольных образовательных учреждениях, в начальных классах средних образовательных школ, в учреждениях дополнительного образования, в детских театральные студиях, кружках. Все роли в спектакле рассчитаны на юных исполнителей.

Много он славных традиций хранит
И на весь мир, говорят, знаменит.
Сказочный город! Ну, разве не чудо,
То, что Снегурочка родом отсюда?

*Девичий хоровод «Ах, Кострома».
Музыка. Выходят две рассказчицы*

РАССКАЗЧИЦА 1:
Слова дороже серебра.
Нам сказку начинать пора.

*В глубине сцены освещается изба стариков,
которые сидят перед ней на лавочке*

РАССКАЗЧИЦА 2:
Жили-были баба с дедом,
Жили ладно, дружно.
И в дому у них при этом
Было всё, что нужно:
И кормилица корова,
Куры и овечка.
И изба, хоть и не нова,
Но с котом на печке.

РАССКАЗЧИЦА 1:
Всё бы было хорошо,
Но при разговоре,
Дед, в раздумья погружён,
Сетовал на горе:

СТАРИК:
Ох, старуха, скучно жить
Нам без ребятишек!
Не смогла ты мне родить
Девок и парнишек!

СТАРУХА:
Дед, и мне, признаться, нет
Радости от жизни!
Без детей не мил и свет,
Век сиди да кисни!

РАССКАЗЧИЦА 2:
Вот пришла зима опять.
Снега – выше крыши!
За околицу гулять
Ребятишки вышли.

КОСПРОМА

И мороз не страшен им!
В санках мчатся с горки
По ухабам ледяным
И визжат в восторге!
Смех залиvistый звенит
Возле снежной бабы!
У соседской ребятни,
Что ни день – забавы!

*Танец со снежными комками
«Как упали снежки»*

СТАРИК:
Что задумалась, жена?
Отложи-ка гребень.
Разгуляться нам пора,
Может, бабу слепим?

СТАРУХА:
Что ж, тряхнём, дед, стариной,
Выйдем-ка на улочку!
Вместо бабы снеговой
Вылепим Снегурочку!

Музыка

РАССКАЗЧИЦА 1:
В здоровом ль старики уме?
При честном народе,
Дочку снежную себе
Лепят в огороде!

*Музыка. Старики «лепят» Снегурку.
Музыка меняется*

РАССКАЗЧИЦА 2:
Вот Снегурушка-краса,
Как картинка встала:
Глазки – бусин бирюза,
Ротик – лента ала.
Шевельнулась...

БАБА:
Ожила...

РАССКАЗЧИЦА 2:
Прошептала бабка.
Молвил дед:

ДЕД:
К избе пошла...

РАССКАЗЧИЦА 2:
Слёзы вытер шапкой...

РАССКАЗЧИЦА 1:
Не по дням, а по часам
Вырастала дочка.
Ниже пояса коса,
Русы завиточки.
Только личиком бела,
Щёчки не румяны.
Но смышлена, весела,
Нет в душе изъяна.
Дня не знает без хлопот,
Скукой не томится.
Ну а песню запоёт –
Подпевают птицы!

Песня Снегурочки
(русская народная песня)

РАССКАЗЧИЦА 2:
Вот прошла зима. Весна
Солнышком пригрела.
Тает снег и даль ясна,
Речка зашумела.
Рады все вокруг теплу.
Ожила природа.
Парни, девки на лугу
Водят хороводы!

Хоровод «Весну звали»

РАССКАЗЧИЦА 1:
Свежей нежною травой
Поле зеленится.
Из далёких стран домой
Возвратились птицы.

Танец птиц

РАССКАЗЧИЦА 2:
Всё ликует и поёт,
Радуясь погоде.
Лишь Снегурка слёзы льёт,
Невесёлой ходит.

КОСПРОМА

СТАРИК:

Что дочурочка тебе
Вдруг тоскливо стало?
Что сидишь весь день в избе?
Шла бы, погуляла...

СТАРУХА:

Занедужило дитя!
Ой, болезнь некстати...

СНЕГУРОЧКА:

Полно, матушка, моя.
Успокойся, тятя.

РАССКАЗЧИЦА 1:

Вот последний снег сошёл,
Зацвели цветочки.
Всё бы ладно, хорошо,
Да печальна дочка.
Всё б ей в тень да в холодок,
Солнышку не рада.
И поникла, как цветок,
Стариков отрада.

РАССКАЗЧИЦА 2:

А однажды шла гроза,
Потемнели дали,
Ливень лил, как из ведра,
Молнии сверкали!
Не щадя, посевы бил
Град, размером с вишню!
А Снегурка из избы
В сад босая вышла!
В руки, радуясь, берёт
Крупный град прохладный!
Словно это и не лёд –
Жемчуг перекатный!

Танец Снегурочки под дождём

РАССКАЗЧИЦА 1:

Лето Красное в права
За весной вступило.
Зацвели цветы в садах,
Рожь заколосилась.
Пуще прежнего грустит,
Хмурится Снегурка.

Солнце лишь взойдёт в зенит –
Прячется дочурка.

СТАРИК:

Радость наша! Что ж тебя
Вновь тоска-то гложет?
Среди девок и ребят
Грусть развеешь, может?

СТАРУХА:

Точишь слёзы в два ручья,
Лёжа на полатах...

СНЕГУРОЧКА:

Полно, матушка, моя.
Успокойся, тятя.

РАССКАЗЧИЦА 2:

Вот пошли подружки днём
В лес по землянику,
И Снегурку под окном
Стали дружно кликать.
Не удерживая, мать
Отпустила дочку
В лес еловый собирать
Ягоды, цветочки.

Музыка

РАССКАЗЧИЦА 1:

Вот подруженьки в лесу
Песни распевают,
И вечернюю росу
С травушки сбивают,
В хороводе закружась
В праздничных веночках.
С зорьки – игры, перепляс –
До глубокой ночи!

Русская народная игра «Заря-заряница».

Танец «Будем по росе гулять»

РАССКАЗЧИЦА 2:

Село солнышко. Костёр
Развели подружки:
Через пламя да на спор
Прыгать друг за дружкой!

Музыка. Подружки прыгают через «костёр»

КОСПРОМА

РАССКАЗЧИЦА 1:

Отойдя подальше, к пню,
К ним Снегурка встала
И к манящему огню
Было побежала...

Музыка. Снегурочка разбегается...

Подружки перегораживают ей дорогу

РАССКАЗЧИЦА 2:

Искры гаснут на лету,
Но конец не грустен!

ПОДРУЖКИ (*вместе*):

Мы Снегурочку к костру
Близко не подпустим! (*берут Снегурочку за руки*)

ПОДРУЖКА 1:

Пусть не тает, а навек
Остаётся с нами!
Запасём зимой ей снег,
Снежный дом поставим!

ПОДРУЖКА 2:

Пусть живёт среди людей.
Вы согласны, дети?
И запомним: мы теперь
За неё в ответе!

Звучит музыка.

Выходят все герои.

Читают по очереди:

1-й

Хрупкая, как веточка,
В серебристом инее...

2-й

Ледяная девочка...

3-й

Ангел с нежным именем!

4-й

Снежная красавица!

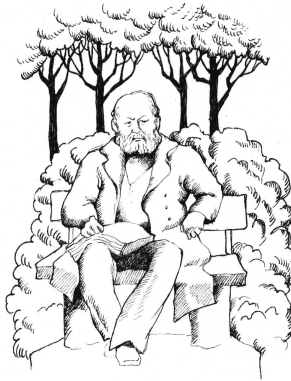
5-й

И Весны дочурочка.

ВСЕ ВМЕСТЕ:
Всем нам очень нравится
Милая Снегурочка!

РАССКАЗЧИЦА 1:
Солнышко над крышами,
Птицы вьются стаями...

РАССКАЗЧИЦА 2:
А Снегурка – слышали? –
Вовсе не растаяла!

СОДЕРЖАНИЕ

Смоленцева Е. Ю. Кострома А. Н. Островского..... 3

I. А.Н. ОСТРОВСКИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Лебедев Ю. В. Россия А. Н. Островского	14
Едошина И. А. А. Н. Островский и музыка.....	72
Степаненко Е. Т. Хозяин русской сцены	77
Зябликов А. В. «Сочная многообразная фигура»: пьесы А.Н. Островского на сцене Костромского драматического театра в 1920-е гг.	94
Муренин Н. В. «Этот человек – талант огромный»	99
Соловьева Л. В. Георгий Титович Синюхаев – автор «Трудов и дней Островского».....	103

II. ДРАМАТУРГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОСТРОМСКИХ АВТОРОВ

Проскуряков В. М. Лесорубы (<i>пьеса в 3-х действиях</i>)	110
Муסיнова Н. Е. Однажды райским вечером... (<i>пьеса в 4-х действиях</i>).	125
Власова Н. А. Одна из многих (<i>пьеса в 3-х действиях</i>).	156
Хомяков О. М. Любовь – морковь человека без имени (<i>лирическая комедия в одном действии, 4-х картинах</i>)	195

III. ПЬЕСЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Козлов В. В. Приключения Маши и Вани в Палестине (<i>Рождественская сказка</i>).	213
Ревакова Е. П. Красота (<i>пьеса-сказка</i>)	225
Колобова О. С. Снегурочка (<i>пьеса в стихах</i>).....	234

Литературный альманах

«КОСТРОМА»

Выпуск № 8 (2023 г.)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Костромская областная писательская организация Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор

Муסיнова Н.Е.

Редакционная коллегия

Бугров А.А.

Муренин Н.В.

Зябликов А.В.

Запольских О.А.

Проскуряков В.М.

Каргопольцева Е.Е.

Технический редактор

Петрюк И.П.

Иллюстрации

Ольга Швейцер

Отпечатано в ООО «Копир»
г. Кострома, ул. Галичская, 100
Формат 60 × 90 1/16. Объем 14,75 у.п.л.
Тираж 500 экз.